НОЯБРЬ | NOVEMBER | 2022
№4(4) | ISSN 2782-621X (ONLINE)

РОССИЯ:

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ИСТОРИЯ

Институт региональных и международных исследований

АРКТИКА
СПЕЦВЫПУСК

Фотоматериал: Евгения Краленко
Териберка, Мурманская область

Темы
ВЫПУСКА

Эксперты

– Развитие и модернизация Арктической зоны Российской Федерации

– Арктическая проблематика России

– Восточная Арктика: возможности интеграции морского транспорта в международное транспортное пространство

– Роль бизнеса в устойчивом развитии Арктики

– Формирование современного геокультурного пространства Русского севера

– Исторические государственные деятели России о социально-экономических проблемах развития Сибири

Подробности на страницах журнала

ISSN 2782-621X (Online)

РОССИЯ

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ИСТОРИЯ

Russia: Society, Politics, History

№4 (4)
Ноябрь | November | 2022

ISSN 2782-621X (Online)
УДК: 32; 93/94; 316

Информация об издании

«Россия: общество, политика, история»
- сетевое издание, журнал.
Издается с 2021 года, выходит 4 раза в год
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор):
ЭЛ № ФС77 - 82408 от 10 декабря 2021 года.
Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации:
ISSN: 2782-621X (Online)
Архивация:
Российская государственная библиотека
Национальный электронно-информационный консорциум

Учредитель, Издатель

ООО «Институт региональных и международных исследований»

108819, г. Москва, г. Московский, мкр 3, 11-345
E-mail: info@irmi.ru.com

Партнеры

Комитет Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики
103265, Москва, ул. Охотный ряд, дом 1
http://komitet2-1.km.duma.gov.ru/

Контакты редакции

Главный редактор, заместитель Главного редактора
E-mail: rossiya.ob-pol-ist@mail.ru
Для отправки рукописей и консультаций e-mail: ropi.journal@yandex.ru

Миссия журнала

Журнал **«Россия: общество, политика, история»** предоставляет возможность для начинающих и опытных ученых высказать авторскую точку зрения на процессы, происходящие в России, вокруг России и с участием России. Мы приветствуем научный диалог и аргументированные научные дискуссии.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки:

Исторические науки

07.00.02 Отечественная история / 5.6.1. Отечественная история* (исторические)

07.00.07 Этнография, этнология, антропология / 5.6.4. Этнология, антропология и этнография* (исторические)

Социологические науки

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы / 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы* (социологические)

22.00.08 Социология управления / 5.4.7. Социология управления* (социологические)

Социологические науки/политические науки

22.00.05 Политическая социология / 5.4.5. Политическая социология* (социологические)

Политические науки

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии / 5.5.2. Политические институты, процессы и технологии* (политические)

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития / 5.5.4. Международные отношения* (политические)

Примечание: * В соответствии с номенклатурой научных специальностей и соответствующих им отраслей науки, утвержденной приказом Минобрнауки России № 118 от 24 февраля 2021 года.

© «Россия: общество, политика, история», 2022
© ООО «Институт региональных и международных исследований», 2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – д.с.н., профессор, директор Института региональных и международных исследований, заместитель директора Национального исследовательского института развития коммуникаций (Москва, Россия).

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КУЗЬМЕНКО Елена Алексеевна – к.и.н., доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЗВОНОВА Мария Евгеньевна

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

ТИХОНОВ Юрий Павлович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БУДАНОВ Владимир Григорьевич – д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель Отдела сектора междисцилинарных проблем научно-технического развития, Институт философии РАН (Москва, Россия).
ГРИШАЕВА Лидия Евгеньевна – д.и.н., профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия).
ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – к.с.н., доцент, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия).
КИСЕЛЕВА Наталья Васильевна – к.п.н., доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, учёный секретарь Крымского отделения Российской ассоциации политических наук (Симферополь, Россия).
ЛЕДЕНЕВА Виктория Юрьевна – д.с.н., доцент, руководитель Отдела этнодемографических и интеграционных процессов, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).
НАЗАРОВА Елена Александровна – д.с.н., профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия).

ISSN 2782-621X (Online)

НЕССАР Омар – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт Востоковедения РАН, директор Центра изучения современного Афганистана (Москва, Россия).
ПОРТНЫХ Валентин Леонидович – д.и.н., заведующий сектором всеобщей истории Лаборатории гуманитарных исследований, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия).
ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – д.с.н., заведующая кафедрой психологии и социологии управления, Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Барнаул, Россия).
ЦЕПИЛОВА Елена Сергеевна – д.э.н., профессор, Сочинский государственный университет (Сочи, Россия).
ШАБРОВ Олег Федорович – д.п.н., профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, президент Академии политической науки (Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БИГУАА Батал Геннадьевич – к.ю.н., руководитель аппарата Комитета Государственной Думы Российской Федерации по делам национальностей (Москва, Россия).
ЗАХАРОВ Александр Вячеславович – к.ю.н., доцент, заместитель председателя Арбитражного суда Тамбовской области (Тамбов, Россия).
НАЛЕТОВА Ирина Владимировна – д.ф.н., профессор, первый проректор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия).
ПЫЗИН Владимир Александрович – к.с.н., директор Центра избирательных технологий Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).
САЛИХОВ Шамиль Магомедович – к.э.н., руководитель аппарата Комитета Государственной Думы Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики (Москва, Россия).

ISSN 2782-621X (Online)
УДК: 32; 93/94; 316

Information about the journal

Russia: Society, Politics, History
- online edition, journal.
Published since 2021, 4 times a year
Registration number and decision date on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor): EL No. FS77 - 82408 dated December 10, 2021.
The journal is registered in the National ISSN Center of the Russian Federation
ISSN: 2782-621X (Online)
Archive:
Russian State Library
National Electronic-Information Consortium

Founder, Publisher

Institute for Regional and International Research Ltd.

108819, Moscow, Moskovsky, microdistrict 3, 11-345
E-mail: info@irmi.ru.com

Partners

State Duma Committee on the Development of the Russian Far East and the Arctic
1, Okhotny Ryad str., Moscow, 103265
http://komitet2-1.km.duma.gov.ru/

Contacts of the Editorial Office

Editor-In-Chief, Deputy Editor
E-mail: rossiya.ob-pol-ist@mail.ru
For submission of manuscripts and consultations e-mail: ropi.journal@yandex.ru

Our Mission

The journal *Russia: Society, Politics, History* provides an opportunity for beginners and experienced researchers to express an independent point of view on the processes taking place in Russia, around Russia and with the participation of Russia. We welcome scientific dialogue and thoughtful scientific discussions.

Scientific specialties and branches of science corresponding to them:

HISTORICAL SCIENCES
07.00.02 History of Russia / 5.6.1. History of Russia* (historical),
07.00.07 Ethnography, Ethnology and Anthropology / 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography* (historical)
SOCIOLOGICAL SCIENCES
22.00.04 Social structure, social institutions and processes / 5.4.4. Social structure, social institutions and processes* (sociological)
22.00.08 Sociology of administration / 5.4.7. Sociology of administration* (sociological)
SOCIOLOGICAL SCIENCES/POLITICAL SCIENCES
22.00.05 Political Sociology / 5.4.5. Political Sociology* (sociological)
POLITICAL SCIENCES
23.00.02 Political institutions, processes and technologies / 5.5.2. Political institutions, processes and technologies*(political)
23.00.04 Political problems of international relations, global and regional development / 5.5.4. International Relations* (political)

Note: *in accordance with the nomenclature of scientific specialties and corresponding branches of science, approved by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 118 dated February 24, 2021.

EDITOR-IN-CHIEF

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), Professor, Director of Institute for Regional and International Research, Deputy Director for Science Research of National Research Institute for Communication Development (Moscow, Russia).

DEPUTY CHIEF EDITOR

Elena A. KUZMENKO – CandSc (Hist.), Associate Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

EXECUTIVE EDITOR

Maria E. ZVONOVA

RESPONSIBLE EDITOR

Yury P. TIKHONOV

EDITORIAL BOARD

Vladimir G. BUDANOV – DSc (Philos.), Professor, Chief Researcher, Head of the Department of the Sector for Interdisciplinary Problems of Scientific and Technical Development, Institute of Philosophy RAS (Moscow, Russia).
Lidiya E. GRISHAEVA – DSc (Hist.), Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).
Olga V. ZHULIKOVA – CandSc (Soc.), Associate Professor, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia).
Natalya V. KISELEVA - CandSc (Polit.), Associate Professor, Vernadsky Crimean Federal University, Scientific Secretary of the Crimean Office of the Russian Association of Political Sciences (Symferopol, Russia).
Viktoria Y. LEDENEVA – DSc (Soc.), Associate Professor, Head of the Department of Ethnodemographic and Integration Processes, IDR FCTAS RAS (Moscow, Russia).
Elena A. NAZAROVA – DSc (Soc.), Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation (Moscow, Russia).

ISSN 2782-621X (Online)

Omar NESSAR – CandSc (Hist.), Senior Researcher, IOS RAS, Director of the Center of Modern Afghanistan Research (Moscow, Russia).
Valentin L. PORTNYH – DSc (Hist.), Head of the Department of General History of the Laboratory of Humanitarian Studies, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).
Natalya V. PROKAZINA – DSc (Soc.), Head of the Department of Psychology and Sociology of Management, Altai Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Barnaul, Russia).
Elena S. TSEPILOVA – DSc (Econ.), Professor, Sochi State University (Sochi, Russia).
Oleg F. SHABROV – DSc (Polit.), Professor, Lomonosov Moscow State University, President of the Academy of Political Science (Moscow, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Batal G. BIGUAA – CandSc (Law), Chief of Staff of the Committee for Nationalities Affairs of the Russian State Duma (Moscow, Russia).
Alexander V. ZAKHAROV – CandSc (Law), Associate Professor, Deputy Chairman of the Arbitration Court of the Tambov Region (Tambov, Russia).
Irina V. NALETOVA – DSc (Philos.), Professor, First Vice-Rector of Derzhavin TSU (Tambov, Russia).
Vladimir A. PYZIN – CandSc (Soc.), Director of the Center for Electoral Technologies of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).
Shamil M. SALIKHOV – CandSc (Econ.), Chief of Staff of the Committee for the Development of the Far East and the Arctic of the Russian State Duma (Moscow, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

Комлева В.В.
Приветственное слово главного редактора….....14

РАЗИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Харитонов Н.М.
Пути совершенствования законодательного обеспечения опережающего развития Дальнего Востока и Арктики.....22

Лебедев М.П., Томский В.С., Баттахов П.П.
Арктическая проблематика России.....34

Заостровских Е.А.
Восточная Арктика: возможности интеграции морского транспорта в международное транспортное пространство.....46

Комлева Е.А.
Устойчивое развитие Арктики: роль бизнеса в модели «четверной спирали» (на примере ПАО «ГМК «Норильский никель»).....62

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Еремина Н.В.
Арктическая повестка Европейского союза: проблемы и перспективы....84

Кузьменко Е.А.
Арктические интересы Германии в конце XX — начале XXI в. 102

ISSN 2782-621X (Online)

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Рогачевская М.А.
Государственные деятели России конца XIX – начала XX в.о социально-экономических проблемах развития Сибири.....118

Севастьянов Д.В.
Геокультурное пространство Русского Севера и современный туризм...142

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ

Марченко Н.О., Сидоров Д.М.
Арктика и молодежь – новые подходы и возможности.....164

Подоплёкин А.О.
Региональная и этническая самоидентификация представителей «переходного» и «постсоветского» поколений в европейской части Арктической зоны России (на примере Поморья).....178

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фоторепортаж выездного «круглого стола» Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики.....200

CONTENTS

V. Komleva
Editor-in-chief Foreword.....14

TERRITORIAL DEVELOPMENT

N. Kharitonov
Ways of Legislative Support Improvement for the Advanced Development of the Russian Far East and the Arctic.....22

M. Lebedev, V. Tomsky, P. Battakhov
Arctic Problems of Russia.....34

E. Zaostrovskikh
Eastern Arctic: Opportunities for Integration of Marine Transport into the System of International Transport Corridors.....46

E. Komleva
Arctic Sustainable Development: Role of Business in the Quadruple Helix Model (Example of Norilsk Nickel).....62

INTERNATIONAL RELATIONS

N. Eremina
Arctic Agenda of the European Union: Problems and Prospects.....84

E. Kuzmenko
Arctic Interests of Germany in the Late 20th – Early 21st Century.....102

ISSN 2782-621X (Online)

HISTORICAL RETROSPECTIVE

M. Rogachevskaya
Russian Statesmen of the Late 19th – Early 20th Century on Socio-Economic Problems of the Development of Siberia.....118

D. Sevastyanov
Geocultural Space of the Russian North and Modern Tourism.....142

SOCIAL PROCESSES AND PHENOMENA

N. Martchenko, D. Sidorov
The Arctic and the Youth: New Approaches and Opportunities.....164

A. Podoplekin
Regional and Ethnic Self-Identification of Representatives of the «Transitional» and «Post-Soviet» Generations in the European part of the Arctic Zone of Russia (case of Pomorie).....178

APPENDIX

State Duma Committee for the Development of the Far East and Arctic «round table» photo report.....200

В.В. Комлева,
доктор социологических наук,
профессор

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Представляем вашему вниманию спецвыпуск нашего журнала, подготовленный совместно с Комитетом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. Это второй спецвыпуск, посвященый проблемам развития серверных, арктических, дальневосточных, сибирских территорий России. Его особая ценность - в наших авторах, представляющих точки зрения из разных регионов России.

Рубрику «Развитие территорий» открывает статья **Харитонова Н.М.**, председателя Комитета по развитию Дальнего Востока и Арктики, к.э.н., в которой анализируются законодательные инициативы и меры, способные ускорить развитие и модернизацию Арктической зоны Российской Федерации. В статье представлены уникальные материалы парламентских слушаний и экспертных мероприятий, проведенных Комитетом по развитию Дальнего Востока и Арктики. Арктическая зона России рассматривается как

ISSN 2782-621X (Online)

сложная метасистема с высокими рисками. Поэтому совершенствование законодательного обеспечения развития этой территории должно быть направлено одновременно на модернизацию экономики, поддержание мотивации со стороны молодых специалистов по закреплению на северных территориях, обеспечение им высокого уровня жизни, улучшение транспортной инфраструктуры, реализацию климатических и экологических инициатив.

Актуальные вопросы комплексного развития Арктики анализируются учеными из Якутского научного центра Сибирского отделения РАН - **Лебедевым М.П.**, д.т.н., членом-корреспондентом РАН; **Томским В.С.**, к.т.н. и старшим научным сотрудником Института государства и права РАН, к.ю.н. **Баттаховым П.П.** Наряду с необходимостью развития ряда научных исследований северных территорий России (СТР), авторы статьи аргументируют необходимость разработки Арктического кодекса Российской Федерации, федеральных социально-экономических стандартов качества жизни людей в СТР и делают ряд интересных и значимых предложений по развитию инновационной системы хозяйствования СТР. Одним из таких предложений является создание робототехнических комплексов для добычи природных ресурсов.

Развитие Восточной Арктики, в частности, условия и возможности интеграции морского транспорта в международное транспортное пространство исследуются в статье **Заостровских Е.А.**, к.э.н., научного сотрудника Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН. Автор обращает внимание на закономерности развития регионов Восточной Арктики и их морских портов, анализирует ряд инфраструктурных проблем и предлагает при принятии управленческих решений определить стратегически значимые инфраструктурные проекты, а затем синхронизировать инфраструктурные и производственные проекты для обеспечения территориальной связанности региона. Это даст возможность развития производственных объектов, снимет инфраструктурные ограничения и привлечет дополнительные транзитные грузы. Научную и практическую новизну имеют предложенные автором основания группировки инфраструктурных проектов Восточной Арктики по степени их первичности, и выявленные автором условия успешной интеграции морского

транспорта Восточной Арктики в международное транспортное пространство.

В статье **Комлевой Е.А.**, специалиста Департамента устойчивого развития ПАО «ГМК «Норильский никель», с научной точки зрения осмысливается роль бизнеса в устойчивом развитии Арктики. В частности, автор аргументирует, что достижение целей устойчивого развития компанией «Норникель» происходит за счет развития системы ESG, устранения негативных последствий своей деятельности, взятия на себя части обязанностей других акторов развития Арктики, активного взаимодействия с общественными и государственными институтами, исследовательскими и международными структурами. Вызывают интерес методика «спиральной модели», использованная автором исследования, и ряд предложений научно-практического характера. В частности, предлагается дополнить модель «четверной спирали», используемой для анализа инновационного развития территорий, «пятерной спиралью», которая будет учитывать международных акторов и возможность возникновения деструктивных ролей у участников устойчивого развития. Эту модель можно будет применять при анализе роли бизнеса в устойчивом развитии территорий.

В разделе «Международные отношения» мы продолжаем публикации об арктических интересах неарктических стран. В статье профессора Санкт-Петербургского государственного университета, д.п.н. **Ереминой Н.В.** рассматривается арктическая повестка Европейского союза. В частности, анализируются причины и основные направления интересов ЕС. Автор показывает эволюцию интересов ЕС к Арктике как к экономически ресурсному региону, формирующему новые логистические морские маршруты; как к военно-стратегическому региону, который ЕС планирует сделать «более стабильным» за счет своего присутствия и сдерживания «российского милитаризма»; и как к региону, влияющему на глобальный климат и экологию. Особый интерес вызывают размышления автора о факторах, определяющих возможности и препятствия укрепления ЕС в Арктике, прогнозы относительно дальнейших действий ЕС в Арктике, и аргументы к выводу о том, что «Арктика не станет регионом для восстановления диалога, так как отрицательное отношение к России используется ЕС как инструмент укрепления роли самого Союза».

ISSN 2782-621X (Online)

Продолжая тему арктических интересов неарктических государств, **Кузьменко Е.А.**, к.и.н., доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, анализирует арктическую политику Германии. Автор утверждает, что геополитические и геоэкономические амбиции Германии в отношении территорий, ранее мало включенных в ее внешнюю повестку, расширились после объединения 1990 г. Арктика не стала исключением. Через участие в многосторонних и двусторонних международных форматах Германия реализовывала проекты по освоению и изучению Арктики и до 2013 г. по ряду внутренних и внешних причин не имела особых амбиций. В последние годы путем развития системы германских институтов исследования Арктики и создания собственных проектов Германия нарастила свое присутствие. Прежде всего, речь идет о климатических и экологических исследованиях, в которые вовлечены широкие общественные слои и гражданские институции. Это создает позитивный имидж Германии как «защитника» Арктики, ее уникальной экосистемы и коренных народов. Вместе с тем, интересен вывод автора о связи экологической проблематики с политическими целями Германии.

В разделе «Историческая ретроспектива» представлена статья **Рогачевской М.А.**, к.э.н., доцента Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Автор анализирует динамику оценки экономической и социальной роли Сибири, управленческие решения и прогнозы в отношении значения Сибири, принятые на рубеже XIX и XX вв. такими государственными деятелями, как Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте и П.А. Столыпин. Автор считает, что несмотря на разные приоритеты в развитии Сибири, государственные деятели сосредотачивали свое внимание на взаимосвязи и взаимозависимости европейского и сибирского регионов России, развитии социально-экономических условий жизни, образования и культуры трудовых ресурсов Сибири.

Малоизвестные и значимые исторические аспекты формирования современного геокультурного пространства Русского Севера рассматриваются в статье **Севастьянова Д.В.**, д.г.н., профессора Ленинградского государственного

университета им. А.С. Пушкина. Автор показывает культурное значение водных и волоковых путей проникновения славян на северные территории и рассказывает о насыщенности пространства Русского Севера объектами культурного наследия древней Руси, старинными христианскими святынями, монастырскими комплексами. С точки зрения современного развития Русского Севера геокультурный потенциал дает стимул для активизации и повышения доходности туристической отрасли при условии развития транспортной и гостиничной инфраструктуры.

В разделе «Общественные процессы и явления» представлена статья **Подоплёкина А.О.**, к.и.н., ведущего научного сотрудника лаборатории динамики социокультурного развития регионов Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), заместителя директора Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова УрО РАН. Автор анализирует региональную и этническую самоидентификацию представителей «переходного» и «постсоветского» поколений в европейской части Арктической зоны России (на примере Поморья). Благодаря этой статье читатели нашего журнала имеют возможность познакомиться с результатами исследования этнической, гражданской и региональной идентичности молодёжи Архангельской области. Автор приходит к выводу о низкой межэтнической напряжённости в регионе; готовности «переходного» и «постсоветского» поколений к принятию формулы Конституции РФ о «государствообразующем народе» и соответствующей «де-этнизации» понятия «русский»; деактуализации темы «поморского возрождения», и другие любопытные выводы, которые будут интересны не только ученым, но и широкому кругу читателей. Автор отмечает высокую частоту негативных оценок региональной экономики, социальной сферы, общественной безопасности и рынка труда, миграционную готовность и разрушающее воздействие этих оценок на устойчивость региональной идентичности и социально-экономической стабильности Архангельской области.

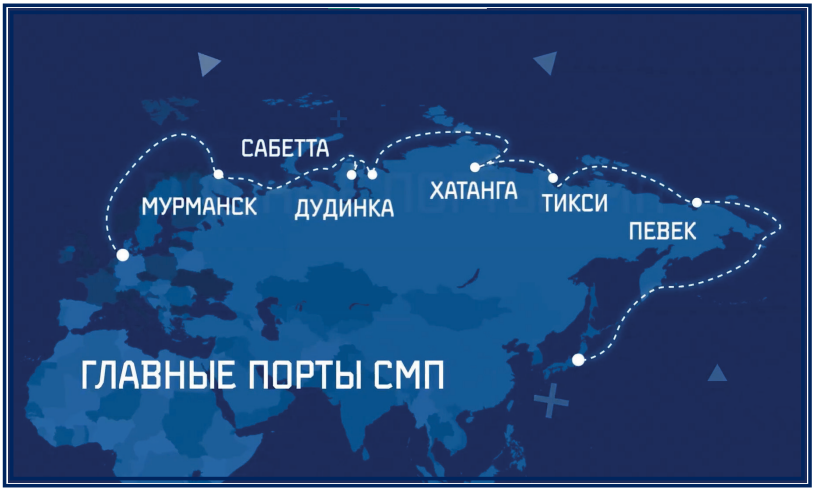
Продолжая традицию публикаций начинающих ученых, представляем вниманию читателей размышления молодых исследователей из МГУ –

 ISSN 2782-621X (Online)

Марченко Н.О. и **Сидорова Д.М.** о молодежной политике в Арктическом регионе. Анализируя федеральные законы, примеры региональных концепций молодежной политики в контексте особенностей Арктической зоны, авторы видят проблему молодёжной политики в отсутствии единого документа, определяющего цели, направления, методы молодёжной политики в субъектах АЗРФ. Авторы предлагают разработать Концепцию государственной молодежной политики в Арктике, стратегические и программные документы в каждом субъекте Арктической зоны РФ с учетом их специфики и ряда значимых направлений молодежной политики, описанных в статье.

Дорогие читатели, надеемся, спецвыпуск нашего журнала, посвященный развитию стратегически значимых территорий Арктики, Сибири, Дальнего Востока, вызовет ваш интерес и желание высказать свою точку зрения. Будем рады взаимодействию с вами.

С уважением,
Валентина Комлева



Источник: Инвестиционный портал Арктической зоны России
URL: https://arctic-russia.ru/

Северный морской путь в цифрах

7-15 дней — время прохождения СМП (без заходов в промежуточные порты)

2 - 4 месяца — продолжительность навигации по открытой воде

31,5 млн т — объем грузоперевозок по СМП за 2019 г.

80 млн т — объем грузоперевозок по СМП к 2024 г.

По материалам Инвестиционного портала Арктической зоны России
URL: https://arctic-russia.ru/

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Научная статья
УДК 323; 332.02
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-22-33

Политические науки

Пути совершенствования законодательного обеспечения опережающего развития Дальнего Востока и Арктики

Николай Михайлович Харитонов

Комитет Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, Москва, Российская Федерация
dvar@duma.gov.ru

Аннотация. Проблемы развития Арктической зоны Российской Федерации привлекают регулярное внимание государственных и научных деятелей на протяжении последних десятилетий. Ряд социальных, экономических, инфраструктурных проблем тормозит темпы развития данного обширного региона. Эксперты в области устойчивого развития выработали круг законодательных рекомендаций, способных ускорить модернизацию АЗРФ. Спектр предложенных мер включает в себя мероприятия транспортно-инфраструктурного (например, закрепление понятия и регулирование сезонных автомобильных дорог, меры по расширению и обновлению парка авиационной техники), проектно-сельскохозяйственного (например, создание/модернизация предприятий по переработке продукции северного оленеводства, субсидии на предоставление комбикормов), социального (организация высокотехнологичной медицинской помощи, обновление системы социальных гарантий для северян, разработка стандартов развития городской среды специально для Арктической зоны) характера.

Ключевые слова: Арктика, Дальний Восток, северный завоз, вечная мерзлота, системы жизнеобеспечения, законотворчество

Для цитирования: Харитонов Н.М. Пути совершенствования законодательного обеспечения опережающего развития Дальнего Востока и Арктики. Россия: общество, политика, история. 2022. №4(4). С. 22-33.

© Харитонов Н.М.
© «Россия: общество, политика, история», 2022

TERRITORIAL DEVELOPMENT

Original article
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-22-33

Political sciences

Ways of Legislative Support Improvement for the Advanced Development of the Russian Far East and the Arctic

Nikolai M. Kharitonov

State Duma Committee on Development of Far East and Arctic, Moscow, Russian Federation
dvar@duma.gov.ru

Abstract. The problems of the development of the Arctic zone of the Russian Federation have attracted regular attention of government and scientific figures over the past decades. A number of social, economic, and infrastructural problems slow down the pace of development of this vast region. Sustainability experts develop a range of legislative recommendations, that are capable of accelerating the modernization of the Arctic zone of the Russian Federation. The range of proposed measures includes transport and infrastructure measures (for example, fixing the concept and regulation of seasonal roads, measures to expand and update the fleet of aviation equipment), design and agricultural (for example, the creation / modernization of enterprises for the processing of reindeer products, subsidies for the provision mixed fodder), social (organization of high-tech medical care, updating the system of social guarantees for northerners, development of standards for the development of the urban environment specifically for the Arctic zone) nature.

Keywords: Arctic, Far East, northern delivery, permafrost, life support systems, lawmaking

For citation: Kharitonov, N.M. Ways of Legislative Support Improvement for the Advanced Development of the Russian Far East and the Arctic. Russia: Society, Politics, History. 2022. No. 4(4). pp. 22-33.

Введение

Внутри- и внешнеполитические интересы России в Арктической зоне и выделение ее в самостоятельный объект государственной политики обусловлены ее стратегическим значением в обеспечении устойчивого экономического развития и гарантировании соблюдения интересов национальной безопасности страны. Стоящие перед Россией вызовы по повышению инвестиционной, социальной и научной привлекательности Северных и Дальневосточных территорий требуют скоординированной работы специалистов в таких областях, как: законотворчество, энергетика, транспортная инфраструктура, медицина, сельское хозяйство, цифровая модернизация и т. д. В существенном совершенствовании нуждается и законодательная база, так как круг понятий, связанных с Арктической зоной РФ, сохраняет неточность в формулировках и влияет на эффективность внутренней северной политики России. В связи с этим Комитет Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики провел летом 2022 года совместно с Государственным Собранием (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), а также представителями федеральных органов исполнительной власти, законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ Дальнего Востока и Арктики, общественными и научными организациями обсуждение вопросов совершенствования законодательного обеспечения опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока и Арктики. Актуальность данного круглого стола несомненна: Арктическая зона Российской Федерации (далее – АЗРФ) имеет огромный территориальный, энергетический, транспортный и научный потенциал. Эксперты в области устойчивого развития выработали круг законодательных рекомендаций для обеспечения социально-экономической модернизации региона.

Целью данной статьи является обобщение многостороннего опыта в выявлении и решении проблем развития АЗРФ, а также предложение наиболее эффективных путей совершенствования законодательного фундамента для реализации социально-экономических преобразований.

Материалы и методы исследования

Информационной базой статьи являются материалы Круглого стола Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики по вопросам опережающего развития региона Российского Севера, а также научные исследования по данной теме (1; 5). Для анализа сведений применялись методы комплексного сопоставления экономических, социальных и правовых данных, прогнозирования и синхронного анализа.

 ISSN 2782-621X (Online)

Результаты исследования

Проблемы АЗРФ и пути их преодоления

Социологические опросы выделяют основные темы, которые больше всего волнуют людей, проживающих на Дальнем Востоке и в Арктике: высокая стоимость жизни, топливо, тарифы ЖКХ, стоимость продуктов, стоимость жилья, транспортная доступность, доступность и качество медицины, качество образования. Вместе с тем, следует отметить такие объективные историко-географические особенности, характерные для Дальнего Востока и Арктики, как очаговый характер пространственного развития, низкая плотность населения и неразвитость транспортной инфраструктуры, отставание в показателях качества жизни от среднероссийского уровня по большинству территорий. Кроме того, реализация промышленных проектов в Арктике сопровождается повышенными рисками антропогенного воздействия на окружающую среду. Особые препятствия несут и климатические особенности региона. Так, повышение температуры верхних горизонтов «вечной мерзлоты» в Арктике может создать серьезную проблему для инфраструктуры северных городов.

Этносоциальная ситуация Арктического региона диктует необходимость закрепления специальных гарантий участия местных северных сообществ, в том числе представителей коренных малочисленных народов, в выполнении работ, традиционно относящихся к сфере малого и среднего предпринимательства (3). Кроме того, их участие важно в осуществлении социального контроля за охраной окружающей среды. Также необходимо развитие механизма их участия в принятии решений по осуществлению экономической и промышленной деятельности на территории их традиционного проживания, в том числе через правовое оформление института этнологической экспертизы.

На данный момент, существующая межведомственная разобщенность, а также отсутствие в законодательстве четкого определения понятия «северный завоз» и единых подходов к планированию и прогнозированию объемов поставок определяют существенные различия региональных систем жизнеобеспечения труднодоступных территорий, которые не позволяют сформировать единый хорошо работающий механизм для осуществления поставки грузов в удаленные районы Дальнего Востока и Арктики. Результаты анализа нормативных правовых механизмов управления и поддержки северного завоза позволили также установить отсутствие в нормативных документах единого определения «северного завоза», критериев отнесения территорий к районам с ограниченным сроком завоза, возможно, категорирования (разделения на группы по уровню

транспортной доступности) этих районов по периодам возможного транспортного сообщения (2).

Это диктует острую необходимость в принятии следующих мер со стороны законодательной власти:

- ускорить разработку и внесение в установленном порядке в Государственную Думу законопроекта «О северном завозе», определяющего понятие «северного завоза», круг его субъектов, устанавливающего перечень грузов завоза, меры государственной поддержки участников завоза, а также планирование, реализацию и контроль за исполнением всех мероприятий по их доставке;
- принять меры по расширению и обновлению парка авиационной техники, применяемой для пассажирских и грузовых перевозок на территории Дальнего Востока и Арктики;
- актуализировать график поставки российской авиационной техники в Дальневосточный федеральный округ с определением источников финансирования с учетом потребности АО «Авиакомпания «Аврора» в вертолетной технике»;
- ускорить процедуру поставки воздушных судов для нужд единой дальневосточной авиакомпании;
- ускорить процедуру принятия проекта постановления Правительства Российской Федерации об утверждении правил предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и Арктической зоны, возникающих при обеспечении доступности местных воздушных перевозок населению;
- рассмотреть вопрос законодательного закрепления понятия и регулирования сезонных автомобильных дорог, позволяющий осуществлять содержание таких дорог за счет средств Дорожного фонда.

Данный комплекс мер ориентирован на улучшение транспортной и логистической доступности северных и дальневосточных регионов России.

К существенному увеличению временных и материальных затрат приводит неурегулированность вопросов взаимодействия владельцев автомобильных дорог с владельцами инженерных коммуникаций в части прокладки (переустройства) инженерных коммуникаций при строительстве, реконструкции и капитальном ремонте автомобильных дорог и несовершенство механизма определения размера убытков владельцев инженерных коммуникаций. Фактические затраты подрядных организаций на строительные ресурсы при выполнении работ

 ISSN 2782-621X (Online)

по ремонту и содержанию объектов (автомобильных дорог, искусственных сооружений) в период реализации значительно превышают предусмотренные контрактами стоимости материалов, что приводит к рискам неисполнения контрактов. Данный вопрос также требует пристального внимания местных и федеральных властей. Для повышения качества проведения инженерных изысканий и уровня проектирования автомобильных дорог общего пользования на территории субъектов, расположенных в I дорожно-климатической зоне РФ, необходимо разработать новые нормы, учитывающие не только особенности строительства автомобильных дорог, но и позволяющие, в дальнейшем, учитывать специфику их эксплуатации.

Препятствием является отсутствие возможности добычи грунта для строительства, реконструкции, ремонта и содержания автомобильных дорог общего пользования на землях сельскохозяйственного назначения без их перевода в категорию земель промышленности (при условии их последующей рекультивации). Возможным решением по устранению препятствия является внесение изменений в статью 19 Закона РФ «О недрах» с целью упрощения порядка добычи грунта для строительства, реконструкции, ремонта и содержания автомобильных дорог общего пользования, а также в статью 78 Земельного кодекса РФ, предусмотрев возможность выполнять работы по разведке, геологическому изучению, добыче полезных ископаемых с целью ремонта, реконструкции, капитального ремонта автомобильных дорог на землях сельскохозяйственного назначения без их перевода в категорию земель промышленности (при условии их последующей рекультивации).

В рамках созданной в АЗРФ системы преференций реализуется около 450 инвестиционных проектов. Часть из них касается модернизации сельскохозяйственного сектор экономики. Следующие рекомендации законодательной базы направлены на улучшение условий ведения сельскохозяйственной деятельности:

- предоставление субсидий на финансовое обеспечение затрат сельхозтоваропроизводителей (за исключением личных подсобных хозяйств граждан) на приобретение комбикормов или приобретение компонентов для его изготовления с учетом расходов по их доставке в размере до 50 % их стоимости (по аналогии с субсидиями, предоставляемыми из федерального бюджета на приобретение семян кормовых культур, поставляемых в районы Крайнего Севера и приравненных к ним местностях);
- предоставление субсидий на возмещение части прямых понесенных

затрат на создание и (или) модернизацию объектов агропромышленного комплекса по созданию (модернизации) объектов по переработке продукции северного оленеводства в размере до 30 % прямых понесенных затрат фактической стоимости объекта (но не выше предельной стоимости объекта);

- надлежит рассмотреть вопрос о внесении изменений в законодательство Российской Федерации, направленных на повышение эффективности использования земель (пастбищ) в части предоставления участков сельскохозяйственного назначения и лесных участков для домашнего оленеводства в безвозмездное срочное пользование без проведения аукциона не только лицам, включенным в перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, но и лицам, для которых оленеводство является традиционным видом хозяйственной деятельности.

Повышение социальной привлекательности АЗРФ является необходимым фактором ускорения экономического развития северных территорий. Привлекательность подразумевает способность социально-экономических систем региона удовлетворять спрос субъектов рынка социальных услуг, и возможности реализации человеческого капитала на конкурентоспособном уровне по сравнению с другими регионами. Социальная привлекательность определяется как объективными показателями уровня и качества жизни, так и субъективными факторами территориальных преференций (4, с. 127). Статистические показатели, характеризующие обеспечение субъектов Российской Федерации трудовыми ресурсами, свидетельствуют о сокращении численности трудоспособного населения в дальневосточных и арктических регионах России с возрастающим дефицитом квалифицированных кадров.

Для повышения инвестиционной и социальной привлекательности АЗРФ уже сформирована необходимая нормативно-правовая основа. Принято 8 федеральных законов, более 40 нормативных актов. Указом Президента Российской Федерации от 05.03.2020 № 164 утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года»[1]. Указом Президента Российской Федерации от 26.10.2020 года № 645 утверждена «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до

1 Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года: указ Президента РФ от 05.03.2020 № 164. СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347129/

 ISSN 2782-621X (Online)

2035 года»[2]. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 15.04.2021 № 996-р утвержден «Единый план мероприятий по реализации Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» и «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года».

В Единый план включены мероприятия, направленные на решение социальных проблем АЗРФ, создание комфортной среды для жизни, привлечение новых инвесторов, стимулирование промышленного производства и обеспечение госбезопасности. Всего план содержит 268 мероприятий.

Основная часть должна быть выполнена в 2021-2022 гг., при этом отдельные мероприятия, связанные с обновлением ледокольного флота и развитием научно-исследовательской базы, рассчитаны на более отдаленную перспективу.

Основной акцент в Едином плане сделан на мероприятиях социальной направленности и обеспечивающие повышение качества жизни, в том числе: усовершенствование стандартов медпомощи для жителей Крайнего Севера, организация высокотехнологичной медицинской помощи на территории макрорегиона, создание новой системы социальных гарантий для северян, бесперебойная доставка товаров в отдаленные населенные пункты, поощрение традиционных промыслов коренных малочисленных народов Севера, разработка стандартов развития городской среды специально для Арктической зоны, которые будут учитывать природно-климатические особенности этой территории.

Важным аспектом привлекательности региона является качество и доступность медицинского обслуживания. Актуальным остается вопрос обеспечения доступа к сети Интернет медицинских организаций, расположенных в АЗРФ. Следует учесть, что в большей части арктических районов доступна только спутниковая связь, где исходящий канал, как правило, значительно ниже заявленной скорости подключения. Это делает невозможным функционирование медицинских информационных систем при маленьких скоростях, а увеличение скорости канала требует значительных финансовых затрат. Ввиду географических особенностей арктических районов телекоммуникационная инфраструктура операторов связи в основном построена с использованием спутниковых средств связи. Качество услуг сотовой связи оценивается жителями как крайне неудовлетворительное или низкое. Таким образом существует «цифровое неравенство» как по пропускной способности каналов связи, так и по ценовой доступности, что негативно воспринимается

2 О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645. СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_366065/

населением и бизнесом и, как следствие, ограничивает достижение целей и задач национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Также необходимо дополнительно проанализировать целесообразность формирования новой модели государственного финансирования здравоохранения АЗРФ с учетом низкой плотности населения, автономного и дисперсного типа расселения, ограниченной транспортной доступности путем перехода от подушевого финансирования медицинских организаций к сметному финансированию.

По повышению социальной привлекательности региона предлагаются следующие мероприятия:

- внесение изменений в соответствующие нормативные правовые акты с целью получения в полной мере «северных надбавок» с первого года начала гражданами Российской Федерации трудовой деятельности на Дальнем Востоке и в АЗРФ. В целях разработки новой системы социальных гарантий, предоставляемых гражданам Российской Федерации, которые работают и проживают в АЗРФ в рамках программы «Земский работник культуры» следует рассмотреть возможность увеличения размера единовременной компенсационной выплаты специалисту культуры, прибывшему (переехавшему) на работу в сельские населенные пункты АЗРФ;
- разработка законодательного акта в части определения статуса вахтовых поселков, условия функционирования, сотрудничества в сфере социально-экономического развития с органами власти субъектов Российской Федерации, на территории которых функционирует вахтовый поселок, регламентировать экологические аспекты деятельности таких поселков, определить параметры социального обеспечения работников, установить стандарты медицинского обслуживания, питания работников, социально-бытового обслуживания и досуга вахтовых работников;
- предоставить возможность жителям отдаленных и труднодоступных местностей Арктической зоны пройти перерегистрацию в качестве безработных в установленные сроки в силу объективных причин;
- сохранение прежних и открытие новых учебных заведений на Севере, так как высшие учебные учреждения являются важным инструментом удержания молодежи в регионе. Существенным дополнительным аспектом является то обстоятельство, что обучение детей народов, ведущих кочевой образ жизни, по-прежнему остается одной из значимых проблем в сфере образования детей коренных малочисленных народов на родном языке. Недостаточность законодательного регулирования реализации права на образование лицами из числа коренных малочисленных народов на

 ISSN 2782-621X (Online)

федеральном уровне и фрагментарность такого регулирования на уровне региональном способствуют сохранению правовых проблем в этой сфере.

Данные меры способны мотивировать молодых специалистов оставаться в АЗРФ, обеспечивая преемственность поколений.

Научно-технологическая сфера также не остается без внимания, будучи ключевой для АЗРФ. В 2021 г. утвержден перечень приоритетных направлений научно-технологического развития по проведению фундаментальных и прикладных научных исследований в интересах освоения Арктики. Научные исследования по обеспечению национальных интересов в Арктике выполняют более 300 научных организаций, организаций высшего образования и прочих организаций с использованием разных инструментов финансирования. Особое внимание в 2021 г. уделено проведению исследований в прибрежных акваториях и губах Кольского полуострова и району архипелага Шпицберген.

Началось строительство двух научно-исследовательских судов, предназначенных для океанологических исследований в любой точке Мирового океана. В рамках реализации мероприятий по модернизации и развитию гидрометеорологической сети наблюдений за состоянием окружающей среды в Арктической зоне начиная с 2021 г. осуществляется полная модернизация 26 наблюдательных пунктов, а также проводится работа по развертыванию сети морских дрейфующих гидрометеорологических буёв в акватории Северного Ледовитого океана.

Транспортная основа изучения и освоения Арктики также претерпела модернизацию. В 2021 г. был введен в эксплуатацию первый серийный универсальный атомный ледокол проекта 22220 «Сибирь» мощностью 60 МВт. ООО «Судостроительный комплекс «Звезда» с апреля 2020 г. осуществляет строительство головного атомного ледокола проекта 10510 «Лидер» (за счет средств федерального бюджета), со сроком окончания строительства в 2027 г. В проект Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 г. в 2021 г. включены положения о развитии морских портов, аэропортовой и железнодорожной инфраструктуры в АЗРФ.

Освоение АЗРФ должно осуществляться при условии минимального вреда хрупкой экосистеме Арктики. В регионе активно ведется работа по ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде, включенных в Государственный реестр объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду. Сегодня площадь территорий, загрязненных этими объектами, в АЗРФ составляет около 2,5 тыс. га. В 2021 г. стартовал общественный федеральный проект «Чистая Арктика». С начала проекта волонтерам удалось очистить от мусора более сотни гектаров Арктической зоны, вывезено 1 500 тонн отходов. В работах приняло участие 2 200 добровольцев. Реализация проекта привлекает

внимание местных и федеральных СМИ, что способствует информированности населения об экологических проблемах Арктики и мерах по их устранению.

Выводы

Таким образом, законодательные изменения необходимы одновременно в нескольких областях. Для решения поставленных задач нужно применить комплексный подход, так как Арктическая зона РФ - это сложная метасистема, зона высокого риска. Кроме того, необходима гармонизация законодательства, четкое разграничение и закрепление конкретных полномочий и ответственности за каждым участником. Уверенное присутствие России в Арктике достижимо при условии реализации мер по одновременному удержанию населения в северных районах и модернизации экономики. Основная часть социальных мер направлена на поддержание мотивации со стороны молодых специалистов по закреплению на северных территориях, обеспечение им высокого уровня жизни. Социально-экономическим задачам также служат меры по улучшению транспортной инфраструктуры, медицинского обеспечения и качества жизни. Климатические и экологические аспекты развития также приобретают экономическую и репутационную значимость, в связи с чем предложены пути их правового обеспечения.

Список источников

1. Афанасьев А.Л., Голубев С.С. (2019), О результатах формирования межведомственной комплексной целевой программы «Арктические технологии» [About results of the formation interdepartmental complex target program «Arctic technologies»]. Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. №3. С. 5-17.
2. Кузнецов М.Е., Никишова М.И. (2022), Управление северным завозом: правовой аспект [Managing the northern supply haul: legal aspect]. Russian Journal of Economics and Law. Т. 16, № 3. С. 548-565.
3. Пилясов А.Н. (2021), Предпринимательство в Арктике: Проблемы развития малого и среднего бизнеса в Арктической зоне, или Чем арктические предприниматели похожи на белых медведей? [Entrepreneurship in the Arctic: Issues of development of small and medium-sized enterprises in the Arctic Zone, or What do entrepreneurs and polar bears have in common?]. М.: Красанд.
4. Рубан В.А. (2013), Привлекательность региона для населения и бизнеса [Attractiveness of the area for the public and businesses]. Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. №1. С. 127-131.

 ISSN 2782-621X (Online)

5. Смирнова О.О., Липина С.А. (2018), Геостратегический вектор развития Арктики [Geo-Strategic Vector of Development of the Arctic]. Инновации. №11. С. 8-12.

References

1. Afanasiev, A.L., Golubev, S.S. (2019), About results of the formation interdepartmental complex target program «Arctic technologies». Scientific bulletin of the military-industrial complex of Russia. No. 3. pp. 5-17. (In Russian)
2. Kuznetsov, M.E., Nikishova, M.I. (2022), Managing the northern supply haul: legal aspect. Russian Journal of Economics and Law. Vol. 16, No. 3. pp. 548-565. (In Russian)
3. Pilyasov, A.N. (2021), Entrepreneurship in the Arctic: Issues of development of small and medium-sized enterprises in the Arctic Zone, or What do entrepreneurs and polar bears have in common?. Moscow : Krasand. (In Russian)
4. Ruban, V.A. (2013), Attractiveness of the area for the public and businesses. Buryat state university bulletin. Economy and Management. No. 1. pp. 127-131. (In Russian)
5. Smirnova, O.O., Lipina, S.A. (2018), Geo-Strategic Vector of Development of the Arctic. Innovations. No. 11. pp. 8-12. (In Russian)

Информация об авторе

ХАРИТОНОВ Николай Михайлович, кандидат экономических наук, председатель комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики, Москва, Российская Федерация. E-mail: dvar@duma.gov.ru.

About the author

Nikolai M. KHARITONOV, CandSc (Econ.), Chairman of the State Duma Committee on Development of Far East and Arctic, Moscow, Russian Federation. E-mail: dvar@duma.gov.ru.

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Научная статья
УДК 316.422; 332.14
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-34-45

Социологические науки

Арктическая проблематика России

Михаил Петрович Лебедев[1a],
Владимир Саввич Томский[1b],
Петр Петрович Баттахов[2c]

[1] Федеральный исследовательский центр «Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», Якутск, Российская Федерация
[2] Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
[a] m.p.lebedev@mail.ru
[b] tomskyvs@yandex.ru
[c] battakhov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы комплексного развития Арктики. Проведен анализ стратегических планов развития арктических и субарктических территорий. Авторами предложен ряд основных направлений развития научных проектов северных территорий России (СТР): о необходимости разработки Арктического кодекса Российской Федерации для систематизации нормативных актов, о выработке федеральных социально-экономических стандартов качества жизни людей в СТР, о перспективе развития конструкций по созданию робототехнических комплексов для добычи природных ресурсов и т.д. Сделан вывод о том, что для прорывного развития и реализации инновационных научных проектов нужна консолидация усилий всего научного сообщества, главным образом, научных и научно-образовательных подразделений, осуществляющих научно-технологическую деятельность в арктических и субарктических территориях, в целях развития человеческого потенциала и эффективности применения технологий и материалов арктического и субарктического назначения.

Ключевые слова: Арктика, нормативно-правовой акт, климат, Север, бифуркация, человек, страна, территория, планета

Для цитирования: Лебедев М.П., Томский В.С., Баттахов П.П. Арктическая проблематика России. Россия: общество, политика, история. 2022. №4(4). С. 34-45.

© Лебедев М.П., Томский В.С., Баттахов П.П.
© «Россия: общество, политика, история», 2022

TERRITORIAL DEVELOPMENT

Original article
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-34-45

Sociological sciences

Arctic Problems of Russia

Mikhail P. Lebedev[1a],
Vladimir S. Tomsky[1b],
Petr P. Battakhov[2c]

[1] Federal Research Center «Yakutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences» Yakutsk, Russian Federation
[2] Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
[a] m.p.lebedev@mail.ru
[b] tomskyvs@yandex.ru
[c] battakhov@mail.ru

Abstract. The article discusses topical issues of the integrated development of the Arctic. Analysis of strategic plans for the development of Arctic and subarctic territories was carried out. The authors proposed a number of main directions for the development of scientific projects in the northern territories of Russia (PP): on the need to develop the Arctic Code of the Russian Federation to systematize regulations, on the development of federal socio-economic standards for the quality of life of people in PP, on the prospect of developing structures for the creation of robotic complexes for the extraction of natural resources, etc. It was concluded that for the breakthrough development and implementation of innovative scientific projects, it is necessary to consolidate the efforts of the entire scientific community, mainly scientific and scientific and educational units engaged in scientific and technological activities in the Arctic and subarctic territories, in order to develop human potential and the effectiveness of the use of technologies and materials for Arctic and subarctic purposes.

Keywords: Arctic, regulatory act, climate, North, bifurcation, human, country, territory, planet

For citation: Lebedev, M.P., Tomsky, V.S., Battakhov, P.P. Arctic Problems of Russia. Russia: Society, Politics, History. 2022. No. 4(4). pp. 34-45.

Введение

Арктика уникальна с точки зрения экологии, и это неповторимое природное богатство принадлежит каждому из россиян. Арктический регион играет важную роль в формировании общего климата, но при этом сам зависит от климатических изменений, – восстановительные процессы в условиях здешней природы протекают медленнее, чем в остальных регионах, а посему и вред от загрязнений более существенен. В этом проявляется особая уязвимость арктического региона (1).

Богатые недра Арктики до сих пор до конца не изучены и, соответственно, не освоены. Учитывая это обстоятельство, можно называть Арктику российской подушкой безопасности, залогом стабильности дальнейшего общественно-экономического развития нашей страны (4). Здесь нетронутые залежи углеводородов, рыбные запасы, а также обширные земли, могущие быть использованными для создания новых транспортных сообщений. Здесь же живут малочисленные исконные этносы, удивительным образом выживающие в сложных условиях, передающие знания об особенностях территории из поколения в поколение (2). При всех трудностях здешнего быта, в Арктике много жителей, и их состав многонационален. Местные жители имеют намного меньше комфорта в быту, чем жители большинства российских регионов. По этой причине актуально написание и принятие законов, которые локально скоординируют реализацию плана развития Арктики, для которого требуются квалифицированные кадры и инновации.

Материалы исследования

Россия – крупнейшая северная держава на мировой арене. Территориально почти половина Арктики принадлежит России. Также, свыше 50% российских территорий считаются северными. За XX столетие мы приобрели ценные знания и навыки освоения северных территорий, начали всесторонне изучать вопрос Арктики и Антарктиды (8). Вместе с распадом Советского Союза серьёзно пострадали и северные территории, оставшиеся без внимания. Это почти уничтожило инфраструктуру, привело к потере ряда технологий и береговых объектов, навигационных служб. Пострадали люди и даже потомки людей, посвятивших свои жизни труду на Севере. На сегодняшний день «накопительный эффект» всего произошедшего тяжело угнетает инновации и попытки развития Арктики, даже с учётом современных технических возможностей.

Однако существует Стратегия развития Арктического региона, подкрепляемая

 ISSN 2782-621X (Online)

указами Президента Российской Федерации (9). Современное состояние общества, культуры, политики в стране и в мире, – всё способствует и располагает к смелому, динамичному, решительному и глобальному восстановлению арктической зоны. Заинтересованность первых лиц государства в решении данного вопроса позволяет оптимистично взглянуть на судьбы народов Арктики и всей страны в целом, но для выполнения столь масштабной работы требуется обдуманный, ответственный подход как со стороны квалифицированных кадров и бизнесменов, так и всего общества.

Чтобы данное начинание было успешным и действительно воплотилось на практике, необходимо принимать в расчет опыт предыдущих поколений тружеников Севера, верно расставлять приоритеты, конкретизировать и научно обосновать промежуточные цели, создавать все условия для реализации намеченного. Необходимо отказаться от вредных предубеждений последних лет, касательно арктической проблематики в целом.

В настоящем настала необходимость законодательного закрепления планомерного, обязательного к выполнению, логически выверенного и тщательно проанализированного подхода к улаживанию главных проблем арктического региона, используя прошлый опыт наших соотечественников и опыт иностранных коллег. Только таким путём мы сможем обеспечить фундамент для продуктивной работы в арктических условиях. Лишь проведя реорганизацию инфраструктуры, обеспечив человеческие условия труда, в подчас нечеловеческих природных условиях, можно будет постепенно начать рассматривать северные территории с точки зрения интересов рынка.

Обсуждение и результаты исследования

В последнее время наблюдается устойчивый рост интереса к проблемам северных территорий. Арктика привлекает внимание не только политиков и дипломатов, но и военных, бизнесменов и ученых, представляющих широкий спектр отраслей знаний от физиков и биологов до культурологов и филологов. Это определяется тем, что Север находится в фокусе глобальных проблем современности от изменений климата и обеспечения устойчивого развития до выживания и сохранения жизни на планете в целом. Арктика выявляет истинные намерения людей и строго проверяет результаты научных исследований.

Все болевые точки современной цивилизации на Севере видны с увеличительным эффектом. В теории катастроф есть термин «бифуркация». Им обозначают развилку на пути развития сложных систем, когда даже малое воздействие

почти на квантовом уровне приводят к необратимым изменениям в системе и порой к глобальным кризисам и катастрофам, затрагивающим миллиарды простых людей, не говоря уже о животном и растительном мире. Только научный прогноз может продлить превентивные меры, чтобы не наступили катаклизмы (7).

Выделяя главные темы, возникающие при освоении северных территорий, мы увидим их необычайную широту по форме и содержанию (3). Это и проблемы сохранения уникальных культур малочисленных коренных народов Севера, обустройство быта живущих и работающих в условиях сурового климата и полярной ночи, изменения климата. Не стоит пренебрегать и нарастающим военным соперничеством в Арктике, которое, увы, в мировой политике не сходит с повестки дня.

Обозначим важнейшие из этих тем:

1. проблемы изменения климата на планете. Тревожные тренды, наблюдаемые в конце XX – начале XXI в. резко повысили требования к достоверности научно обоснованных прогнозов для предотвращения экстремальных сценариев;
2. сохранение всего биологического разнообразия, поддержание естественного баланса в природе Арктики, определение допустимых границ антропогенного и техногенного воздействия, демаркация их в пространстве и времени;
3. оценка применяемых технологий и рисков при разработке ресурсов Арктической и Антарктической зон в долгосрочной перспективе, определение безопасных масштабов воздействия на всех уровнях от глобального до регионального и местного;
4. создание в Арктике необходимой инфраструктуры, разработка особых стандартов поведения как при реализации международных проектов, так и при возникновении конфликтных ситуаций;
5. медицинские и биологические аспекты существования и жизнедеятельности человека в крайне неблагоприятном климате с учетом опыта стран Европы и Америки при освоении северных территорий и бесценных навыков коренных народов, сохранение их культуры (5);
6. организация сотрудничества в Арктике всех заинтересованных стран, в том числе «неарктических», выбор рыночной или плановой модели с учетом конкуренции;
7. правовое обеспечение сотрудничества на международном уровне в Арктическом совете и Арктическом экономическом совете;
8. выявление приоритетов в научных исследованиях по изучению Арктики и Антарктики, четкая постановка задач, использование историческо-

 ISSN 2782-621X (Online)

го опыта полярных научных экспедиций. Координация международных программ;

9. проблемы международной безопасности с учетом взаимных интересов.

Это далеко не полный перечень задач, решение которых требует разработки долгосрочной международной программы взаимовыгодного сотрудничества заинтересованных сторон и ведущих стран.

Несмотря на актуальность всех указанных проблем, в исследовании мы сосредоточимся на внутрироссийских задачах освоения Арктики в среднесрочной перспективе на основе принятой в феврале 2013 года Стратегии новой арктической политики и озвученных 25 сентября 2013 года в выступлении В.В. Путина на Арктическом Форуме требованиях к ее воплощению в жизнь[1].

Стратегии и планы развития должны соответствовать реальной картине состояния Арктики, субарктических территорий и северных территорий России (далее – СТР), качеству жизни людей, реальным производительным силам, динамике текущих производственных отношений. Необходимо в максимально сжатые сроки провести масштабные, глубокие, системные исследования реального состояния дел и разработке на этой основе *научно обоснованной системы приоритетов развития* в долгосрочной, среднесрочной и краткосрочной перспективе. Система приоритетов в части долгосрочных проектов должна иметь самый высокий правовой и юридический статус на уровне федерального закона. Такова природа СТР по территориальным, географическим, демографическим, социально-экономическим и иным признакам. Статус содержательно должен иметь в себе нормы и эффективные меры по проверке сроков, качества их реализации и конкретную ответственность юридических и физических лиц. В каждом субъекте РФ эти нормы должны отражать конкретные условия и специфику региональных условий. В целом это позволит обеспечить максимальную эффективность координации работ.

Следует выделить три модели СТР - западная, центральная и восточная части страны. Разделение позволит выявить существенные особенности, детально актуализировать приоритеты и методы развития, рационально и целенаправленно использовать ресурсы на улучшение ситуации, выработать реализуемые планы и этапы в различных временных масштабах.

Следующее направление работ связано с анализом и *оценкой реальных рисков, связанных с техногенным ущербом,* накопленным в предыдущие периоды. В особенности после 1991 года, когда практически бросались на произвол

1 Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утверждена Президентом РФ от 08.02.2013 № Пр-232). СПС Консультант Плюс. URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=142561&demo=1

судьбы целые производственно-технологические площадки, населенные пункты вместе с людьми, оборудованием и капитальными строениями. Значительный техногенный ущерб природным и экологическим балансам нанесен в устьях Оби, Енисея, Лены и других территорий при новом строительстве в условиях «дикого рынка». Данные инструментальных наблюдений вызывают обоснованную тревогу по их влиянию на негативное развитие климатических процессов. Следует объективно пересмотреть постановки задач по Севморпути, проектов добычи ископаемых ресурсов и углеводородного сырья на шельфе Северного океана, в части размеров грузового трафика, экологических, экономических и иных рисков от добычи углеводородов.

Реальная картина техногенного ущерба прошлых лет позволит принять обоснованное решение по восстановлению старых площадок или новому строительству на основе инновационных подходов с использованием новых архитектурно-строительных решений и материалов (6).

Важным направлением следует признать разработку стандартов жизни людей в Арктике. Необходимо найти научно-обоснованный баланс между принципом вахтовой работы и постоянной жизни на этих территориях. В том и другом случае стандарты жилья, быта, медицинского обслуживания и образования должны существенно превышать среднероссийские стандарты. Это трудное решение, но его следует принять, поскольку иначе Арктику не освоить и людей не удержать. Не следует ставить задачу увеличения численности населения Арктики и субарктических территорий. Разумнее обеспечить высокое качество жизни существующему населению. Многие задачи следует решать с помощью робототехнических систем и комплексов, цифровых технологий. Вместе с тем, представляет интерес расширять территорию арктического и экстремально-познавательного туризма. Круглогодичные туры не связаны с большими капитальными затратами и создадут рабочие места для местного населения.

По совокупности условий криолитосферы, криогенных факторов в атмосфере, гидросфере, биосфере, особенностей техносферы, арктические и северные территории являются чрезвычайно критичными, проектные решения здесь самые трудные и ресурсоемкие. Поэтому, в решении приоритетных задач развития, с учетом техногенных рисков и высоких стандартов качества жизни людей, можно будет разработать принципиально *новую научно-технологическую политику по развитию базовой инфраструктуры арктических территорий* (транспорт, энергетика, информационно-телекоммуникационные сети, услуги и строительные технологии и др.). Эти решения не будут копировать инфраструктурные задачи традиционными способами, они могут быть весьма эффективными по сро-

 ISSN 2782-621X (Online)

кам внедрения, помогут обеспечить комфортную среду обитания для постоянных жителей и вахтовых бригад, минимизировать техногенный и экологический ущерб естественным природным балансам. Такой подход позволит создать привлекательный облик арктических и северных территорий России, снять экологические проблемы, гармонизировать отношения между человеком, обществом и суровыми природными условиями, создать условия для поэтапного, эффективного освоения ресурсов Севера и Арктики без ущерба для среды обитания.

Выводы

В связи с тем, что в 2021 году принято важное решение девяти арктических Федеральных исследовательских центров РАН о научном сотрудничестве в интересах Арктической зоны Российской Федерации, координатором которого является Федеральный исследовательский центр «Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», представляется актуальным поручить проведение координирующих работ Федеральному исследовательскому центру «Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (далее – ФИЦ ЯНЦ СО РАН), с подключением по отдельным направлениям научных исследований Российскую академию наук, региональные отделения РАН, научные центры и институты РАН.

Под координацией ФИЦ ЯНЦ СО РАН в ноябре 2021 года проведено Первое Выездное заседание участников Соглашения «Научно-технологическое обеспечение стратегического развития Арктической зоны Российской Федерации» в городе Якутске. В настоящее время идет работа по конкретизации рабочих механизмов сотрудничества и подготовки проекта государственной научно-технологической программы. Перечислим основные направления этой программы.

1. Разработка Арктического кодекса РФ (далее – АК РФ). Без эффективной хозяйственно-экономической деятельности на Севере невозможно развитие страны в целом. Иные страны мира не имеют такого обременения. Снизить риски ведомственной и территориально-отраслевой разобщенности СТР РФ можно только с помощью системно-жесткой правовой оболочки и согласованными с ней строгими нормативными юридическими предписаниями для различных субъектов федерации и крупных межотраслевых корпораций.

Практики западных стран по жесткой правовой коррекции крупных корпораций можно использовать у нас с учетом наших традиций. Известно, что в Европе и США в послевоенный период удалось менее чем за десять лет принудить к социальной ответственности крупные корпорации, отравившие водные ресурсы гудзоновских озер и бассейна реки Рейн. Сегодня эта экологическая катастро-

фа ликвидирована, восстановлены естественные экологические балансы, растет биоразнообразие речной флоры и фауны, прилегающих береговых территорий. Успешный опыт получил значительное расширение на многие другие отрасли, стал мировым трендом под названием «зеленой экономики».

Состав АК РФ должен определять базовые правила поведения хозяйственной деятельности для крупных государственных и частных корпораций. В первую очередь, это касается сырьевых монополий и силовых структур, которые нанесли и продолжают наносить ущерб экологическим балансам и инфраструктурным сетям на Севере. В некоторых случаях это начинает наносить заметный ущерб для стран соседей, что может инициировать их к предъявлению штрафных санкций в отношении России.

Структура АК РФ должна поощрять, реализовывать и стимулировать принципы межотраслевого сотрудничества на основе открытых, прозрачных процедур учета интересов соседних хозяйствующих субъектов. Необходимо ввести правовые нормы с последствиями штрафов для нарушителей этих процедур и норм, препятствующих сотрудничеству и согласованию спорных вопросов между территориями и отраслями.

2. Разработка федеральных социально-экономических стандартов качества жизни людей в СТР. Проблема тесно связана с юридическими итогами АК РФ. Без развитой и конструктивной нормативно-правовой базы на Севере невозможно проводить сильную социально-экономическую политику, защищать интересы трудящихся, стимулировать их на творческую хозяйственную деятельность по всему спектру сложных, масштабных задач. Высокий уровень социально-экономических стандартов позволит удержать людей на Севере, сформировать чувство хозяина и творца новых знаний и технологий.

3. В разработке предложений по созданию робототехнических комплексов для добычи природных ресурсов, гражданскому и промышленному строительству, эксплуатации инфраструктурных и техногенных объектов в СТР заинтересованы все арктические регионы РФ. Организация пилотных проектов в отраслях с участием крупных сырьевых корпораций видится вполне реальным.

4. Предложения по добыче, сепарации, обогащению и первичной технологической подготовке редкоземельных элементов в интересах массового производства изделий радиоэлектронного и телекоммуникационного профиля реальны для всех агентов СТР.

5. Проведение фундаментальных и поисковых исследований по анализу природных трендов в СТР на устойчивость биосистем, оценка рисков, разработка предложений по мерам защиты и применению компенсационных технологий мо-

 ISSN 2782-621X (Online)

жет дать прорывные результаты в биологии, медицине и аграрном комплексе.

6. Разработка предложений по реконструкции событий прошлого на основе статистической фильтрации элементов филологических конструкций в устном народном творчестве северных народов (олонхо, калевала…) позволит извлечь бесценную информацию о диффузии культур в дописьменном периоде земной цивилизации.

7. Разработка предложений по северной урбанистической политике, созданию комфортной среды обитания и коммуникаций позволит создать для постоянных жителей Арктики качественно новую среду обитания, с новой культурой межличностных отношений.

Этот далеко неполный перечень направлений исследований и разработок для СТР позволит нам вернуть лидирующие позиции в мире по множеству направлениям деятельности, создать миллионы рабочих мест в высокотехнологическом сегменте реальной экономики, резко повысить качество жизни людей.

Таким образом, предупреждая преждевременное истощение арктических и субарктических ресурсов, необходимо параллельно развивать остальные российские территории, для гармонизации экономических уровней различных сегментов в пределах страны. Так нам удастся сберечь объёмную и существенную долю запаса сырья для грядущих поколений россиян.

Список источников

1. Баттахов П.П. (2020), Особенности правового регулирования современной Арктики [Features of legal regulation of the modern Arctic]. Экономические исследования и разработки. № 11. С. 41-48.
2. Баттахов П.П. (2021), Правовое регулирование жизнедеятельности малочисленных народов Севера [Legal Regulation of the Life of Small Peoples North]. Аграрное и земельное право. № 3 (195). С. 13-17.
3. Бринчук М.М. (2019), Право собственности на природные ресурсы принадлежит природоресурсному праву [Ownership of natural resources belongs to the natural resource right]. Государство и право. № 9. С. 30–43.
4. Жудро И.С., Редникова Т.В. (2022), Арктика: устойчивое развитие региона и обеспечение национальной безопасности [Arctic: sustainable development of the region and ensuring national security]. Государство и право. № 3. С. 127–137.
5. Лебедева У.М., Баттахов П.П., Степанов К.М., Лебедева А.М., Занковский С.С., Булгакова Л.И., Винокурова Д.М. (2018), Организация питания детей и подростков на региональном уровне [Organization of nutrition for children and adolescents at the regional level]. Вопросы питания. Т. 87. № 6. С. 48-56.

6. Лукин Е.С., Лебедев М.П. (2019), Обзор геополитической ситуации в Арктическом регионе [Overview of the geopolitical situation in the Arctic region]. Проблемы обеспечения экологической безопасности и устойчивое развитие арктических территорий: сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием II Юдахинские чтения. Ответственный редактор И.Н. Болотов. С. 552-557.
7. Томский В.С. (2007), Системный кризис в России [Systemic crisis in Russia]. Москва: Алмаз.
8. Томский В.С. (2013), Неэкономические заметки об экономике [Non-Economic Notes on Economics]. Экономическая наука современной России. ЦЭМИ РАН. №4. С. 156-159.
9. Савенков А.Н. (2018), Арктика: правовое обеспечение устойчивого развития и сотрудничества [Arctic: legal support for sustainable development and cooperation]. Труды Института государства и права Российской академии наук. Т. 13. № 1. С. 22–42.

References

1. Battakhov, P.P. (2020), Features of legal regulation of the modern Arctic. Economic development research journal. No. 11. pp. 41-48. (In Russian)
2. Battakhov, P.P. (2021), Legal Regulation of the Life of Small Peoples North. Agrarian and land law. No. 3 (195). pp. 13-17. (In Russian)
3. Brinchuk, M.M. (2019), Ownership of natural resources belongs to the natural resource right. State and Law. No. 9. pp. 30-43. (In Russian)
4. Zhudro, I.S., Rednikova, T.V. (2022), Arctic: sustainable development of the region and ensuring national security. State and Law. No. 3. pp. 127-137. (In Russian)
5. Lebedeva, U.M., Battakhov, P.P., Stepanov, K.M., Lebedeva, A.M., Zankovkiy, S.S., Bulgakova, L.I., Vinokurova, D.M. (2018), Organization of nutrition for children and adolescents at the regional level. Problems of Nutrition. Vol. 87. No. 6. pp. 48-56. (In Russian)
6. Lukin, E.S., Lebedev, M.P. (2019), Overview of the geopolitical situation in the Arctic region. Problemy obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti i ustoychivoye razvitie arkticheskikh territoriy: Digest of materials of All-Russian conference with international participation II Yudakhinskiye chteniya. Resp. ed. I.N. Bolotov. pp. 552-557. (In Russian)
7. Tomsky, V.S. (2007), Systemic crisis in Russia. Moscow : Almaz. (In Russian)
8. Tomsky, V.S. (2013), Non-Economic Notes on Economics. Economics of Contemporary Russia. Section of Economics of the Russian Academy of Sciences. No. 4. pp. 156-159. (In Russian)

 ISSN 2782-621X (Online)

9. Savenkov, A.N. (2018), Arctic: legal support for sustainable development and cooperation. Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. Vol. 13. No. 1. pp. 22-42. (In Russian)

Информация об авторах

ЛЕБЕДЕВ Михаил Петрович, доктор технических наук, член-корреспондент Российской академии наук, генеральный директор Федерального исследовательского центра «Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», главный научный сотрудник отдела физикохимии материалов и технологий Института физико-технических проблем Севера им. В.П. Ларионова Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск, Российская Федерация. E-mail: m.p.lebedev@mail.ru.

ТОМСКИЙ Владимир Саввич, кандидат технических наук, советник генерального директора Федерального исследовательского центра «Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», г. Якутск, Российская Федерация. E-mail: tomskyvs@yandex.ru.

БАТТАХОВ Петр Петрович, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: battakhov@mail.ru.

About the authors

Mikhail P. LEBEDEV, DSc (Tech.), Corresponding member of Russian Academy of Sciences, General Director of the Federal Research Center «Yakutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences», Chief Researcher of the Department of Physicochemistry of Materials and Technologies of the Institute of Physical and Technical Problems of the North named after V.P. Larionov of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation. E-mail: m.p.lebedev@mail.ru.

Vladimir S. TOMSKY, CandSc (Tech.), Advisor to the General Director of the Federal Research Center «Yakutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences», Yakutsk, Russian Federation. E-mail: tomskyvs@yandex.ru.

Petr P. BATTAKHOV, CandSc (Law), Senior Researcher, Civil and Business Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: battakhov@mail.ru.

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Научная статья
УДК 316.422; 332.146; 339.542.4
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-46-61

Социологические науки

Восточная Арктика: возможности интеграции морского транспорта в международное транспортное пространство

Елена Анатольевна Заостровских

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, Хабаровск, Российская Федерация
zaost@ecrin.ru, https://orcid.org/0000-0002-7447-0406

Аннотация. В течение последних нескольких лет Северный морской путь, по ряду причин, получил повышенное международное внимание. Это обстоятельство заставляет по-новому взглянуть на то, каким образом можно интегрировать морской транспорт Восточной Арктики в международное транспортное пространство. В этом ключе рассмотрены закономерности развития регионов Восточной Арктики и их морских портов. Выявлены инфраструктурные проблемы и перспективы развития. Определены условия и возможности интеграции морского транспорта Восточной Арктики в мировое транспортное пространство в условиях интенсивного освоения Арктической зоны РФ. Сделан вывод о том, что, в первую очередь, надлежит определить наиболее важные и стратегически значимые инфраструктурные проекты, соблюдая экономические, экологические и социальные ценности региона. Во вторую – синхронизировать инфраструктурные и производственные проекты для обеспечения устойчивого экономического роста и территориальной связанности региона, что обеспечит развитие производственных объектов, снимет инфраструктурные ограничения и привлечет дополнительные транзитные грузы.

Ключевые слова: регионы нового освоения, социально-экономическое развитие, морской транспорт, Восточная Арктика

Для цитирования: Заостровских Е.А Восточная Арктика: возможности интеграции морского транспорта в международное транспортное пространство. Россия: общество, политика, история. 2022. №4(4). С. 46-61.

© Заостровских Е.А.
© «Россия: общество, политика, история», 2022

ISSN 2782-621X (Online)

TERRITORIAL DEVELOPMENT

Original article
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-46-61

Sociological sciences

Eastern Arctic: Opportunities for Integration of Marine Transport into the System of International Transport Corridors

Elena A. Zaostrovskikh

Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russian Federation
zaost@ecrin.ru, https://orcid.org/0000-0002-7447-0406

Abstract. Over the past few years, the Northern Sea Route has received increased international attention for a number of reasons. This circumstance makes us take a fresh look at how the maritime transport of the Eastern Arctic can be integrated into the international transport space. In this vein, the patterns of development of the regions of the Eastern Arctic and their seaports are considered. Infrastructural problems and development prospects are identified. The conditions and opportunities for the integration of maritime transport in the Eastern Arctic into the global transport space under the conditions of intensive development of the Arctic zone of the Russian Federation are determined. It is concluded that, first of all, it is necessary to determine the most important and strategically significant infrastructure projects, observing the economic, environmental and social values of the region. Secondly, to synchronize infrastructure and production projects to ensure sustainable economic growth and territorial connectivity of the region, which will ensure the development of production facilities, remove infrastructure restrictions and attract additional transit cargo.

Keywords: regions of new development, socio-economic development, maritime transport, Eastern Arctic

For citation: Zaostrovskikh, E.A. Eastern Arctic: Opportunities for Integration of Marine Transport into the System of International Transport Corridors. Russia: Society, Politics, History. No. 4(4). pp. 46-61.

Введение

Проблема развития транспортной инфраструктуры Восточной Арктики в последнее время является достаточно актуальной темой. В первую очередь, это связано с тем, что изменились роль и степень важности развития Северного морского пути и его арктических регионов из-за влияния ряда факторов: изменения климата, увеличения диспропорций торговых потоков, роста тарифов на магистральных маршрутах, усиления межпортовой конкуренции. Во вторую – в России, при развитии Северного морского пути, всё больше внимания уделяется арктическим территориям и морскому транспорту. Согласно новой Стратегии развития Арктической зоны РФ[1], будут созданы инфраструктурные условия для создания новых импульсов роста, что подразумевает комплексное освоение новых территорий и разработку месторождений полезных ископаемых в Арктической зоне РФ. Соответственно, развитие производственных объектов обеспечит загрузку транспорта, снимет инфраструктурные ограничения и привлечет дополнительные транзитные грузы.

Однако в действительности ситуация не так проста. Интенсивное освоение месторождений полезных ископаемых, увеличение грузооборота портов, приводят к необходимости поиска сбалансированного развития производства и транспорта, который учитывал бы как национальные приоритеты, так и международные интересы. Особенно в нынешних условиях, когда внешнеторговое сотрудничество со многими странами стремительно меняется из-за таких факторов как: неблагоприятные экономические условия, торговые войны, а также пандемия Covid-19. На фоне этих событий в 2020 г. Правительство РФ приняло решение скорректировать очередность реализации инфраструктурных проектов[2], а в августе 2022 г. определён План развития Северного морского пути на период до 2035 года[3].

Все эти условия заставляют по-новому взглянуть на то, каким образом можно интегрировать морской транспорт Восточной Арктики в международное транспортное пространство. Количество исследований относительно экономической привлекательности регионов нового освоения выросло в геометрической прогрессии с 2013 г., когда был запущен процесс формирования программы Арктической зоны РФ. Тем не менее, вопросы развития Восточной Арктики освещены гораздо меньше (1; 12; 13; 15; 10; 9; 5).

1 Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (утверждена указом Президента РФ № 645 от 26.10.2020). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972

2 О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ № 474 от 21.07.2020. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726

3 План развития Северного морского пути на период до 2035 года (утвержден Распоряжением Правительства РФ. № 2115-р от 01.08.2022). URL: http://static.government.ru/media/files/StA6ySKbBceANLRA6V2sF6wbOKSyxNzw.pdf

 ISSN 2782-621X (Online)

Материалы и методы

Для обоснования результатов исследования использованы научные идеи отечественных и зарубежных ученых в области теории развития регионов нового освоения и транспортной инфраструктуры. Методологической основой исследования явились общенаучные методы: формализация, группировка, анализ и синтез. Информационной базой исследования послужили данные Росстата, нормативно-правовые акты, картографические данные, а также отраслевые научные отчёты.

Результаты исследования

Постановка проблемы

Восточная Арктика – самая северная, наименее заселённая и труднодоступная территория Дальневосточного федерального округа (ДФО), которая включает Чукотский автономный округ, 13 арктических улусов Якутии и ряд островов (Врангеля, Медвежьи и Новосибирские острова) (Рисунок 1).

Рисунок 1. Сухопутная территория Восточной Арктики в пределах ДФО[4]
Figure 1. The land territory of the Eastern Arctic within the Far Eastern Federal District

4 Составлено автором

Общая протяжённость морской береговой линии Восточной Арктики от бухты Нордвик до Мыса Пятнистый составляет более 7,5 тыс. км, а её сухопутная часть превышает 33% от общей площади ДФО. Здесь проживает свыше 108,4 тыс. человек (2022 г.). Основная часть населения сконцентрирована в Верхоянском (12%), Анадырском (9%) и Булунском (8%) районах, которые находятся в непосредственной близости к морским портам.

Имеющиеся природные ресурсы создают благоприятные условия для развития добывающей промышленности. Особенность развития Восточной Арктики заключается в том, что отраслевая структура экономики слабо диверсифицирована, а объекты транспортной инфраструктуры ориентированы на поставки грузов в рамках программы «Северный завоз» и обслуживание караванов судов, идущих по Северному морскому пути (СМП). Именно поэтому развитие этого региона практически полностью зависит от эффективности работы морского транспорта (морских портов и судов).

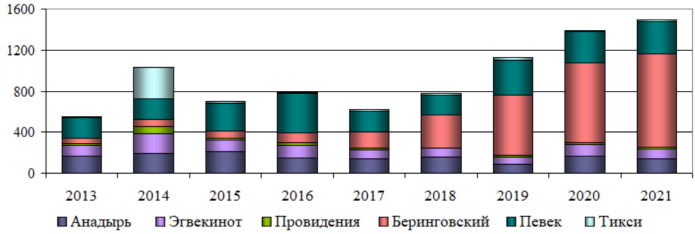
Опорную береговую инфраструктуру Восточной Арктики формируют шесть морских портов (Рисунок 1). Являясь опорными пунктами, порты в своём развитии прошли сложные этапы: от формирования и развития до деградации и восстановления (11). В настоящее время все действующие порты классифицируются как мелкие, с ограниченным числом механизированных причалов, которые нуждаются в реконструкции и модернизации. В свою очередь отсутствие выхода на железнодорожную сеть страны существенно замедляет сроки реализуемых проектов и сказывается на производственной деятельности портов. В результате грузооборот портов Восточной Арктики не превышает 2%. Остальной объём (98%) приходится на порты Западной Арктики.

Современный период (2013-2021 гг.) деятельности портов Восточной Арктики характеризуется следующими тенденциями:

- изменение структуры грузооборота в связи с ростом угольных грузов в экспортном направлении;
- рост объёма перевалки грузов в 2,7 раза (Рисунок 2), который был вызван реализацией проектов (реконструкция Жатайской судоверфи, введение в эксплуатацию АЭС в районе Певек Чукотского автономного округа, освоение угольного месторождения в пос. Беринговский).

 ISSN 2782-621X (Online)

Рисунок 2. Динамика грузооборота портов Восточной Арктики, тыс. т[5]
Figure 2. Dynamics of cargo turnover in the ports of the Eastern Arctic, thousand tons



Все эти изменения говорят о начале реанимации портов как опорных зон СМП. Но в то же время дать положительный ответ об успешности реализуемых проектов и формировании устойчивых связей с портовым регионом пока не представляется возможным. Тем не менее, реакцию на эти изменения можно проследить при помощи зависимости между динамикой численности населения и грузооборотом портов, описанных в моделях «Port-city», «Anyport», которые объясняют закономерности развития порта и портового региона (16; 17).

Анализ динамики грузооборота портов и численности населения показал:

- в порту Беринговский отмечается падение численности населения при росте грузооборота (Рисунок 3а). При такой ситуации, согласно обозначенным выше моделям, необходимо переключить часть грузов на соседние порты;
- в остальных пяти портах наблюдается падение численности населения при одновременном снижении грузооборота (Рисунок 3б). При данных обстоятельствах необходимо искать новый импульс роста.

Рисунок 3. Взаимосвязь между численностью населения (тыс. чел.) и грузооборотом портов (тыс. т.)[6]
Figure 3. The relationship between the population (thousands of persons) and cargo turnover of the ports (thousands of tons)

а) Порт Беринговский

б) Порт Провидения

5 Составлено автором на основе данных (РОСМОРПОРТ, ЕСИМО)
6 Составлено автором на основе данных (РОСМОРПОРТ, ЕСИМО)

Если в отношении порта Беринговский при перераспределении части грузов потребуется создать развитую транспортную инфраструктуру в портах Анадырь, Эгвекинот и Провидения, то в остальных портах для импульса роста необходимо формировать транспортно-промышленные узлы, которые позволяют комплексно развивать природные ресурсы, создавая всю технологическую цепочку производств вместе с объектами транспортной инфраструктуры. Такой подход был заложен ещё в советское время и направлен на создание тесной связи с портовым регионом, когда промышленные комплексы создают рабочие места, дополнительные объёмы региональной продукции и вовлекают промышленные производства (4).

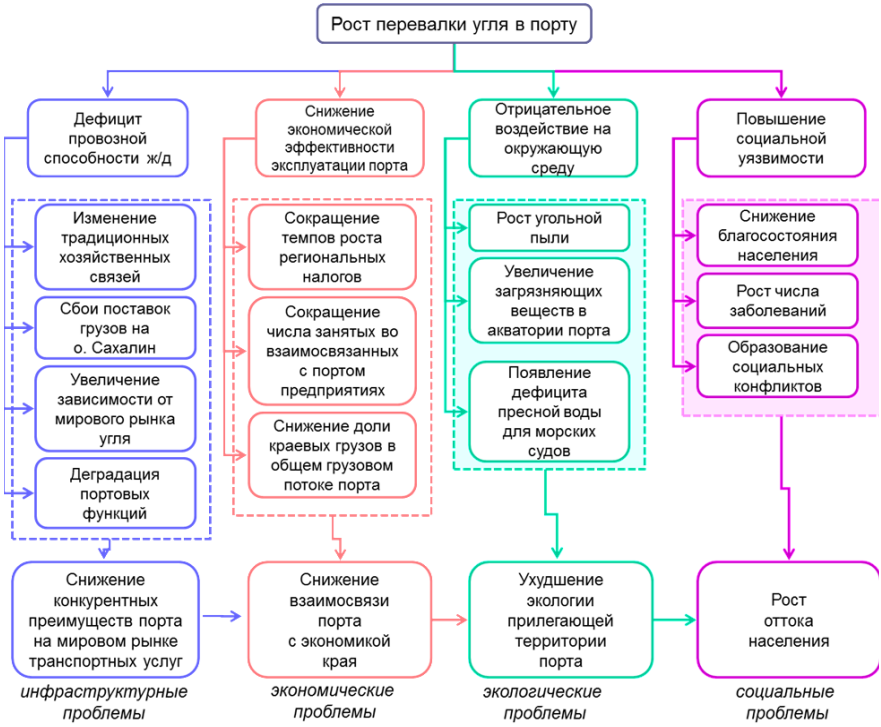
Вообще в каждой стране стратегия развития арктических портов зависит от их количества, приходящихся на арктический регион, и от степени хозяйственной освоенности территории. Например, в Скандинавских странах развитие арктических портов базируется на теории эндогенного экономического роста, в США и Канаде – на поиске инновационных возможностей экономического развития регионов нового освоения. В свою очередь, в России – на триаде «размещение производительных сил – экономическое районирование – территориально-производственные комплексы» (13). Отсюда следует, что сочетание названных факторов задаёт стратегические ориентиры развития для регионов и портов.

Если вернуться к грузообороту портов Восточной Арктики, то можно отметить, что его положительная динамика была достигнута за счёт увеличения перевалки угля в порту Беринговский (Рисунок 2). В будущем, при интенсивном увеличении объёмов угля, потребуется детальная проработка инфраструктурных проектов, в которых должны быть учтены экономические, экологические и социальные ценности. Иначе может возникнуть конфликт интересов между бизнесом и населением, что приведёт к снижению привлекательности региона и увеличению оттока населения.

Подобная ситуация уже сложилась в угольных портах Приморского и Хабаровского краёв, где в результате интенсивного роста перевалки угля на экспорт отрицательные эффекты превысили положительные как в самих портах, так и за их пределами (Рисунок 4) (8). В результате выстроилась цепочка последовательных негативных событий: дефицит пропускной способности железнодорожного транспорта повлиял на снижение конкурентных преимуществ порта, что, в свою очередь, оказало влияние на снижение взаимосвязи между портом и экономикой региона, затем отразилось на экологии и, как следствие, способствовало росту оттока населения.

 ISSN 2782-621X (Online)

Рисунок 4. Влияние угольных портов на портовый регион[7]
Figure 4. The impact of coal ports on the port region



Исходя из обозначенных тенденций, можно предположить, что аналогичная ситуация может проявиться и в портах Восточной Арктики, которые имеют сырьевую направленность. Поэтому для успешной интеграции морского транспорта Восточной Арктики в международное транспортное пространство в ближайшее время надлежит решить две основные задачи: развивать порты в увязке с экономикой прилегающих территорий, соблюдая экономические, экологические и социальные ценности региона; развивать транспортную систему, которая сочетала бы национальные приоритеты и международные интересы.

В то же время, общее состояние транспортной инфраструктуры Восточной Арктики можно охарактеризовать следующим образом:

- во-первых, транспортная инфраструктура не является целостной

7 Составлено автором

системой. Это выражается в том, что транспорт развит только южной Якутии, отсутствует взаимосвязанность между различными видами транспорта (морской и ж/д, авто и морской), не развита устойчивая транспортная связь отдалённых территорий с основными территориями ДФО;

- во-вторых, транспортная обеспеченность для ведущих отраслей крайне слабая: прирост инфраструктурных мощностей идёт замедленными темпами, чем производственных; существует дефицит ж/д вагонов и морских судов;
- в-третьих, сроки строительства инфраструктурных проектов не синхронизированы с завершением строительства производственных проектов, которые в свою очередь приходятся на один и тот же период (2025-2035 гг.), что, в конечном счёте, может привести к смещению сроков реализации проектов.

Перспективы развития

Дальнейшие перспективы развития транспортной инфраструктуры Восточной Арктики закреплены в стратегических документах страны[8,9,10], в которых можно выделить три основных направления: формирование опорных зон, развитие объектов транспортной инфраструктуры и развитие международных транспортных коридоров.

В рамках первого направления формируются две опорные зоны.

Северо-Якутская опорная зона направлена на развитие добывающей промышленности (добыча углеводородного сырья на территории Анабарского района, олова в Усть-Янском районе, разработка золоторудных месторождений на северо-востоке Республики Саха (Якутия)). Общий объём инвестиций – 356,6 млрд руб., из них инфраструктурные проекты составляют 147,5 млрд руб. (2). Для этого предусмотрено создание транспортно-промышленного узла, где ключевым элементом выступает порт Тикси с годовым грузооборотом 0,7 млн т (6). В этот проект входят четыре проекта (строительство причала, соединяющего Восточные пирсы с подходным каналом, обновление перегрузочной техники, обновление парка портового флота и строительство складских помещений).

8 Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года. (утверждена Постановлением Правительства № 366 от 21.04.2014) (ред. от 31.08.2017). URL: http://static.government.ru/media/files/GGu3GTtv8bvV8gZxSEAS1R7XmzloK6ar.pdf

9 Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (утверждена указом Президента РФ № 645 от 26.10.2020). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972

10 План развития Северного морского пути на период до 2035 года (утвержден Распоряжением Правительства РФ. № 2115-р от 01.08.2022). URL: http://static.government.ru/media/files/StA6ySKbBceANLRA6V2sF6wbOKSyxNzw.pdf

 ISSN 2782-621X (Online)

Чукотская опорная зона ориентирована на освоение месторождений полезных ископаемых, сконцентрированных в двух промышленных зонах: Чаун-Билибинская и Анадырская. Общий объём инвестиций оценивается в 409 млрд руб. Большая часть инвестиционных проектов Чукотской опорной зоны реализуется на льготных условиях проектов ТОР «Беринговский» и «Свободный порт Певек».

В рамках второго направления предусматривается модернизация объектов портовой инфраструктуры: строительство паромно-пассажирского причала на левом берегу Анадырского лимана в пос. Угольные Копи; реконструкция объектов федеральной собственности в морских портах Певек и Анадырь. Общий объём финансирования – 1,1 млрд рублей. Развитие инфраструктурных проектов будет способствовать росту объёма грузовых и пассажирских перевозок.

В рамках третьего направления может выступать новый транспортный коридор «Северный транзит», который соединит северные провинции Китая с Западной Европой. Основными населёнными пунктами этого коридора выступают: Мохэ – Джалинда – Сковородино – Тында – Нерюнгри – Якутск – Тикси (3). «Северный транзит» будет способствовать развитию внешнеторговых отношений между Россией и Китаем, хозяйственному освоению зоны БАМ, развитию транспортной инфраструктуры, а также интеграции в глобальные транспортные маршруты. Затраты на строительство объектов инфраструктуры составят 100,2 млрд. руб. (7).

В целом, перспективы развития транспортной инфраструктуры Восточной Арктики зависят от сложного переплетения нескольких направлений. Первое обусловлено стратегическим значением в экономике страны – интенсивное освоение Арктики. Второе направление связано с долговременными перспективами освоения добычи полезных ископаемых и увеличения объёма на экспорт, а также развитие транзитных перевозок по трассе СМП. Третье – связано с созданием льготного режима ТОР и СПВ. Представляется, что сочетание таких разных целей может осложнить реализацию обозначенных проектов.

Обсуждение и выводы

Анализ перспектив развития транспортной инфраструктуры Восточной Арктики позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, перспективы развития транспортной инфраструктуры связаны с реализацией большого числа проектов. Как показывает практика, реализация большого числа разнонаправленных проектов на определённой территории,

приходящихся на один и тот же период, может привести к смещению сроков реализации, а также «инвестиционной усталости». Это, в конечном счёте, может негативно сказаться на экономическом развитии региона и его благополучии.

В этой связи инфраструктурные проекты Восточной Арктики, соблюдая экономические, экологические и социальные ценности региона, надлежит разбить на три группы:

- первоочередные, которые формируют транспортный каркас территории;
- второстепенные, которые направлены на развитие отраслевой структуры экономики;
- проекты, отложенные на неопределённый срок, которые не имеют большого прироста мощностей и не являются значимыми.

Такая классификация особенно актуальна в нынешних условиях, когда из-за длящихся санкций, торговых войн и пандемии COVID-19, на уровне Правительства РФ было принято решение скорректировать очерёдность реализации инфраструктурных проектов и отобрать наиболее важные и стратегически значимые[11].

Во-вторых, поскольку Восточная Арктика относится к числу регионов нового освоения, то важным условием интеграции в международное транспортное пространство является создание устойчивой транспортной системы и формирование территориальной целостности. Это предполагает:

- обеспечение связанности между всеми видами транспорта;
- масштабное освоение территории;
- транспортную доступность для перевозки грузов по населённым пунктам;
- внешнюю доступность территории для других регионов и стран.

В-третьих, формирование и развитие транспортной системы Восточной Арктики должно развиваться по ряду критериев, исходя из внутренних и внешних потребностей:

Для внутренних потребностей должны учитываться следующие условия:

- комплексность – предполагает нивелирование узких мест;
- единство – подразумевает ликвидацию разобщённости различных видов транспорта;
- территориальная освоенность – подразумевает возведение транспортных коммуникаций в отдалённые и труднодоступные территории;
- инфраструктурное развитие – сбалансированное развитие транспортных и производственных проектов.

11 О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ № 474 от 21.07.2020. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726

 ISSN 2782-621X (Online)

Для внешних потребностей:

- внешняя доступность – предполагает развитие транспортной инфраструктуры по критериям безопасность, сохранность и надёжность.

Представляется, что выполнение обозначенных условий будет способствовать успешной интеграции морского транспорта Восточной Арктики в международное транспортное пространство.

Список источников

1. Бакланов П.Я., Мошков А.В. (2015), Пространственная дифференциация структуры экономики регионов Арктической зоны России [Spatial Differentiation Of The Structure Of Economics Of The Regions Of The Arctic Zone Of The Russian Federation]. Экономика региона. № 1. С. 53–63. DOI: 10.17059/2015-1-5
2. Борисов Е.А. (2016), Перспективы развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) [Perspectives of development of Arctic zone of Republic of Sakha (Yakutia)]. URL: https://docplayer.ru/27259700-Perspektivy-razvitiya-arkticheskoy-zony-respubliki-saha-yakutiya-borisov-egor-afanasevich-glava-respubliki-saha-yakutiya.html.
3. Гомилевская Г.А., Сакун В.С. (2016), Возможности государственно-частного партнерства при создании региональных предпринимательских проектов на примере концепции приграничного кластера «Джалинда» в Амурской области [Opportunities of public-private partnership in regional entrepreneurial projects: case of “Dzhalinda” border cluster in Amur oblast]. Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Т. 8. №4 (35). С. 92-109.
4. Гранберг А.Г. (2000), Основы региональной экономики [Basics of regional economy]. М: ГУ ВШЭ.
5. Дальневосточная и Тихоокеанская Арктика: на перекрестке двух океанов и континентов [Far East and Pacific Arctic: on a crossroad of two oceans and continents] (2021), отв. ред. Б.Х. Краснопольский, Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН.
6. Дмитриева М.А. (2015), Формирование грузовых потоков и транспортное обеспечение завоза грузов [Formation of cargo flows and transport maintenance of cargo delivery]. Проблемные аспекты развития транспортной системы: Материалы научно-практической конференции с международным участием, под ред. Г.В. Давыдовой, Г.Н. Войниковой, А.И. Бирюковой. Иркутск. С. 57–65.

7. Заостровских Е.А. (2017), Состояние и перспективы развития внутреннего водного транспорта Дальнего Востока России [The State and Prospects of Development of Inland Waterway Transport of the Russian Far East]. Регионалистика. Т. 4. № 3. С. 35–47.
8. Заостровских Е.А. (2020), Угольные порты Ванино и Восточный и их влияние на экономику региона [Vanino and Vostochniy coal ports and their impact on regional economy]. Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 78–92. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.6
9. Краснопольский Б.Х. (2020), Дальний Восток как макрорегион: инфраструктурный аспект [Far Eastern Russia as a Macro Region: The Infrastructure Aspect]. Пространственная экономика, Т. 16, № 3, С. 181–196. https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.3.181-196
10. Лазарев В.А. (2019), Северный морской путь как фактор притяжения товарных потоков из Северо-Восточной Азии [Northern Sea Route as Factor of Attraction of Commodity Flows from North-East Asia]. Регионалистика. Т. 6. № 6. С. 77–87. DOI: 10.14530/reg.2019.6.77
11. Леонов С.Н., Заостровских Е.А. (2019), Потенциал восточной Арктики как катализатор развития Дальнего Востока России [The Eastern Arctic facilities accelerate the Russian Far East development]. Арктика: экология и экономика. № 4 (36). С. 4-15. DOI: 10.25283/2223-4594-2019-4-4-15.
12. Минакир П.А., Краснопольский Б.Х., Леонов С.Н. (2016), Исследования по проблемам освоения дальневосточной Арктики: экономические аспекты [Studies on the Problems of Development of the Far Eastern Arctic: Economic Aspects]. Регионалистика. Т. 3. № 4. С. 6–19.
13. Пилясов А.Н., Гальцева Н.В., Атаманова Е.А. (2017), Экономика арктических «островов» (на примере Ненецкого и Чукотского автономных округов) [Economy of the Arctic “Islands”: The Case of Nenets and Chukotka Autonomous Okrugs]. Экономика региона. Т. 13. № 1. С. 114–125 DOI: 10.17059/2017–1–11
14. Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. (2019), Освоение Севера 2.0: вызовы формирования новой теории [Development of the North 2.0: challenges of making a new theory]. Арктика и Север. № 34. С. 57–76. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.57
15. Тарасова О.В., Соколова А.А. (2018), Перспективы комплексного освоения Чукотского АО [Prospects for the Chukotka’s Complex Development]. Мир экономики и управления. Т. 18. № 2. С. 69–85. DOI 10.25205/2542-0429-2018-18-2-69-85

16. Commercial Development of Regional Ports as Logistics Centers (2003). New York: ESCAP, Korea Transport Institute. United Nations.
17. Ducruet, C., Jeong, O.-J. (2005), European port-city interface and its Asian application: Research Report. No. 17. Korea Research Inst. for Human Settlements. URL: http://www.krihs.re.kr.

References

1. Baklanov, P.Ya., Moshkov, A.V. (2015), Spatial Differentiation Of The Structure Of Economics Of The Regions Of The Arctic Zone Of The Russian Federation. Economy of Regions. No. 1. pp. 53–63. DOI: 10.17059/2015-1-5 (In Russian)
2. Borisov, E.A. (2016), Perspectives of development of Arctic zone of Republic of Sakha (Yakutia). URL: https://docplayer.ru/27259700-Perspektivy-razvitiya-arkticheskoy-zony-respubliki-saha-yakutiya-borisov-egor-afanasevich-glava-respubliki-saha-yakutiya.html. (In Russian)
3. Gomilevskaya, G.A., Sakoun, V.S. (2016), Opportunities of public-private partnership in regional entrepreneurial projects: case of “Dzhalinda” border cluster in Amur oblast. Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa. Vol. 8. No. 4 (35). pp. 92-109. (In Russian)
4. Granberg, A.G. (2000), Basics of regional economy. Moscow : HSE.
5. Far East and Pacific Arctic: on a crossroad of two oceans and continents (2021), resp. ed. B.H. Krasnopolsky, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Khabarovsk : Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.
6. Dmitrieva, M.A. (2015), Formation of cargo flows and transport maintenance of cargo delivery. Problematic aspect of transport system development: Materials of scientific conference with international participation, ed. by G.V. Davydova, G.N. Voynikova, A.I. Biryukova. Irkutsk. pp. 57–65.
7. Zaostrovskikh, E.A. (2017), The State and Prospects of Development of Inland Waterway Transport of the Russian Far East. Regionalistica. Vol. 4. No. 3. pp. 35–47.
8. Zaostrovskikh, E.A. (2020), Vanino and Vostochniy coal ports and their impact on regional economy. Problemy razvitiya territoriy. 2020. No. 1 (105). pp. 78–92. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.6
9. Krasnopolski, B.H. (2020), Far Eastern Russia as a Macro Region: The Infrastructure Aspect. Spatial Economics, Vol. 16, No. 3, pp. 181–196. https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.3.181-196

10. Lazarev, V.A. (2019), Northern Sea Route as Factor of Attraction of Commodity Flows from North-East Asia. Regionalistica. Vol. 6. No. 6. pp. 77–87. DOI: 10.14530/reg.2019.6.77
11. Leonov, S.N., Zaostrovskikh, E.A. The Eastern Arctic facilities accelerate the Russian Far East development. Arctic: ecology and economy, 2019, No. 4(36), pp. 4-15. DOI: 10.25283/2223-4594-2019-4-4-15.
12. Minakir, P.A., Krasnopolski, B.Kh., Leonov, S.N. (2016), Studies on the Problems of Development of the Far Eastern Arctic: Economic Aspects. Regionalistica. Vol. 3. No. 4. C. 6–19.
13. Pelyasov, A.N., Galtseva, N.V., Atamanova, E.A. (2017), Economy of the Arctic "Islands": The Case of Nenets and Chukotka Autonomous Okrugs. Economy of Regions. Vol. 13. No. 1. pp. 114–125 DOI: 10.17059/2017–1–11
14. Pilyasov, A.N., Zamyatina, N.Yu. (2019), Development of the North 2.0: challenges of making a new theory. Arctic and North. No. 34. pp. 57–76. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.57
15. Tarasova, O.V., Sokolova, A.A. (2018), Prospects for the Chukotka's Complex Development. World of Economics and Management. Vol. 18. No. 2. pp. 69–85. DOI 10.25205/2542-0429-2018-18-2-69-85
16. Commercial Development of Regional Ports as Logistics Centers (2003). New York: ESCAP, Korea Transport Institute. United Nations.
17. Ducruet, C., Jeong, O.-J. (2005) European port-city interface and its Asian application: Research Report. No. 17. Korea Research Inst. for Human Settlements. URL: http://www.krihs.re.kr

 ISSN 2782-621X (Online)

Информация об авторе

ЗАОСТРОВСКИХ Елена Анатольевна, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, Хабаровск, Российская Федерация. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7447-0406. E-mail: zaost@ecrin.ru.

About the author

Elena A. ZAOSTROVSKIKH, CandSc (Econ.), researcher, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russian Federation. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7447-0406. E-mail: zaost@ecrin.ru.

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Научная статья
Социологические науки
УДК 316.422; 332.14; 502.131.1
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-62-81

Устойчивое развитие Арктики: роль бизнеса в модели «четверной спирали» (на примере ПАО «ГМК «Норильский никель»)

Екатерина Алексеевна Комлева

Департамент устойчивого развития ПАО «ГМК «Норильский никель», Москва, Российская Федерация
catya.comleva@ya.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль и значение ПАО «ГМК «Норильский никель» как одного из акторов устойчивого развития арктического региона. Автор рассматривает проекты компании «Норникель» и аргументирует значимую роль компании в достижении целей ООН (в частности, ЦУР 6-8, 12-15, 17), укреплении системы устойчивого развития и связей между другими акторами. Автор аргументирует, что достижение некоторых ЦУР реализуется Компанией за счет развития системы ESG, устранения негативных последствий своей деятельности, взятия на себя части обязанностей других акторов, активного взаимодействия с общественными и государственными акторами, исследовательскими и международными структурами. Методологическую основу исследования составила спиральная модель, в частности «четверная спираль», которая традиционно используется для анализа роли участников инновационного развития территорий. В результате анализа проектов «ГМК «Норникель» автор предлагает развитие спиральной модели путем добавления пятой спирали и дополнения роли «Деструктора» (к ролям «Наблюдателя» и «Создателя»). При переходе к устойчивому развитию бывают случаи не только созидательных, но деструктивных ролей акторов (возникающих спонтанно либо осознанно). При ответственном и осознанном отношении к устойчивому развитию деструктивная роль актора может стимулировать созидательные роли.

Ключевые слова: Арктика, цели ООН, устойчивое развитие, Норникель, ESG, спиральная модель, «четверная модель»

Для цитирования: Комлева Е.А. Устойчивое развитие Арктики: роль бизнеса в модели «четверной спирали» на примере ПАО «ГМК «Норильский никель». Россия: общество, политика, история. 2022. №4(4). С. 62-81.

© Комлева Е.А.
© «Россия: общество, политика, история», 2022

TERRITORIAL DEVELOPMENT

Original article
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-62-81

Sociological sciences

Arctic Sustainable Development: Role of Business in the Quadruple Helix Model (Example of Norilsk Nickel)

Ekaterina A. Komleva

Sustainable Development Department, PJSC «MMC «Norilsk Nickel», Moscow, Russian Federation
catya.comleva@ya.ru

Abstract. The article discusses the role and significance of Norilsk Nickel as one of the actors of sustainable development in the Arctic region. The author considers Norilsk Nickel's projects and argues for the company's significant role in achieving UN goals (in particular, SDGs 6-8, 12-15, 17), strengthening the system of sustainable development and links between other actors. The author argues that some of the UN SDGs are achieved by the Company through the development of the ESG system, elimination of negative consequences of its activities, assumption of some responsibilities by other actors, active interaction with public and state actors, research and international structures. The methodological basis of the study was the Helix model, in particular "Quadruple helix», which is traditionally used to analyze the role of actors of innovative development. As a result of the analysis of Nornickel projects, the author proposes the development of the helix model by adding a fifth spiral and the role of «Destructor» (to the roles of «Observer» and «Creator»). In the transition to sustainable development there are cases of not only creative but also destructive roles of actors (arising spontaneously or consciously). With a responsible and conscious attitude toward sustainable development, a destructive actor's role can stimulate constructive roles.

Keywords: Arctic, UN goals, sustainable development, Nornickel, ESG, helix model, quadruple helix

For citation: Komleva, E.A. Arctic Sustainable Development: Role of Business in the Quadruple Helix Model (Example of Norilsk Nickel). Russia: Society, Politics, History. 2022. No. 4(4). pp. 62-81.

Введение

Арктика рассматривается как регион устойчивого развития и в стратегических документах Российской Федерации, и на международном уровне. Одновременно Арктика является зоной конкурентной борьбы за ресурсы, и значение этой борьбы в последнее время все возрастает. Поэтому устойчивое развитие арктического региона требует комплексных усилий не только со стороны государства и местных сообществ, но и со стороны бизнес-структур, которым следует нести социальную ответственность, сопоставимую с государством и арктическим сообществом. Добывающие предприятия играют особо важную роль в устойчивом развитии Арктики в связи с разработкой арктических месторождений и расширенным присутствием в регионе.

На сегодняшний день требования к социальной ответственности компаний инкорпорированы в ESG-повестку. В современном виде ESG-принципы (экология, социальная ответственность, корпоративное управление) впервые сформулировал бывший генеральный секретарь ООН Кофи Аннан. Данные принципы включаются в стратегии компаний с ответственным подходом к ведению бизнеса. ESG-показатели также являются инвестиционной метрикой, с помощью которых инвесторы оценивают, насколько компания вкладывается в устойчивое развитие.

Роль бизнеса в развитии регионов достаточно глубоко изучена рядом исследователей (13; 12; 4). Часто в качестве теоретической базы исследований авторы используют модели «тройной» или «четверной» спирали, которые фокусируются на отношениях между научными организациями, промышленностью, правительством (10) и обществом (6) соответственно. Так, ряд научных работ скандинавских авторов посвящены особенностям развития северных регионов и значимости бизнеса в обеспечении их благосостояния (16; 7; 14). Российские и зарубежные ученые также исследуют возможности инновационного развития в Арктике (8; 9; 15).

Однако перечисленные работы сосредоточены не столько на устойчивом, сколько на экономическом развитии регионов. Использование спиральной модели в экономическом контексте является более традиционным подходом. Спиральная модель лишь недавно начала применяться для исследования устойчивого развития. К примеру, Этцковиц Х. и Чжу Ч. (11), предлагают тройную спираль устойчивости «университет - общество - правительство» в качестве дополнения

 ISSN 2782-621X (Online)

к инновационной тройной спирали «университет - бизнес - правительство», тем самым внося недостающий элемент в изначальную модель. В данной работе речь идет об устойчивом развитии самой «тройной спирали» в регионе, по сути – непрерывном инновационном развитии региона. Тем не менее, упомянутая работа может считаться одной из первых, в которой предпринимается попытка соединения устойчивого и инновационного развития с применением спиральной модели. Караяннис и др. (6) развили данную мысль и предложили разработать концепцию устойчивого развития энергетического шельфа российской Арктической зоны в рамках модели «пятерной спирали». Авторы сосредоточились на отношениях между научными организациями, бизнесом, правительством, общественностью и природной средой, последующим совершенствовании Арктической стратегии РФ.

В данной работе предлагается применить «четверную спираль» для анализа устойчивого развития российской Арктики. Основное внимание уделено бизнесу и его взаимодействию с правительством, научными организациями и обществом для достижения Целей устойчивого развития ООН (далее – ЦУР)[1] в рассматриваемом регионе. Следовательно, цель данного исследования – выявить роль группы Компаний ПАО «ГМК «Норильский никель» (далее – «ГМК «Норникель», «Компания») в устойчивом развитии Арктики в рамках сотрудничества с государством, обществом и научными организациями. Новизна данного исследования заключается не только в применении «четверной спирали» для анализа устойчивого развития Арктики, но и в привлечении в качестве примера ответственного ведения бизнеса «Норникель», поскольку более распространённым является анализ национальных нефтегазовых компаний в качестве кейса.

Материалы и методы исследования

В качестве материалов для исследования использовались концептуальные, нормативно-правовые документы международного и национального уровней, документы и годовые отчеты «ГМК «Норильский никель», иная публичная информация, представленная на сайте компании. Кроме того, учитывался личный опыт работы автора в части ESG-комплаенса (соответствие международным и национальным требованиям в области экологического, социального и корпоративного управления). В исследовании применялись методы анализа документов, ивент-анализ, контент-анализ.

Теоретико-методологическую и концептуальную основу исследования

1 Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/

составила модель «четверной спирали» (Quadruple helix). «Четверная спираль» появилась после модели «тройной спирали», разработанной Этцковицем и Лейдесдорфом (10). По замыслу авторов, данная модель представляла три элемента, формирующие национальную инновационную систему: научные предприятия, государство и бизнес (промышленность). Поскольку национальная инновационная система является основой региональной инновационной системы, нет никаких препятствий для использования этой модели и для региона Арктики.

Модель «тройной спирали» показала свою несостоятельность в XXI в., так как не учитывала участие общественности в процессе принятия решений по ряду проблем. Караяннис и Кэмпбелл (5) предложили добавить четвертую спираль. Она включает в себя «общественность, основанную на средствах массовой информации и культуре». В более общем смысле четвертая спираль – это общественный дискурс, определяющий приоритеты развития. Следовательно, все организованные социальные сообщества, которые занимаются инновационной повесткой дня и выносят ее на общественную арену, можно считать четвертой спиралью. Модель, независимо от количества спиралей, представлена как система, что облегчает ее связь с концепцией устойчивого развития. Обе концепции устойчивого и инновационного развития имеют основу для системного анализа. В обеих системах приоритет отдается связи между элементами. В связи с этим, считаем возможным использование «четверной спирали» для анализа устойчивого развития региона.

Цели устойчивого развития ООН и цели развития Арктики

По мнению некоторых экспертов, в России отсутствуют государственные документы, которые бы обязывали к устойчивому развитию Арктики в соответствии с ЦУР ООН (3). Тем не менее, региональная повестка отражается в ежегодном обзоре «Цели устойчивого развития в Российской Федерации 2021»[2], а цели развития региона Арктики, обозначенные в стратегических документах, коррелируют с ЦУР. Речь идет об Указе Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года»[3], Указе Президента РФ от 2 6 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения

2 Официальный сайт Росстат. Статистический ежегодник «Цели устойчивого развития в Российской Федерации». 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/sdg/report/document/69771

3 Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года: указ Президента РФ от 05.03.2020 № 164. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003050019

 ISSN 2782-621X (Online)

национальной безопасности на период до 2035 года»[4]. Стратегия развития Арктической зоны России была создана в том числе и для достижения целей, перечисленных в Политике Российской Федерации в Арктике, а именно:

а) повышение качества жизни населения Арктической зоны Российской Федерации, в том числе лиц, относящихся к малочисленным народам (соответствует всем ЦУР);

б) ускорение экономического развития территорий Арктической зоны Российской Федерации и увеличение их вклада в экономический рост страны (соответствует ЦУР 8);

в) охрана окружающей среды в Арктике, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных народов (соответствует ЦУР 6, 12-15);

г) осуществление взаимовыгодного сотрудничества и мирное разрешение всех споров в Арктике на основе международного права (соответствует ЦУР 17);

д) защита национальных интересов Российской Федерации в Арктике, в том числе в экономической сфере (соответствует ЦУР 8).

На межгосударственном уровне вопросы устойчивого развития арктического региона координирует Арктический совет. Приоритетом российского председательства в Арктическом совете (в 2021-2023 гг.) является обеспечение ответственного управления в интересах устойчивого развития Арктики[5]. Арктический совет признал важность ЦУР ООН еще в 2017 г. и в том же г. Рабочая группа по устойчивому развитию Арктического совета (SDWG) заявила, что Повестка дня ООН-2030 перекликается с работой Совета. Особое внимание было уделено ЦУР 2, 6, 7.

Совет Баренцева/Евроарктического региона также заявляет своей главной целью устойчивое развитие области Баренцева моря. В Баренцевой программе на период 2019-2023 гг. представлены четыре приоритетных области:

- международная конкурентоспособность и развитие бизнеса (соответствует ЦУР 8, 17);
- климат и окружающая среда (соответствует ЦУР 7, 12-15);
- культурное сотрудничество, сотрудничество между людьми и молодежью (соответствует ЦУР 17);

4 О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645. Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972

5 Приоритеты Председательства Российской Федерации в Арктическом совете. Официальный сайт Арктического совета РФ. URL: https://arctic-council-russia.ru/priorities/

- инфраструктура, транспорт и связь (соответствует ЦУР 9, 12)[6].

На устойчивое развитие Арктики делается акцент и в Совместном коммюнике от 2021 г. о наращивании взаимодействия со стороны ЕС в целях обеспечения мира, устойчивого развития и процветания в Арктике[7]. Для развития территории, ЕС планирует предпринимать следующие меры:

- способствовать поддержанию мирного и конструктивного диалога и сотрудничества (соответствует ЦУР 17);
- решать экологические, социальные, экономические и политические проблемы (соответствует всем ЦУР);
- поддерживать инклюзивное и устойчивое развитие арктических регионов на благо его жителей и будущих поколений, уделяя особое внимание потребностям коренных народов, женщин и молодежи, а также инвестировать в рабочие места, ориентированные на будущее, и «голубую экономику» (соответствует ЦУР 4, 5, 7, 8, 10, 16).

Интерес к Артике имеют и неарктические государства. Например, крупнейший инвестор арктических проектов, Китай, с 2013 г. является наблюдателем Арктического совета. В 2018 г. Китай опубликовал собственную стратегию для Арктики, где упоминаются задачи, релевантные всем ЦУР. Так, КНР планирует развивать инновации в области технологий, водные транспортные маршруты, экономику региона, сохранять биоразнообразие и продвигать экологическую повестку, рационально использовать ресурсы, улучшать условия жизни местного населения. Китайские исследователи выступают за интернационализацию Арктики, уравнивая в правах собственно полярные страны и «другие государства, проводящие арктические экспедиции» (2). Растет роль такого игрока как Индия. В 2021 г. правительство страны опубликовало Индийскую Арктическую политику, где сказано, что Индия хотела бы внести свой вклад в обеспечение того, чтобы использование ресурсов региона осуществлялось устойчиво и в соответствии с передовой практикой, разработанной такими органами, как Арктический совет. Проект политики отражает эти цели[8].

Таким образом, существует ряд международных и национальных целей, которые направлены на устойчивое развитие Арктики и которые рассматриваются

6 The Barents Regional Council. Barents Program 2019 –2023 adopted on 24th May 2018. URL: https://www.barents-council.org/img/Barents_program_2019-2023_adopted_24_May_2018.pdf

7 EU Commission. Joint communication to the European parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions. 2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/2_en_act_part1_v7.pdf

8 Government of India. India's Arctic Policy. URL: https://www.mea.gov.in/in-focus-article.htm?34984/Indias+Arctic+Policy

 ISSN 2782-621X (Online)

через призму ЦУР, в фокусе – ЦУР 6-8. 10, 12-15. 17. Фокусные цели достигаются в том числе и с помощью проектов крупного бизнеса, ведущего свою деятельность в арктическом регионе, к каким относится и «ГМК «Норникель». Примечательно, что цели развития Арктики, определённые на национальном и международном уровне как приоритетные, не всегда совпадают с приоритетными целями оперирующих в данном регионе компаний. Так, только ЦУР 8, 12 и 13 являются приоритетными одновременно на трех уровнях (корпоративном «ГМК «Норникель», национальном и международном). Тем не менее Компания вносит большой вклад в достижение всех ЦУР ООН (с разной степенью их приоритетности для Компании). Некоторые способы достижения ЦУР будут представлены ниже.

Проекты и программы устойчивого развития арктических регионов присутствия компаний «Норильский никель»

На национальном уровне «ГМК «Норникель» является крупнейшим работодателем и налогоплательщиком, вносит ощутимый вклад в социально-экономическое развитие территорий присутствия. К регионам присутствия Компании относятся Красноярский край, Забайкальский край и Мурманская область. В данной статье рассмотрим пример проектов по развитию ЦУР 6-8. 10, 12-15. 17 в целом по Компании и, в частности, на полуострове Таймыр. Данная территория была выбрана для анализа поскольку:

- большинство активов Компании располагаются в данном регионе, 72% персонала Компании проживают на полуострове Таймыр[9];
- полуостров Таймыр имеет важное геополитическое значение: располагается за Полярным кругом, относительно близко к хребту Ломоносова. Дудинский морской порт является портом федерального значения на трассе Северного морского пути;
- Норильский дивизион – приоритетная производственная площадка Компании, поскольку включает в себя полный цикл производства металлов - от добычи руды до отгрузки готовой продукции потребителям.

Участие Норникеля в устойчивом развитии данных регионов обусловлено несколькими причинами (см. Рисунок 1).

9 Отчет об устойчивом развитии Группы компаний «Норникель» за 2021 год. URL: https://www.nornickel.ru/files/ru/investors/disclosure/NN_CSO2021_RUS_0706.pdf

Рисунок 1. Причины устойчивого развития ПАО «ГМК «Норильский никель» в регионах присутствия[10]
Figure 1. Reasons for MMC Norilsk Nickel's sustainable development in the regions where it operates

Согласно данным из Отчета об устойчивом развитии Компании за 2021 г. 63% бюджета ЦУР-проектов «ГМК «Норникель» и 20 реализуемых проектов приходится на достижение тех ЦУР, которые выше по тексу отмечены как приоритетные на национальном и международном уровнях (цели 6-8, 12-15, 17). Предполагаем, что на их примере взаимодействие четырех спиралей (общество, государство, бизнес, научные институты) представлено более явно[11]. Рассмотрим подробнее участие Компании в достижении этих целей.

ЦУР 6. С целью достижения ЦУР 6 в Компании реализуются проекты по совершенствованию водопользования и водоснабжению потребителей, по охране и эффективному использованию водных ресурсов. Так, реализуется Цифровой мониторинг качества сбрасываемых сточных вод в части комплаенса соответствующему национальному законодательству. Удельные сбросы сточных вод за 2021 г. сократились на 15%. В 2021 г. 105,4 млн руб. было выделено на создание и обновление очистных сооружений для повышения качества сбрасываемых вод. Удельный сброс загрязняющих веществ в сточных водах сократился на 18%.

10 Источник: Составлено автором.

11 Отчет об устойчивом развитии Группы компаний «Норникель» за 2021 год. URL: https://www.nornickel.ru/files/ru/investors/disclosure/NN_CSO2021_RUS_0706.pdf

 ISSN 2782-621X (Online)

С целью уменьшения доли использования чистой воды «ГМК «Норникель» расширяет систему замкнутого водооборота. Данная система гарантирует рациональное использование водных ресурсов. Усилиями Компании, удельный забор воды сократился на 24%. Доля повторно и многократно используемой воды от общего количества используемой воды в 2021 г. по предприятиям Компании составила 84,6%. Также, в Норильском промышленном районе проводится модернизация сетей водоснабжения: построены очистные сооружения для шахтных вод, хвосторанилищ, промышленных стоков, локальные и дополнительные сооружения.

ЦУР 7. За пять лет (2017-2022 гг.) предприятиям Компании удалось увеличить общую долю потребления электроэнергии из ВИЭ с 38 до 47%. В рамках программы «Технологический прорыв» в Заполярном филиале реализуется проект «Внедрение автоматизированной системы коммерческого учета энергоресурсов (АСКУЭ)» с учетом требований 261-ФЗ. АСКУЭ делает возможным ведение учета потребления электро- и тепловой энергии, природного газа, холодной и горячей воды, технологического кислорода и сжатого воздуха в режиме реального времени на более чем двадцати таймырских предприятиях Компании[12]. В 2021 г. Норникель также запустил модернизацию Усть-Хантайской ГЭС. По итогам реконструкции ГЭС, ее установленная мощность выросла с 441 МВт до 511 МВт. Коэффициент полезного действия нового устройства приближается к 95%. В 2022-2030 гг. Компания также рассчитывает организовать полноценную модернизацию Курейской ГЭС с плановым повышением установленной мощности. Обе ГЭС находятся в Красноярском крае.

ЦУР 8, 10. «ГМК «Норникель» привлекает молодые карды к практике и работе в Компании. В 2021 г. программа «Покорители Севера» была реализована в онлайн формате, 590 студентов приняли участие. Программа является инструментом для формирования кадрового резерва, включает в себя теоретические и практические задачи, а также тренинги по soft skills. По окончании программы около 200 участников были рекомендованы для продолжения работы и стажировки в Компании.

Принимая во внимание удаленность Норильского дивизиона от центральной части России и основных рынков труда, Компания готова финансово поддержать новых сотрудников не только достойной оплатой. Например, оплатить затраты на проезд, провоз багажа и проживание в течение первых 3 лет работы, предоставить единовременную выплату для адаптации работника на новом месте жительства.

12 «Норникель» точно посчитает потребляемые энергоресурсы. Официальный сайт Норникеля. 2018. URL: https://www.nornickel.ru/news-and-media/press-releases-and-news/nornikel-tochno-poschitaet-potreblyaemye-energoresursy/?ysclid=l5wr7pjr1h7594847

С теми же целями в дивизионе ежемесячно проводятся мероприятия «Точка опоры». Встреча носит интерактивный характер, в течение дня новоприбывшим коллегам предоставляется возможность узнать информацию о Компании, существующей системе компенсаций и льгот, корпоративных проектах. В 2021 г. мероприятия «Точка опоры» были проведены с участием порядка 600 человек.

Особое внимание уделяется развитию знаний и компетенций нанятых сотрудников. Корпоративные программы обучения доступным всем служащим, вне зависимости от функциональных блоков и категорий. Примерно 24 тыс. сотрудников регулярно пользуются образовательной платформой «Академия Норникель», где размещено более 150 курсов. Каталог включает в себя курсы по таким направлениям как профессиональное развитие, личное развитие, управление людьми и процессами.

Средняя заработная плата работников «ГМК «Норникель» существенно превышает (в 2,5 раза) средний показатель по России и составляет 145,1 тыс. руб. в месяц по итогам 2021 г. Уровень безработицы в регионах деятельности компании не превышает 2,5%. В Компании существует программа по поддержке социально незащищенных групп населения и лиц с ограниченными возможностями посредством устройства на работу. Квоты по приему работников с ограниченными возможностями составляют от 2% от среднесписочной численности работников.

ЦУР 12. В 2021 г. в дивизионах Компании было утилизировано порядка 23,7 млн. т. отходов, около 56% из них было повторно использовано по прямому назначению (рециклинг). В рамках работы с отходами Компания также запустила программу «Чистый Норильск». Задача программы — освободить территории от незадействованных объектов: около 500 заброшенных зданий и сооружений, более 1,3 млн т отходов производственной деятельности, более 2 млн. т. мусора, более 600 000 т металлолома. В 2021 г. в рамках инициативы «Большая уборка в Норильске» Компания уже очистила более 750 тыс. м2 территории Норильского промышленного района.

Особое внимание уделяется управлению хвостохранилищам, одна из целей - ликвидация 100% накопленных отходов к 2030 г. В 2020-2025 гг. в Заполярном филиале реализуется комплексная программа по защите природы, получившая условное название «Серная программа 2.0». В рамках программы реализуется запуск серных проектов по улавливанию выбросов на Надеждинском металлургическом и Медном заводах. Реализация «Серной программы» поможет Заполярному филиалу существенно сократить выбросы SO2 (на 95% за 2015-2030 г.).

ЦУР 13. В 2021 г. Норникель утвердил Дорожную карту по соответствию

 ISSN 2782-621X (Online)

Рекомендациям TCFD[13] на 2022 II кв. 2023 гг. Данная Дорожная карта включает в себя более 50 мероприятий, нацеленных на приведение деятельности, процессов, целей, показателей и отчетности Компании в соответствие с Рекомендациями TCFD.

В числе таких проектов:

- расчет и раскрытие углеродного следа продукции. В 2021 г. углеродный след производимого Компанией рафинированного никеля составил 8,1 т CO2-экв. на тонну, что значительно ниже среднеотраслевых значений. В 2021 г. Норникель выпустил первую партию — 5 тыс. тонн — никеля с нейтральным углеродным следом. Выпуск партии состоялся благодаря компенсирующим мерам по снижению выбросов парниковых газов (CO2) на всех этапах производства готовой продукции;
- расчет и раскрытие выбросов парниковых газов Охват 1, 2 и 3 (учитываются следующие парниковые газы: оксид углерода (CO2), закись азота (N2O), метан (CH4), выбросы иных парниковых газов отсутствуют или являются несущественными). В 2021 г. Норникель продолжил количественно оценивать косвенные выбросы парниковых газов (Охват 3 downstream) в части, связанной с реализацией продукции, которые включают в себя выбросы, связанные с транспортировкой от производственных активов Компании до покупателя и переработкой продукции в первом переделе.

ЦУР 14,15. Сотрудничество с заповедниками, поддержка научных исследований и просветительских проектов заповедников является одним из основных способов Компании способствовать сохранению и восстановлению биоразнообразия арктической природы. Так, «Объединенная дирекция заповедников Таймыра» запускает экологические проекты, победившие в конкурсе социальных проектов благотворительной программы «ГМК «Норникель» «Мир новых возможностей». Область проектов охватывает просвещение по экологической тематике, деятельность по охране природы и привлечению к ней местного населения, благоустройство и озеленение региона. В 2019 г. организация получила спонсорскую поддержку от Компании в сумме 4,5 млн руб. для реализации проекта «Друзья заповедников Таймыра: Чисто Аян». Цель проекта - возрождение экологической безопасности сердца плато Путорана[14].

Примером мероприятий по сохранению биоразнообразия является зарыбление водных объектов в регионах присутствия. С 2016 г. Норникель

13 Task Force on Climate Related Financial Disclosures

14 Годовой отчет ПАО «ГМК «Норильский никель» за 2019 год. URL: https://www.nornickel.ru/upload/iblock/494/godovoj_otchet_pao_gmk_norilskij_nikel_za_2019_god.pdf

выпустили более 1 млн 200 тыс. мальков сибирского осетра, данная рыба занесена в Красную книгу. Искусственное зарыбление имеет важнейшее значение для сохранения популяций рыб, поскольку антропогенные факторы продолжают оказывать влияние на речные экосистемы[15].

Безусловно, стоит подчеркнуть усилия Компании по минимизации негативных следов своей деятельности. В 2020 г. на ТЭЦ-3 принадлежащей АО «НТЭК» произошел инцидент, в результате которого на прилегающие территории и в ручей Безымянный вытекло 21,2 тыс. тонн дизельного топлива. Сумма средств, взысканных в качестве возмещения ущерба в 2021 г. составила более 146,2 млрд рублей. Мероприятия по ликвидации последствий аварии включали в себя экскавацию грунта до вечной мерзлоты, локализацию нефтепродуктов в дельте реки Амбарная, сбор нефтепродуктов с поверхности водных объектов, установку боновых заграждений, запуск Проекта рекультивации земель, обработка верхнего слоя почвы, создание плодородного слоя путем внесения торфа, высев семян многолетних трав на загрязненных земельных участках, восполнение водных биологических ресурсов и т.д.

Для разработки решений, направленных на преодоление экологических проблем, и рекомендаций по снижению влияния реализуемой деятельности на природу Арктики в 2020 г. совместно с учеными из СО РАН был проведен первый этап Большой норильской экспедиции (БНЭ). Проведено детальное изучение состояния всех водотоков, почв, биоразнообразия на данной территории. Особенно стоит подчеркнуть ихтиологическое направление исследований в рамках БНЭ 2021 г. Работа проводилась при участии представителей коренных малочисленных народов Севера, которые оказали содействие ученым СО РАН в ходе отбора проб по северным районам. В 2022 г. в рамках БНЭ планируется продолжить мероприятия, направленные на оценку восстановления окружающей среды, рисков потенциального повторного загрязнения, связанных с таянием снегов и весенним паводком, исследования ихтиофауны, биоразнообразия, мерзлоты. Более подробно ознакомиться с деталями инцидента можно в специализированном отчете — Белой Книге, подготовленной в 2021 г.

ЦУР 17. В 2021 г. Компанией были утверждены такие корпоративные политики как «Политика по взаимодействию с заинтересованными сторонами» и «Политика по работе с местными сообществами». Данные политики, помимо прочих, по сути устанавливают основные принципы коммуникации с тремя оставшимися спиралями «четверной» модели (то есть с научными

15 «Норникель» выпустил в Енисей 200 тысяч мальков осетра в рамках усилий по поддержанию биоразнообразия. Официальный сайт Норникеля. 2021. URL: https://www.nornickel.ru/news-and-media/press-releases-and-news/nornikel-vypustil-v-enisey-200-tysyach-malkov-osetra-v-ramkakh-usiliy-po-podderzhaniyu-bioraznoobraziya/type=news?ysclid=l5wks7mon292476843

 ISSN 2782-621X (Online)

предприятиями, государством и обществом) и являются обязательными для исполнения сотрудниками предприятий. С целью развития партнерства в рамках устойчивого развития и привлечения заинтересованных сторон в Норникеле также действует Служба корпоративного доверия (СКД). СКД представляет собой механизм работы с жалобами и обращениями. Любой человек, вне зависимости от того, является ли он сотрудником, может обратиться в Службу по вопросам, касающимся деятельности предприятий «ГМК «Норникель».

Компания впервые в России запустила процедуру получения свободного, предварительного и осознанного согласия (СПОС) для КМНС Севера. Норникель проводит данную процедуру, которая напрямую не включена в национальное законодательство Российской Федерации, в соответствии со стандартом ответственности резидентов Арктической зоны Российской Федерации, основываясь на Декларации ООН о правах коренных народов. В октябре 2021 г., после пяти месяцев переговоров, жители п.Тухард Красноярского края и Компания подписали соглашение о СПОС на программу переселения в районы с более благоприятными условиями и развития поселка (Официальный сайт Норникеля, 2021).

В 2021 г. подписано четырехстороннее Соглашение о взаимодействии и сотрудничестве в реализации комплексных мер социально-экономического развития муниципального образования город Норильск на период до 2024 г. и перспективу до 2035 г. Данное Соглашение, участниками которого являются Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики, Красноярский край, муниципальное образование город Норильск и «ГМК «Норникель», предусматривает реновацию жилищного фонда, строительство и реконструкцию социальных объектов, модернизацию и капитальный ремонт объектов коммунальной, транспортной и инженерной инфраструктуры, формирование комфортной и безопасной городской среды, а также переселение граждан, проживающих в Норильске и Дудинке, в районы с благоприятными климатическими условиями. Всего в 2021 г. на мероприятия в рамках программ и проектов Компанией выделено 1 236,7 млн руб. Соглашение является объективным примером взаимодействия акторов по линии бизнес-государство.

Выводы

Ориентируясь на достижение ЦУР ООН и принимая принципы ESG-комплаенса, «ГМК «Норникель» вносит значимый вклад в развитие арктического региона. Публично заявляя о приверженности устойчивому развитию, Компания оперирует на равных с государственными и международными органами,

имеющими схожие приоритеты и тематику. С точки зрения взаимодействия акторов внутри «четверной спирали» интересно то, что некоторые из целей достигаются в основном силами самой Компании, например ЦУР 6 и 7. Для остальных целей (ЦУР 8, 10, 12-15) необходимо содействие со стороны ещё одного или двух акторов. С другой стороны, реализация ЦУР 8, 10 Компанией может рассматриваться как поддержка бизнес-актором актора-государства. «ГМК «Норникель» также транслирует и имплементирует на практике те международные требования в области устойчивого развития, которые важны, но пока не являются обязательными к исполнению в России. Достижение цели 17 в принципе возможно только с привлечением всех заинтересованных акторов. Такой совместных подход к решению вопросов подтверждает системность концепции устойчивого развития и невозможность его достижения в одиночку, а значит – возможность и необходимость использования спиральной модели для будущих исследований.

Примечательно, что в отличие от развития инноваций, тема устойчивого развития активизируется не столько национальными, сколько международными институтами. Это особенно заметно на примере формата отчетности Норникеля, работы Компании по линии присоединения к международным инициативам и необходимости включения международных требований в корпоративную повестку (например, TCFD). Соответственно, потенциал доработки «четверной спирали» заключается в расширении количества основных акторов: либо в добавлении пятой «международной» спирали, либо в расширении и детализации понятия спирали «государство» и ее обогащения за счет международных институтов (межгосударственного взаимодействия).

Другой пробел «четверной модели» заключается в том, что она не рассматривает возможность тройной роли актора. Предполагается, что в случае развития инноваций, актор или создает что-то инновационное, или не создает ничего, то есть выступает в роли или Создателя, или Наблюдателя. У актора отсутствует роль, связанная с деструктивными последствиями его деятельности. На примере достижения ЦУР 14,15 Компанией видим, что бизнес может иметь роль Деструктора (инцидент на ТЭЦ-3), а затем сознательно выйти на роль Создателя (мероприятия по ликвидации инцидента и усилении повестки устойчивого развития).

Таким образом, считаем возможным применение «спиральной модели» в исследованиях не только инновационного и экономического развития территорий, но и их устойчивого развития. Наименее изученным в этом контексте является исследование ролей и функций бизнеса. Исходя из полученных результатов,

 ISSN 2782-621X (Online)

бизнес, схожий по своей специфике с «ГМК «Норникель», может играть роль Создателя, Деструктора, а также соединять других акторов в рамках своей деятельности, заниматься позитивной пропагандой как национальных, так и международных требований в области устойчивого развития, тем самым укрепляя систему. Если основная характеристика инновационной спиральной модели – это участие акторов в создании чего-то нового, то ключевой характеристикой эффективной спиральной модели устойчивого развития становится сохранение лучшего и создание нового для улучшения. В качестве идей для дальнейших исследований предлагается дальнейшее осмысление роли акторов и взаимодействия между ними в рамках «пятерной» спиральной модели, которая учитывает международные акторы и возможность появления деструктивных ролей участников процесса устойчивого развития. В дополнение, хотелось бы выделить линию взаимодействия частного бизнеса и международных структур в достижении целей устойчивого развития в условиях санкций. В перспективе целесообразно изучить инструменты обратной связи международным организациям, НПО и инициативами от бизнеса. На сегодняшний день преобладает практика односторонней коммуникации, а именно – транслирование интернациональных требований национальным компаниям и ТНК. В отдельных случаях такие требования не учитывают особенности национального и локального менталитета, законодательства, связей между местными акторам, что приводит к их затруднительному выполнению или невыполнению совсем. Такая ситуация не только тормозит процесс перехода к устойчивому развитию, но и ставит под сомнение саму концепцию и возможность достижения ЦУР.

Список источников

1. Битиева З.Р. (2020), Национальные интересы Российской Федерации в Арктике [National interests of Russian Federation in the Arctic]. Современный миропорядок и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации. М.: ВАГШ ВС РФ. С. 44-50.
2. Карлусов В. (2012), Арктический вектор глобализации Китая [Arctic vector of China's globalization]. Российский совет по международным делам. URL : https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arkticheskiy-vektor-globalizatsii-kitaya/?ysclid=l5tj7segcs547580391
3. Конышев В.Н., Сергунин А.А. (2011), Международные организации и сотрудничество в Арктике [International Organizations and Arctic Cooperation]. Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 6. №. 3. С. 27-36.

4. Åkerman, N. (2021), What is a business model and what's in it for regional development?
5. Carayannis, E.G., Campbell, D.F.J. (2009), 'Mode 3'and'Quadruple Helix': toward a 21st century fractal innovation ecosystem //International journal of technology management. Vol. 46. – No.. 3-4. pp. 201-234.
6. Carayannis, E.G., Cherepovitsyn, A.E., Ilinova, A.A. (2017), Sustainable development of the Russian arctic zone energy shelf: the role of the quintuple innovation helix model //Journal of the Knowledge Economy. Vol. 8. No. 2. pp. 456-470.
7. Coates, K., Holroyd, C. (2021), The cool economy: Technological innovation and the prospects for a sustainable Arctic economy. Renewable Economies in the Arctic. Routledge. pp. 46-61.
8. Detter, G., Tukkel, I., Serebryakova, R. (2021), The evolution of economic models of the Arctic regions-from a resource model to an innovative socially oriented one. IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. IOP Publishing. Vol. 678. No. 1. – p. 012028.
9. Egorov, N. et al. (2019), The assessment of innovation development in the arctic regions of Russia based on the triple helix model. Resources. Vol. 8. No. 2. – p. 72.
10. Etzkowitz, H., Leydesdorff, L. (1995), The Triple Helix--University-industry-government relations: A laboratory for knowledge based economic development. EASST review. Vol. 14. No. 1. pp. 14-19.
11. Etzkowitz, H., Zhou, C. (2006), Triple Helix twins: innovation and sustainability. Science and public policy. Vol. 33. No. 1. pp. 77-83.
12. Fritsch, M. et al. (2013), New business formation and regional development: a survey and assessment of the evidence. Foundations and Trends® in Entrepreneurship. Vol. 9. No. 3. pp. 249-364.
13. Fritsch, M., Mueller, P. (2004), Effects of new business formation on regional development over time. Regional Studies. Vol. 38. No. 8. pp. 961-975.
14. Hintsala, H., Niemelä, S., Tervonen, P. (2017), Arctic innovation hubs: opportunities for regional co-operation and collaboration in Oulu, Luleå, and Tromsø.
15. Olsen, M.M. (2021), An academic lead in developing sustainable Arctic communities: Co-creation, quintuple helix, and open social innovation. Renewable Economies in the Arctic. Routledge. pp. 123-148.
16. Solesvik, M.Z. (2017), The Triple Helix model for regional development and innovation: Context of Nordic countries. Forum Scientiae Oeconomia. Vol. 5. No. 4. pp. 5-21.

 ISSN 2782-621X (Online)

Referneces

1. Bitieva, Z.R. (2020), National interests of Russian Federation in the Arctic. Sovremenniy miroporyadok i ego vliyaniye na natsionalnuyu besopasnost' Rossiyskoy Federatsii. Moscow : VAGSh VS RF. pp. 44-50. (In Russian)
2. Karlusov, V. (2012), Arctic vector of China's globalization. Russian International Affairs Council. URL : https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arkticheskiy-vektor-globalizatsii-kitaya/?ysclid=l5tj7segcs547580391 (In Russian)
3. Konyshev, V.N., Sergunin, A.A. (2011), International Organizations and Arctic Cooperation. International Organizations Research Journal. Vol. 6. No. 3. pp. 27-36. (In Russian)
4. Åkerman, N. (2021), What is a business model and what's in it for regional development?
5. Carayannis, E.G., Campbell, D.F.J. (2009), 'Mode 3'and'Quadruple Helix': toward a 21st century fractal innovation ecosystem //International journal of technology management. Vol. 46. – No.. 3-4. pp. 201-234.
6. Carayannis, E.G., Cherepovitsyn, A.E., Ilinova, A.A. (2017), Sustainable development of the Russian arctic zone energy shelf: the role of the quintuple innovation helix model //Journal of the Knowledge Economy. Vol. 8. No. 2. pp. 456-470.
7. Coates, K., Holroyd, C. (2021), The cool economy: Technological innovation and the prospects for a sustainable Arctic economy. Renewable Economies in the Arctic. Routledge. pp. 46-61.
8. Detter, G., Tukkel, I., Serebryakova, R. (2021), The evolution of economic models of the Arctic regions-from a resource model to an innovative socially oriented one. IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. IOP Publishing. Vol. 678. No. 1. – p. 012028.
9. Egorov, N. et al. (2019), The assessment of innovation development in the arctic regions of Russia based on the triple helix model. Resources. Vol. 8. No. 2. – p. 72.
10. Etzkowitz, H., Leydesdorff, L. (1995), The Triple Helix--University-industry-government relations: A laboratory for knowledge based economic development. EASST review. Vol. 14. No. 1. pp. 14-19.
11. Etzkowitz, H., Zhou, C. (2006), Triple Helix twins: innovation and sustainability. Science and public policy. Vol. 33. No. 1. pp. 77-83.

12. Fritsch, M. et al. (2013), New business formation and regional development: a survey and assessment of the evidence. Foundations and Trends® in Entrepreneurship. Vol. 9. No. 3. pp. 249-364.
13. Fritsch, M., Mueller, P. (2004), Effects of new business formation on regional development over time. Regional Studies. Vol. 38. No. 8. pp. 961-975.
14. Hintsala, H., Niemelä, S., Tervonen, P. (2017), Arctic innovation hubs: opportunities for regional co-operation and collaboration in Oulu, Luleå, and Tromsø.
15. Olsen, M.M. (2021), An academic lead in developing sustainable Arctic communities: Co-creation, quintuple helix, and open social innovation. Renewable Economies in the Arctic. Routledge. pp. 123-148.
16. Solesvik, M.Z. (2017), The Triple Helix model for regional development and innovation: Context of Nordic countries. Forum Scientiae Oeconomia. Vol. 5. No. 4. pp. 5-21.

Информация об авторе

КОМЛЕВА Екатерина Алексеевна, главный менеджер Управления ESG-комплаенса Департамента устойчивого развития ПАО «ГМК «Норильский никель», магистр менеджмента в сфере науки, технологий, инноваций (Россия), магистр европейских исследований в сфере общества, науки и технологий (Нидерланды), Москва, Российская Федерация. E-mail: catya.comleva@ya.ru.

About the author

Ekaterina A. KOMLEVA, Lead manager of ESG Compliance, Sustainable Development Department, PJSC «MMC “Norilsk Nickel», Master of Management in Science, Technology, Innovation (Russia), Master of European Studies of Society, Science and Technology (Netherlands), Moscow, Russian Federation. E-mail: catya.comleva@ya.ru

Источник: Экспертный центр «Проектный офис развития Арктики»
URL: https://goarctic.ru/

Секторальный принцип деления Арктики

В 1909 г. **Канада** стала первой страной, заявившей свои претензии на территории между Северным полюсом и своим северным побережьем. В мае 1925 г. Канада приняла специальный закон, закрепивший ее право на арктический сектор. На следующий год **Советский Союз** объявил своей всю территорию от Северного полюса до материковой части СССР. **Дания, Норвегия** и **США** не принимали специальных актов по арктическим районам, прилегающим к их территории, однако законодательство этих стран о континентальном шельфе, экономических и рыболовных зонах распространяется в том числе и на арктические районы. Таким образом, к середине 1920-х гг. Арктика была фактически поделена на пять секторов ответственности между США, Россией, Норвегией, Канадой и Данией.

По материалам ИА «ТАСС»
URL: https://tass.ru/info/895685

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Научная статья
УДК 327.7
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-84-101

Политические науки

Арктическая повестка Европейского союза: проблемы и перспективы

Наталья Валерьевна Еремина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
nerem78@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1349-8659

Аннотация. Европейский союз (ЕС) «осознал» свои арктические интересы, в основном, благодаря вступлению в него Дании, а затем Финляндии и Швеции, что заставило Брюссель приступить к выработке специальных программ для развития северных и приарктических территорий. С течением времени Арктика становилась все более важным объектом внимания ученых, экологов, энергетиков, военных, в том числе из стран ЕС. Ее постепенно открывали как военно-стратегический регион, влияющий на глобальный климат, формирующий новые логистические морские маршруты, и как кладовую ресурсов. С учетом постоянно растущего интереса к Арктике так называемых неарктических игроков, прежде всего, Китая, свою позицию в регионе стремится обозначить и ЕС. Его возможности сотрудничества с другими акторами, включая Арктический совет, ограничены многими факторами и обстоятельствами. Тем не менее, Брюссель четко следует повестке увеличения своего присутствия в Арктике. Однако с учетом нынешнего фактического игнорирования странами Арктического совета крупнейшего арктического государства в лице России, пока еще осторожное отношение к ЕС со стороны других членов Совета может быть изменено. Цель статьи - определить наиболее значимые факторы, определяющие возможности упрочения позиций ЕС в Арктике, а также обстоятельства, препятствующие данной стратегии. Для достижения поставленной цели были: проанализированы основные аспекты арктической стратегии ЕС; выявлены возможности взаимодействия ЕС с арктическими институтами; обозначено влияние фактора России на арктические перспективы ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз, Россия, Арктика, Арктический совет, Северное измерение, Интеррег, «зеленый курс»

Для цитирования: Еремина Н.В. Арктическая повестка Европейского союза: проблемы и перспективы. Россия: общество, политика, история. 2022. №4(4). С. 84-101.

© Еремина Н.В.
© «Россия: общество, политика, история», 2022

INTERNATONAL RELATIONS

Original article
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-84-101

Political sciences

Arctic Agenda of the European Union: Problems and Prospects

Natalia V. Eremina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
nerem78@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1349-8659

Abstract. The European Union (EU) "realized" its Arctic interests mainly due to the entry of Denmark, and then Finland and Sweden, which forced Brussels to start developing special programs for the development of the northern and subarctic territories. Over time, the Arctic has become an increasingly important object of attention for scientists, ecologists, power engineers, the military, including those from the EU countries. It was gradually opened up as a military-strategic region, influencing the global climate, forming new logistical sea routes, and as a storehouse of resources. Given the ever-growing interest in the Arctic of the so-called non-Arctic players, primarily China, the EU is also striving to define its position in the region. Its ability to cooperate with other actors, including the Arctic Council, is limited by many factors and circumstances. Nevertheless, Brussels is clearly following the agenda of increasing its presence in the Arctic. However, given the current de facto ignorance by the Arctic Council countries of the largest Arctic state represented by Russia, the still cautious attitude towards the EU on the part of other Council members may be changed. The purpose of the article is to identify the most significant factors that determine the possibility of strengthening the EU's position in the Arctic, as well as the circumstances that impede this strategy. To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks: to analyze the main aspects of the EU Arctic strategy; identify opportunities for EU interaction with Arctic institutions; indicate the influence of the Russian factor on the Arctic prospects of the EU.

Keywords: European Union, Russia, Arctic, Arctic Council, Northern Dimension, Interreg, Green Deal

For citation: Eremina, N.V. Arctic Agenda of the European Union: Problems and Prospects. Russia: Society, Politics, History. 2022. No. 4(4). pp. 84-101.

Введение

ЕС действует в Арктике довольно осторожно, преимущественно благодаря идеологии устойчивого развития и инноваций (1, с. 30-39). Понятие «Арктический регион», представленное в разных документах ЕС, например, начиная с Коммюнике Еврокомиссии 2008 г., относится к территориям вокруг Северного полюса. Это территории Северного Ледовитого океана и восьми стран – Канады, Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии, России, Швеции и США[1,2,3]. Важно отметить, что ЕС говорит о своем арктическом статусе исключительно благодаря члену ЕС Дании, хотя арктическая территория самой Дании – Гренландия - не входит в состав ЕС по итогам референдума 1982 г. Также ЕС доказывает свою причастность Арктике благодаря Финляндии и Швеции, которые входят в состав Арктического совета. В это же время другие европейские члены Арктического совета, с которыми ЕС активно сотрудничает в регионе, - Исландия и Норвегия - не входят в Союз.

ЕС предлагает собственные проекты и программы для взаимодействия с партнерами в Арктике, которые ведут несколько его институтов: Служба внешних действий, генеральные директораты Комиссии ЕС, комитет Европарламента, занимающийся вопросами Арктики, (он участвует в работе Международного постоянного комитета парламентариев Арктического региона) (3, с. 435–440).

Перечислим наиболее важные программы ЕС в Арктике. Во-первых, это программа «Северное измерение», призванная решать проблемы окружающей среды, транспорта, экономического развития стран Северной Европы. Ее участниками являются не только члены ЕС, но и «внешние страны», например, Россия[4]. Во-вторых, следует упомянуть программу «Интегрированной политики морского развития». Одна из ее задач заключается в разработке четких интересов ЕС в Арктике[5]. В-третьих, некоторым подспорьем в арктическом продвижении ЕС стала программа «Интеррег». Она давала возможность формировать совместные цели для нескольких арктических (северных) регионов. Благодаря ей были осуществлены, например, проект «ИнтеррегНорд», направленный на комплексное раз-

1 EU Arctic policy 2021. pp. 6-15. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/20956/arctic-short-introduction_en

2 European Parliament resolution of 12 March 2014 on the EU strategy for the Arctic 2013/2595(RSP). URL: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P7-TA-2014-0236&language=EN

3 European Parliament resolution of 16 March 2017 on an integrated European Union policy for the Arctic 2016/2228. pp. 156-169. URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0093_EN.html?redirect

4 1st panel session: High-Level Arctic event «A sustainable Arctic – innovative approaches». 2017. pp. 11-21. URL: https://eeas.europa.eu/arctic-policy/eu-arctic-policy/28309/1st-panel-session-high-level-arctic-event-sustainable-arctic-%E2%80%93-innovative-approaches_en

5 EU Arctic policy 2021. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/20956/arctic-short-introduction_en

 ISSN 2782-621X (Online)

витие северных территорий, проект «Ботнический залив - Атлантика», нацеленный на взаимодействие Швеции, Финляндии и Норвегии в развитии Северного морского пути, защите окружающей среды, культурного наследия Арктики; проект «Северная периферия и Арктика», действовавший в период с 2014 по 2020 гг., и ставивший целью создание устойчивого роста северных и арктических регионов. Все действующие программы в Арктике и на Севере в целом координирует посол ЕС по особым поручениям в отношении Арктической тематики (6, с. 435–440).

Если говорить о финансировании проектов ЕС, связанных с Арктикой, мы не сможем назвать точную цифру, так как не все из них полностью направлены исключительно на арктический регион. Например, проекты «Северного измерения» касаются не только арктических территорий, но в целом Европейского севера. Хотя именно в рамках «Северного измерения» реализуется основная масса программ, нацеленных на Арктику. Эту же направленность носят некоторые исследовательские программы ЕС, а также проекты, связанные с жизнью коренных народов Арктики.

В завершенный бюджетный семилетний цикл с 2014 по 2020 гг. именно на исследовательскую работу в регионе было выделено свыше 1 млрд. евро из структурных и инвестиционных фондов ЕС. В основном данные средства реализовывались в рамках «Северного измерения». Интересно, что за программный период 2014-2020 гг. ЕС выделил 15,4 млрд. евро на разные проекты «Северного измерения» в целом, не только научного характера[6]. В течение 2007-2013 гг. ЕС также финансировал проекты, связанные с поддержкой коренного населения Арктики. Например, он выделил более 1 млрд. евро на эту задачу в указанный период, а с учетом софинансирования от государств, участвовавших в проекте (государства-участники «Северного измерения») сумма выросла до 2 млрд. евро. Однако после 2020 г. финансовые возможности, связанные с Арктикой, были пересмотрены. В настоящее время приоритетными для финансирования названы программы «тесного соседства» в Восточной Европе и Северной Африке. Сейчас пока не обозначен точный объем финансирования арктических проектов на новый бюджетный период с 2021-2027 гг.[7]

ЕС создает и конкретные институты, площадки для арктического диалога. Генеральный директорат Комиссии ЕС по региональной и городской политике начал деятельность по инвестированию в арктическом европейском регионе. Этот же Директорат организует диалог между ЕС и коренными народами Арктики. Первый «Арктический диалог коренных народов» состоялся в Брюсселе 17 сентября 2018

6 Northern periphery and Arctic programme 2014-2020. URL: http://www.interreg-npa.eu/?id=11

7 Stefan Brocza & Andreas Brocza. Less EU in the Arctic Region after 2020. Briefing Notes 2018. URL: https://arcticyearbook.com/arctic-yearbook/2018/2018-briefing-notes/298-less-eu-in-the-arctic-region-after-2020

г.[8] На этом заседании обсуждались региональная стабильность, сотрудничество, а также изменение климата, права коренных народов в Европейском союзе и видение устойчивого развития региона с точки зрения коренных народов[9]. Одновременно был учрежден Форум заинтересованных в исследовании Арктики сторон для совместного определения приоритетов и развития взаимодействия между ними, а также повышения координации и согласованности между разными программами финансирования ЕС. В таких мероприятиях традиционно участвуют Дания с Фарерскими островами и Гренландией, Финляндия, Швеция, Исландия и Норвегия; регионы Северной и Восточной Финляндии, Северной и Средней Норландии в Швеции и Северной Норвегии, которые являются членами группы Северных малонаселенных районов; а также Совет саамов. В дополнение к этим мероприятиям ЕС проводит общие встречи по вопросам Арктики, куда также приглашаются представители Арктического диалога и Форума[10]. А еще ЕС стал инициатором создания Полярной сети, объединяющей 22 европейских исследовательских института[11]. При этом ЕС также заявил о сотрудничестве со странами, не относящимися к региону, но проявляющими растущий интерес к Арктике, – с Китаем, Индией, Японией.

Накопленный опыт позволил ЕС сформулировать свои цели в Арктическом регионе. Хотя это происходило довольно медленно. Впервые четко о своем интересе к Арктике в ЕС заявили в 2008 г. Тогда рабочая группа под руководством Яноса Германа в составе Комиссии опубликовала первое коммюнике о возможных стратегиях интеграционной группы в Арктике, предложив ряд инициатив в этом направлении[12]. В Коммюнике доказывается, что ЕС связан с Арктикой через государства-члены (Дания, Финляндия и Швеция), которые «имеют арктические территории и приоритетны в развитии Северного измерения ЕС». Другие государства - Исландия и Норвегия – являются членами Европейской экономической зоны. А Канада, Россия и США были названы в Коммюнике стратегическими партнерами ЕС. Согласно документу, для ЕС Арктика выступает предметом интереса и озабоченности, с точки зрения экологии, изменения климата, транспорта, рыбо-

8 International Cooperation on Arctic Matters. 2017. URL: https://eeas.europa.eu/arctic-policy/eu-arctic-policy/20954/international-cooperation-arctic-matters_en

9 1st Arctic Stakeholder Conference and Annual Arctic Indigenous Peoples Dialogue – Brussels, 17 September 2018. URL: https://eeas.europa.eu/arctic-policy/eu-arctic-policy/54334/1st-arctic-stakeholder-conference-and-annual-arctic-indigenous-peoples-dialogue-%E2%80%93-brussels-17_en

10 International Cooperation on Arctic Matters. 2017. URL: https://eeas.europa.eu/arctic-policy/eu-arctic-policy/20954/international-cooperation-arctic-matters_en

11 EUPolarNet. URL: https://www.eu-polarnet.eu/

12 Communication from the Commission to the European Parliament and the Council of the European Union and the Arctic region Brussels, 20.11.2008 COM(2008) 763 final. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/arctic_region/docs/com_08_763_en.pdf

 ISSN 2782-621X (Online)

ловства, энергетики.

Только в 2016 г. появился стратегический документ - новая интегрированная программа политики для региона «Комплексная политика Европейского союза в Арктике», где Арктика представлена и пограничной зоной (фронтиром), и воротами в сам ЕС. В этом документе Брюссель подчёркивает, что Арктика его интересует, прежде всего, из-за экологических вопросов, да и сама стратегия была разработана совместно с Комиссией по экологии[13].

Сразу после появления «Комплексной политики Европейского союза в Арктике» началась работа по уточнению всех формулировок и направлений деятельности ЕС в регионе. В работе принимали участие все институты ЕС. В ходе этих мероприятий ЕС подтвердил, что для него основными приоритетами в арктической стратегии являются транспортная система, научные исследования (экология), культура, поддержка коренных народов. ЕС планирует, прежде всего, развивать сотрудничество со странами-членами ЕС, а также с США, полагая такой подход наиболее оправданным и эффективным. С учетом того, что разные программы ЕС, в том числе на арктическом направлении, реализуются в рамках семилетних финансовых планов, институты ЕС периодически проводят корректировки курса, целей и задач. Так, 20 июля 2020 г. Комиссия ЕС и Служба внешних действий (the European External Action Service) начали общественные консультации по арктической политике с целью получения идей и конкретных предложений по вопросу развития арктической стратегии ЕС на период после 2021 г. от заинтересованных частных и государственных представителей, международных, правительственных и неправительственных организаций, региональных и местных органов власти, исследовательских и академических учреждений, а также граждан. Слушания были направлены на то, чтобы собрать информацию о том, как ЕС может внести свой вклад в решение проблем в Арктике с учетом «Европейской зеленой сделки». Консультации завершились 10 ноября 2020 г. Были получены отклики от 140 институтов. Респондентами стали международные организации, правительства, региональные и центральные органы власти, представители бизнеса, ассоциации, НПО, коренные и местные общины, ученые и граждане. Благодаря этому были получены ответы на вопросы о сильных и слабых сторонах существующей арктической политики ЕС, как ее усилить, как обновить приоритеты ЕС. Однако нетрудно заметить, что климат и устойчивое развитие остаются центральными элементами арктической повестки ЕС и на период после 2021 г. Так, Высокий представитель и вице-президент Комиссии Ж. Боррель заявил, что «Арктика ста-

13 Joint communication to European Parliament and the Council. An integrated European Union policy for the Arctic Brussels, 27.4.2016 JOIN(2016) 21 final. URL: https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/10101/2016/EN/10101-2016-21-EN-F1-1.PDF

новится фронтиром в международных отношениях. ЕС должен подготовиться к изменению региона и новой динамики с учетом интересов и ценностей ЕС»[14].

После тщательной обработки полученных данных 26 января 2021 г. было опубликовано краткое изложение общественных консультаций по дальнейшему развитию арктической политики Европейского Союза.

Во-первых, общественные консультации подтвердили актуальность текущих арктических приоритетов, а также обозначили стремление ЕС играть важную роль в обеспечении безопасности, стабильности, устойчивости и процветания Арктики, в том числе посредством расширения международного сотрудничества. Во-вторых, стало ясно, что ЕС должен продвигать экологическую повестку, укреплять связь между своей климатической политикой, Европейским зеленым курсом и обновленной арктической политикой ЕС для достижения устойчивого развития Арктики; поддерживать науку и исследования как основу своего присутствия в Арктике. На основании полученных рекомендаций и идей в конце 2021 г. была сформулирована обновлённая комплексная политика ЕС в Арктике.

Согласно этому документу, главные задачи ЕС в Арктике – сохранить ее как территорию диалога, замедлить эффекты климатических изменений и поддерживать реализацию принципов устойчивого развития. В Брюсселе полагают, что укрепление позиций ЕС в регионе позволит ему полноценно реализовать «Зеленый курс» и свои геополитические интересы. Одновременно с этим ЕС в данном документе признал собственное влияние на арктический регион, и чтобы скоординировать свои действия, он готов взаимодействовать со всеми уровнями власти, с общественными организациями и общинами Арктики. Брюссель выступил категорически против «неустойчивой эксплуатации природных ресурсов региона», поддержал идею Арктического совета о сокращении углеродных выбросов, достигающих Арктики, на 33% по сравнению с уровнем 2013 г. к 2025 г. Также ЕС брал обязательства поощрять арктические сообщества использовать возобновляемые источники энергии, объединяя свои усилия в этой проблеме с такими государствами как Канада и США, в соответствии с планом ЕС о нулевых выбросах[15].

Таким образом, текущая политика Союза сосредоточена вокруг трех приоритетов: изменение климата и защита окружающей среды Арктики; устойчивое развитие в Арктике и вокруг нее; и международное сотрудничество по арктическим вопросам, прежде всего, научное.

14 Commission Press-corner 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_1318

15 Joint Communication on a stronger EU engagement for a peaceful, sustainable and prosperous Arctic. 2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/joint-communication-stronger-eu-engagement-peaceful-sustainable-and-prosperous-arctic_en

 ISSN 2782-621X (Online)

Результаты исследования

Взаимодействие ЕС с арктическими институтами

У ЕС нет возможностей прямо влиять на арктическую повестку. Не совсем понятна и возможная роль ЕС в освоении Арктики самим членам Арктического совета (АС), тем более что дополнительный интерес к Арктике новых и не арктических или не совсем арктических игроков, вызывает скорее опасения у членов АС, чем безусловное принятие. Особенно в случае с ЕС, который длительное время не мог сформулировать принципы своей арктической стратегии. По этой причине ЕС по-прежнему не стал постоянным наблюдателем Арктического совета и не имеет правовых инструментов для реализации всех своих проектов: ЕС остается ad hoc наблюдателем. Поэтому вопрос участия Союза в арктической повестке он решает через трех членов ЕС, участников Арктического совета (Дания, Финляндия и Швеция), а также других стран, которые выступают в роли постоянных наблюдателей при нем, но при этом являются членами самого ЕС (Франция, Германия, Нидерланды, Италия, Испания, Польша). Кроме того, ЕС опосредованно участвует в арктической повестке, подписав Конвенцию ООН по морскому праву и Рамочную конвенцию ООН об изменении климата, обладая статусом наблюдателя в деятельности Международной морской организации при ООН, и некоторых других институтах[16].

Для постоянных членов АС возможности неарктических наблюдателей являются сложной проблемой, так как они, не будучи арктическими государствами, не способны выработать действительно приемлемую для Арктики картину будущего, а их арктическая активизация вообще может нанести ущерб самим арктическим странам. При этом статус наблюдателя при АС дает возможность для взаимодействия не только с членами АС, но и с другими неарктическими наблюдателями. Наблюдатели могут делать заявления, формировать свои предложения, проводить встречи. И в действительности именно наблюдатели АС очень серьезно стремятся к расширению своих возможностей и даже к пересмотру идеи о том, что Северный Ледовитый океан – это, прежде всего, забота арктических стран (9, с. 121-131). А эти и другие политические заявления неизбежно рассматриваются как вмешательство в дела арктических государств и их коренного населения, что вызывает настороженную реакцию членов АС. Именно по этой причине ЕС не заявляет о масштабных проектах, работая исключительно совместно со странами-партнёрами в шести постоянных группах по вопросам загрязнения

16 Integrated Arctic Policy 2016. URL: http://www.europarl.europa.eu/legislative-train/theme-europe-as-a-stronger-global-actor/file-integrated-arctic-policy

окружающей среды, экологическому мониторингу, сохранению флоры и фауны, защите морской среды, предотвращению чрезвычайных ситуаций, устойчивому развитию. Также представители ЕС работают в целевых группах Арктического совета (по арктическому морскому сотрудничеству, телекоммуникационной инфраструктуре и научному сотрудничеству)[17]. Европейская комиссия также присутствует в рабочих группах Баренцева/Евроарктического совета в комитетах по экономическому сотрудничеству, по окружающей среде, транспорту, лесному хозяйству, туризму, образованию, по поддержке коренных народов; взаимодействует с министрами иностранных дел стран-членов и участвует в заседаниях регионального совета, прежде всего, в группах по логистике, окружающей среде, инвестициям. Таким образом, ЕС стремится наладить многостороннее, региональное и субрегиональное сотрудничество со многими и разными участниками арктического диалога, взаимодействуя не только с государствами, но и с обществами Арктики благодаря программам по климату, устойчивому развитию, исследованиям и т.п.[18].

Вопрос получения ЕС статуса полноценного наблюдателя в АС остается основным, с точки зрения полновесной интеграции Союза в арктические дела. Потенциал обретения такого статуса зависит от четкого понимания членами АС интересов и возможностей ЕС, а также от общей международной повестки, в которой Арктика приобретает все более весомое значение.

Так, британский исследователь К. Доддс (4, с. 193-203) полагает, что именно Арктика является регионом с наиболее быстрыми изменениями, напрямую влияющими на все страны Европы, не говоря о северных народах, которые могут вообще исчезнуть. По этой причине роль АС росла постоянно и неизбежно, что никогда не исключало даже реформирование организации. Тем не менее, именно различные интерпретации вызовов и разные позиции стран-участниц АС могут не позволить выработать общее видение будущего Арктики. А это будет означать не только то, что ЕС не изменит свой статус, но и то, что неарктические игроки не смогут наращивать взаимодействие с арктическими акторами.

Вместе с тем ЕС воспринимается участницами АС как важный партнёр в сфере экологии, в программах по сохранению экосистем, в предупреждении экологических катастроф, в поисково-спасательных работах, ликвидации разливов нефти, в продвижении научного взаимодействия. Для ЕС это сотрудничество

17 Joint communication to the European Parliament and the Council. An integrated European Union policy for the Arctic Brussels, 27.4.2016 JOIN(2016) 21 final. URL: https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/10101/2016/EN/10101-2016-21-EN-F1-1.PDF

18 International Cooperation on Arctic Matters. 2017. URL: https://eeas.europa.eu/arctic-policy/eu-arctic-policy/20954/international-cooperation-arctic-matters_en

 ISSN 2782-621X (Online)

важно не только по данным направлениям. Брюссель связывает решение вопросов защиты окружающей среды с рыболовством. ЕС тесно связан с арктическим регионом, как показал запрет на продукцию из тюленей на рынках ЕС еще в 2009 г. Но вопрос заключается в том, сможет ли статус полноценного наблюдателя для ЕС стать позитивным шагом в развитии арктической политики в целом. Например, Т. Койвурова полагает, что Арктика – это относительное понятие, которое не имеет четких территориальных границ и привязок, и как регион она находится в процессе становления и трансформации (7, с. 193-203). Да и сам ЕС постоянно подчёркивает свою высокую заинтересованность в сотрудничестве с арктическими игроками (2, с. 82–83). Так, он заявил о формировании представительства Европейской комиссии в Гренландии, что повысит значимость арктических вопросов во внешних отношениях ЕС. Он также подчеркивает свою высокую роль в обеспечении «зеленого» перехода в Арктике на благо арктического населения. Фактически в ЕС заявили, что будут стремиться ограничивать или даже не допускать разработку природных ресурсов в регионе, опираясь на понятия «зеленый курс» и «голубая экономика». Повышение своего арктического участия ЕС еще обосновывает тем, что является крупным экономическим игроком, а значит несет ответственность за глобальное устойчивое развитие, в том числе в арктическом регионе. ЕС оказывает значительное влияние на Арктику за счет своего воздействия на окружающую среду и спроса на арктические ресурсы и продукты. Он предлагает свой опыт в борьбе за климат, называя себя мировым лидером в этой сфере[19].

Вместе с тем, очевидно, что постоянные члены АС категорически против значительного расширения наблюдателей, так как это автоматически повышает конкуренцию и уровень напряженности из-за вовлечения в арктическую повестку чересчур большого числа игроков (5, с. 57). Тем не менее, изменение отношения к России со стороны ее партнеров по АС в результате специальной военной операции является особым фактором, который может скорректировать данную позицию.

Фактор России в сотрудничестве ЕС с АС

В свое время процесс формирования институционального взаимодействия в Арктике воспринимался как шаг к разрядке и к предупреждению конфронтации, но сейчас как инструмент влияния, благодаря которому можно, например, игнорировать Россию. В настоящее время наиболее важный вопрос, вокруг которого могут

19 A stronger EU engagement for a greener, peaceful and prosperous Arctic. Press release. 2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_5214

солидаризироваться участники АС, это именно их позиция по отношению к России, с которой страны прервали все виды взаимодействия. И это невзирая на то, что именно наша страна является лидером, например, в изучении вечной мерзлоты, и без сотрудничества с нею невозможен четкий мониторинг в этой сфере. Однако Брюссель полностью солидаризировался с членами АС в антироссийской повестке. А блокада российских грузов на территории Шпицбергена со стороны Норвегии (участницы Европейской экономической зоны), ссылающейся в своем решении именно на санкции ЕС, фактически привязывает Брюссель ко всем арктическим делам. Так мы стали свидетелями не только санкций, но порой даже частичной или полной блокады российских грузов на российскую же территорию в случае с Калининградской областью и в зону российской экономической деятельности в случае со Шпицбергеном. Притом, что обладающая суверенитетом над Шпицбергеном Норвегия не входит в состав ЕС, но принадлежит к общему экономическому пространству и принимает санкционную политику ЕС. Кроме того, Норвегия входит в НАТО с 1949 г., т.е. с момента образования организации. Это всё - несомненные свидетельства повышения общей напряженности в Арктике.

Для нас же важна именно сама возможность блокировки России в Арктике, которую можно рассматривать и как некие учения конкретных западных государств, и как способ самих стран, вводящих их, добиться собственных целей, а не только реализовать стратегии НАТО и ЕС. Так, Шпицберген – это непосредственно Арктика, а Балтийское море (если мы говорим о частичной блокаде Калининграда) можно рассматривать как ворота в Арктику. Кроме того, с учетом вступления Финляндии и Швеции в Альянс, НАТО будет контролировать не только южное, но и северное побережье Балтийского моря, располагая еще и таким стратегическим пунктом как остров Готланд. Это значит, что у Альянса появляется еще один способ контроля над Арктикой и Северной Атлантикой. А с точки зрения взаимодействия стран НАТО, подобная блокада не только подрывает все прежние договоренности, но и ограничивает, если не разрушает полностью, все виды сотрудничества с Россией, в том числе научного, даже в Арктике.

В этом контексте наиболее сложной выглядела ситуация именно в Арктике в связи с блокировкой Норвегией российских грузов, доставляемых в Баренцбург, в котором проживают российские вахтовики, работающие в компании Арктикуголь, и ученые, осуществляющие множество наблюдений (хотя сейчас ситуация отчасти урегулирована). Норвегия полностью присоединилась к санкциям ЕС, ссылалась на пятый и шестой пакеты санкций. Однако в этих пакетах есть исключения в отношении грузов гуманитарного характера, поэтому совершенно непонятно, на основании каких причин норвежская сторона отказывалась пропустить

 ISSN 2782-621X (Online)

продовольствие и медикаменты. Кроме того, даже в отношении нефти, нефтепродуктов, горючего были сделаны исключения (товары для энергетических целей выведены из данных ограничений) или указаны более дальние сроки начала действия санкций. Но самое важное, что введенная Норвегией блокада не только выходила за пределы санкций, разработанных в ЕС, но и нарушила базовые международные договоренности. Прежде всего, действия Норвегии противоречили Парижскому соглашению от 1920 г., согласно которому суверенитет Норвегии над Шпицбергеном признается на основании признания с ее стороны прав на экономическую деятельность других государств-подписантов, а среди условий такого признания четко указано, что Норвегия не должна устанавливать ограничения на ввоз грузов страны-участницы. При этом норвежская сторона и ранее вводила ограничения в отношении российской экономической деятельности, о чем регулярно сообщали российские дипломаты. Правда, и в отношении других стран Норвегия проявляет изрядную жесткость, вступая в конфликты с рыболовецкими судами не только России, но и Латвии и Великобритании, фактически давая всем понять, что акватория вокруг Шпицбергена принадлежит исключительно Норвегии. Тем более что после российско-норвежского соглашения от 2010 г. Норвегия подтвердила полный контроль над этой зоной. Это насыщенный рыбой район, и по этой причине даже в большей степени, чем по причине энергоресурсов, он рассматривается исключительно как зона интересов Норвегии, которая четко стремится обозначить свой полный суверенитет над Шпицбергеном и прилегающей акваторией. Поэтому в данном случае можно полагать, что инициатива блокировки российских грузов – это собственное решение Норвегии, которая при этом показала готовность принести в жертву даже совместную работу с Россией по освоению Арктики и совместные исследования, в частности, в отношении миграции рыб. Однако такая позиция сближает Норвегию и ЕС в целом, хотя не влияет на более позитивное отношение норвежцев к возможности ЕС стать полноценным наблюдателем при АС. Ведь Норвегия сама не стала этим полноценным членом в ЕС, опасаясь необходимости участвовать в рыбной ловле исключительно по квотам ЕС, а значит делить свою собственную акваторию с рыбаками из других стран ЕС.

С учетом разворачивающихся событий после 24 февраля 2022 года, эксперты Арктического института в лице А. Распотника, А. Степьена, Т. Койвуровой подготовили расширенный документ, в котором указали, что события на Украине влекут глобальные изменения для Арктики, где ЕС придется пересматривать взаимоотношения с Россией. Рассмотрим этот документ подробнее, так как он аккумулирует все важнейшие заявления чиновников ЕС по теме. С точки зрения

Брюсселя, проблема не ограничивается простым исключением России из ключевых структур сотрудничества в Арктике. Экономические последствия повлияют на климатические цели самого ЕС, импорт энергии и полезных ископаемых из российской Арктики, затруднится совместный мониторинг и исследования, так как половина циркумполярного региона будет из них исключена[20].

С одной стороны, ЕС высказывает опасения, что разрыв с Россией не только самого ЕС, но и членов АС повлияет на реализацию важных программ и проектов, но с другой стороны, считает это необходимым. Более того, в Арктике ЕС называет непредсказуемой позицию не только России якобы из-за ремилитаризации региона, но и Китая, и других российских партнеров, притом, что мы в целом констатируем расширение сотрудничества России со странами БРИКС в Арктике (8, с. 45-63). Более того, в Брюсселе полагают, что Россия никогда не проявляла особого желания взаимодействовать с ЕС и участвовала только в проектах трансграничного сотрудничества в Северной Европе. В текущих условиях в ЕС называют Россию изолированным и авторитарным государством, с которым невозможно взаимодействовать, а с учетом санкций самого ЕС – не привлекательным и рискованным для западных институтов[21].

Так, ЕС полагает, что все арктические игроки ограничат контакты с Российской ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, которая поддержала специальную военную операцию. При этом в Брюсселе не обозначают, что причиной этих затруднений является вовсе не российская сторона, которая не отказывается от взаимодействия. В любом случае, ЕС не будет распространять свои финансовые программы социальной поддержки коренных народов на Россию. Значит, в Брюсселе будут делать ставку на проекты в Арктике без России, так как большая часть программ территориального сотрудничества ЕС на Севере не включает российские регионы в качестве основных направлений своей деятельности. Кроме того, отказ от сотрудничества с Россией в сфере энергетики позволяет Брюсселю реализовать задачу отказа от потребления невозобновляемых источников энергии, а значит согласуется с климатической повесткой ЕС. Отметим здесь, однако, что ограничение доступа к российским ресурсам усилит давление на другие сообщества и территории Арктики со стороны разнообразных компаний[22].

При таком подходе ЕС может сохранить сотрудничество с Россией только в

20 Raspotnik A., Stepien A., Koivurova T. The European Union's Arctic Policy in the Light of Russia's War against Ukraine. 2022. URL: https://www.thearcticinstitute.org/european-union-arctic-policy-light-russia-war-against-ukraine/

21 Там же.

22 Там же.

 ISSN 2782-621X (Online)

технических и юридически обязывающих делах, в частности, в сфере рыболовства и исследованиях в Северном Ледовитом океане. Во всяком случае, полноценный климатический мониторинг, морские исследования вообще невозможны без российского участия, хотя сам ЕС не готов пока продлить это взаимодействие.

Однако антироссийский сдвиг ЕС предлагает оценивать как возможность для углубления сотрудничества в Арктике с другими странами и признания заслуг самого ЕС. Означает ли такая позиция, что ЕС почти полностью отказывается от сотрудничества с Россией в Арктике, как и в других регионах и сферах? По всей видимости, на этот вопрос надо ответить утвердительно. По крайней мере, в самом ЕС предлагают обсудить возможности сотрудничества с регионом нероссийской Арктики и избирательном взаимодействии с Россией.

Взамен России ЕС стремится более активно вовлечь в свои проекты североамериканских партнеров (США, Канада). Поэтому роль ЕС может стать более заметной в рамках тесного сотрудничества государств и регионов Западной Арктики. В целом большинство целей политики ЕС в Арктике, обозначенные в 2021 г., останутся актуальными, поскольку многие мероприятия ЕС в регионе и так не были связаны с сотрудничеством с российскими партнерами. Это свидетельствует о том, что и в Арктике ЕС делает ставку на усиление евроатлантической солидарности. Брюссель планирует расширять все виды арктического взаимодействия с США, Канадой, Норвегией. В данном случае ЕС рассматривает Россию не просто как угрозу глобального масштаба, но опасается еще и того, что именно Россия может предоставить более широкий доступ к Арктике таким неарктическим игрокам как Китай и Индия, что в некоторой степени будет угрожать арктическим интересам самого ЕС[23]. Союз опасается военного усиления Китая, обвиняя его в разработке арктических технологий двойного назначения. Поэтому в Артике ЕС будет опираться на поддержку стран НАТО. Напомним, что в 2022 г. в Арктике прошли самые крупные военные учения (около 30 000 солдат из 27 стран-союзников). Однако эти события вызывают тревогу в условиях отсутствия диалога между Россией и самим Альянсом[24]. ЕС уже сейчас продвигает свои программы для развития биоэкономики, климатических наблюдений и технологий с североевропейскими и североамериканскими государствами, в общем, со странами НАТО[25]. Тем более что сама НАТО не возражает против такого участия ЕС.

23 Ciolan I. The EU's geopolitical awakening in the Arctic. 11.04.2022. URL: https://www.epc.eu/en/Publications/The-EUs-geopolitical-awakening-in-the-Arctic~47c318

24 Там же.

25 Arctic Europe: Bringing together the EU Arctic Policy. 09.02.2017. URL: https://tietokayttoon.fi/julkaisu?pubid=17303

Выводы

Арктика не станет регионом для восстановления диалога, так как отрицательное отношение к России используется ЕС как инструмент укрепления роли самого Союза. ЕС в новых условиях выступает как пропагандист так называемой Новой Арктики, предлагая АС себя в качестве полноценного игрока в регионе, способного внести вклад в безопасность, ссылаясь на милитаризацию и политику великих держав, которые сами сделали Арктику значимой по многим обстоятельствам. ЕС выдвигает идею, что регион стал зоной нестабильности. Именно эта причина, по мнению Брюсселя, сможет заставить других участников более позитивно отнестись к ЕС в качестве постоянного наблюдателя в АС.

В Арктике ЕС будет опираться на уже имеющиеся виды взаимодействия, как со странами-членами ЕС, так и с НАТО в идеологии сдерживания так называемого «российского милитаризма». Более того, он выступает даже как гарант безопасности стран Северной Европы. ЕС здесь готов поддержать все инициативы НАТО, особенно с учетом позиции Финляндии и Швеции, и предложить свои разработки безопасности для государств-членов ЕС в Арктике. ЕС также заинтересован в работе АС без участия России по наиболее важным вопросам, которые у него самого стоят в повестке, в частности, по проблеме изменения климата. Хотя и непонятно, как можно будет реализовывать в Арктике эти программы без участия России. Брюссель также очевидно настроен поддерживать устремления неарктических игроков-членов ЕС, расширяя, таким образом, свое присутствие в регионе. Поэтому возможны инициативы ЕС по формированию органов контроля над ситуацией в Арктике и в рамках ООН. Тем не менее, в ЕС не только не признают, но даже и не рассматривают тот факт, что изоляция России от обсуждения и решения арктических проблем не позволит решить их. И именно эта изоляция делает Арктику не зоной диалога, а зоной конфликта. Тем не менее, вина за изоляцию России возлагается на саму Россию, а ЕС и члены АС даже не предлагают дипломатических инструментов взаимодействия. Это означает, что ЕС будет постепенно наращивать свои возможности в Арктике, хотя изменение его статуса в АС вряд ли осуществимо в самое ближайшее время.

Список источников

1. Еремина Н.В. (2019), Арктическая политика Европейского союза: задачи и проблемы [European Union Arctic policy: tasks and problems] Ойкумена. Регионоведческие исследования. №4. С. 30-39. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/30-39

2. Тулупов Д.С., Царенко Е.В. (2019), Подход Европейского союза к политике в арктическом направлении и его соотношение с региональными интересами РФ [European Union's approach to the Arctic policy development through the lens of the Russian regional interests]. Арктика и Север. №37. С. 82–93.
3. Archer, C., Etzold, T. (2008), The EU's northern dimension: Blurring frontiers between Russia and the EU North? NORDEUROPAforum. No. 1. pp. 7–28.
4. Dodds, K. (2013), Anticipating the Arctic and the Arctic Council: Pre-emption, precaution and preparedness. Polar Record. 2013. Vol. 49(2). pp. 193-203. DOI: 10.1017/S0032247412000198
5. Eremina, N. (2021), UK-Russia relations in the Arctic: from damage limitation to a cooperative agenda? The Polar Journal. Vol. 11:1. pp. 57-74. DOI: 10.1080/2154896X.2021.1932275
6. Heininen, L. (2017), The Arctic, Baltic, and North-Atlantic "cooperative regions" in "Wider Northern Europe": Similarities and differences. Journal of Baltic Studies. Vol. 48(4). pp. 435–450.
7. Koivurova, T. (2010), Limits and possibilities of the Arctic Council in a rapidly changing scene of Arctic governance. Polar Record. 2010. Vol. 46(2). pp. 146-156. DOI: 10.1017/S0032247409008365
8. Lagutina, M., Leksyutina, Y. (2019), BRICS countries' strategies in the Arctic and the prospects for consolidated BRICS agenda in the Arctic. The Polar Journal. Vol. 9:1. pp. 45-63. DOI: 10.1080/2154896X.2019.1618559
9. Smieszek, M. (2019), Do the cures match the problem? Reforming the Arctic Council. Polar Record. Vol. 55(3). pp. 121-131. DOI: 10.1017/S0032247419000263

References

1. Eremina, N.V. (2019), European Union Arctic policy: tasks and problems. Ojkumena. Regional researches. No. 4. pp. 30–39. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/30-39 (In Russian)
2. Tulupov, D.S., Tsarenko, E. V. (2019), Podkhod Yevropeyskogo soyuza k politike v arkticheskom napravlenii i yego sootnosheniye s regionalnymi interesami RF [European Union's approach to the Arctic policy development through the lens of the Russian regional interests]. Arctic and North. No. 37. pp. 82–93. (In Russian)

3. Archer, C., Etzold, T. (2008), The EU's northern dimension: Blurring frontiers between Russia and the EU North? NORDEUROPAforum. No. 1. pp. 7–28.
4. Dodds, K. (2013), Anticipating the Arctic and the Arctic Council: Pre-emption, precaution and preparedness. Polar Record. 2013. Vol. 49(2). pp. 193-203. DOI: 10.1017/S0032247412000198
5. Eremina, N. (2021), UK-Russia relations in the Arctic: from damage limitation to a cooperative agenda? The Polar Journal. Vol. 11:1. pp. 57-74. DOI: 10.1080/2154896X.2021.1932275
6. Heininen, L. (2017), The Arctic, Baltic, and North-Atlantic "cooperative regions" in "Wider Northern Europe": Similarities and differences. Journal of Baltic Studies. Vol. 48(4). pp. 435–450.
7. Koivurova, T. (2010), Limits and possibilities of the Arctic Council in a rapidly changing scene of Arctic governance. Polar Record. 2010. Vol. 46(2). pp. 146-156. DOI: 10.1017/S0032247409008365
8. Lagutina, M., Leksyutina, Y. (2019), BRICS countries' strategies in the Arctic and the prospects for consolidated BRICS agenda in the Arctic. The Polar Journal. Vol. 9:1. pp. 45-63. DOI: 10.1080/2154896X.2019.1618559
9. Smieszek, M. (2019), Do the cures match the problem? Reforming the Arctic Council. Polar Record. Vol. 55(3). pp. 121-131. DOI: 10.1017/S0032247419000263

Информация об авторах

ЕРЕМИНА Наталья Валерьевна, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1349-8659. E-mail: nerem78@mail.ru.

About the author

Natalia V. EREMINA, DSc (Polit.), CandSc (Hist.), professor, Saint Petersburg State University, ul. Universitetskaya naberezhnaya, 7–9, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1349-8659. E-mail: nerem78@mail.ru.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Научная статья
УДК 327; 504.75
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-102-115

Политические науки

Арктические интересы Германии в конце XX — начале XXI века

Елена Алексеевна Кузьменко

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
ea.kuzmenko@igsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-4144-2414

Аннотация. Усиление позиций Германии после объединения 1990 г. позволило ей расширить свои геополитические амбиции в регионах, прежде мало включенных во внешнеполитическую повестку ФРГ. Одним из таких регионов стала Арктика, освоение и изучение которой происходит через участие в международных арктических организациях, а также посредством двусторонних соглашений с арктическими государствами. Однако в конце XX в. вплоть до 2013 года арктическую позицию Германии можно охарактеризовать как неамбициозную и пассивную, что связано с нехваткой финансирования делегаций Германии для участия в рабочих группах Арктического совета, недостаточностью координационной политики между федеральными министерствами и агентствами, в чьи сферы входит разработка и реализация арктической политики, а также отсутствием общей заинтересованности в реализации национальных приоритетов в регионе посредством структур Арктического совета. Германия принимает участие в разработке проектов, связанных преимущественно с экологией. Такая позиция создает Германии выгодный образ покровителя Арктики, что не умаляет научной ценности германских климатических и экологических исследований. Для арктической политики ФРГ также свойственно привлекать к научным исследованиям широкие слои общества, внушая тем самым идею стабильного присутствия Германии в Арктике.

Ключевые слова: Германия, политика ФРГ, Циркумполярье, арктическая политика, экология, Арктический совет, освоение Арктики, международные организации

Для цитирования: Кузьменко Е.А. Арктические интересы Германии в конце XX — начале XXI века. Россия: общество, политика, история. 2022. №4(4). С. 102-115.

© Кузьменко Е.А.
© «Россия: общество, политика, история», 2022

INTERNATONAL RELATIONS

Original article
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-102-115

Political sciences

Arctic Interests of Germany in the Late 20th – Early 21st Century

Elena A. Kuzmenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation
ea.kuzmenko@igsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-4144-2414

Abstract. The strengthening of Germany's position after 1990 allowed it to expand its geopolitical ambitions in regions previously little included in the foreign policy agenda of Germany. One of these regions has become the Arctic, the development and study of which takes place through participation in international Arctic organizations, as well as through bilateral agreements with Arctic states. However, at the end of the twentieth century, until 2013, Germany's Arctic position can be characterized as unambitious and passive, due to the lack of funding for German delegations to participate in Arctic Council working groups, insufficient coordination policy between federal ministries and agencies whose areas include the development and implementation of Arctic policy, as well as the lack of common interest in the implementation of national priorities in the region through the structures of the Arctic Council. Germany participates in the development of projects mainly related to ecology. This position creates a favorable image of Germany as the patron saint of the Arctic, which does not detract from the scientific value of German climate and environmental research. For the Arctic policy of Germany, it is also characteristic to involve broad segments of society in scientific research, thereby instilling the idea of a stable German presence in the Arctic.

Keywords: Germany, German politics, Circumpolar region, Arctic policy, ecology, Arctic Council, Arctic exploration, international organizations

For citation: Kuzmenko, E.A. Arctic Interests of Germany in the Late 20th – Early 21st Century. Russia: Society, Politics, History. 2022. No. 4(4). pp. 102-115.

Введение

Многовековое освоение арктических территорий характеризуется заинтересованностью в этом регионе со стороны государств, как имеющих, так и не имеющих непосредственный выход к циркумполярным зонам. Документом, на столетия предопределившим сферы морского влияния ведущих государств и способствовавшим тем самым исследованию Северных вод, стала булла папы Римского Александра VI (1493 г.), закрепившая за Испанией Новый свет, а Восточные территории - за Португалией, вынудив другие страны искать альтернативные торговые пути (1, с. 6). Уже на первом этапе целенаправленного и систематического изучения Арктики (в данном случае, речь идёт о XVI-XVII вв.) главными странами-игроками становятся Россия, Голландия, Дания и Англия, отношения между которыми можно расценивать как конкурентное сотрудничество. Поиск новых торговых путей, освоение ценных ресурсов Севера, диверсификация коммерческого партнёрства, открытие новых рынков сбыта и расширение уже имевшихся - все это стимулировало борьбу за Северные полярные территории в XVIII-XIX вв. История полярных экспедиций Российской империи и иностранных государств хорошо изучена (9), также обширна литература по прогрессивному освоению Севера во времена Советской власти (3; 5). Однако международные отношения в Арктике в конце XX - начале XXI в. освещены историками неравномерно (стоит отметить комплексный подход к проблеме международных политических игр в Арктике в книге Ю.Ф. Лукина (8)), несмотря на стратегическую важность региона как для России, так и для других арктических и неарктических государств. Данная статья посвящена интересам Германии в Арктике в нач. XXI в. Впоследствии объединения Германии в 1990 г. и усиления ее роли в Европейском союзе, расширяются ее внешнеполитические амбиции, в том числе - в Циркумполярье. Таким образом, изучение арктического вектора во внешнеполитической стратегии Германии представляет политическую, военную и экономическую ценность. Арктические стратегии - это новый феномен для мировой политики, поскольку в качестве их объекта выступает находящееся вне национальной юрисдикции морское пространство (10, с. 50).

Материалы и методы исследования

Задачи исследования предопределили вектор выбора источников. Анализу были подвергнуты открытые данные (официальные документы, отчёты, релизы, программы, стратегии и т.д.) Арктического совета и внешнеполитических ведомств

 ISSN 2782-621X (Online)

Германии. Через метод сопоставления данных в статье даётся характеристика процессу оформления и дальнейшего развития арктических интересов ФРГ и пути их реализации. Кроме того, в исследовании был задействован метод диахронного анализа фактов. Статья также опирается на историко-экономические работы отечественных и зарубежных учёных и представляет собой междисциплинарное исследование на стыке истории, экономической географии, политологии и экологии.

Результаты исследования

Положение ФРГ в международных Арктических организациях

Нестабильное положение России в конце XX века предоставило ведущим мировым державам удобную возможность настаивать на пересмотре[1] принадлежности и условий сотрудничества в арктических областях, преследуя национальные экономические, военные, научные и технологические интересы. Арктические амбиции государств во многом реализовываются с помощью международных организаций.

На сегодняшний момент, ключевые игроки в арктическом регионе распределяются в иерархии военно-политического влияния в следующем порядке: арктические страны (Россия, США, Канада, Дания, Норвегия), субарктические страны (Исландия, Швеция, Финляндия), страны НАТО (США, Канада, Дания, Исландия, Норвегия), страны ЕС (Дания, Ирландия, Великобритания до выхода, Швеция, Финляндия, Франция, Германия и др.). Очевидно, что речь идёт преимущественно об одних и тех же государствах. Свой вес также имеют члены международных организаций, в которых представительство стран шире:

- Арктический совет (АС) — арктические и субарктические государства: Россия, США, Канада, Дания, Норвегия, Исландия, Швеция, Финляндия;
- Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР) — Россия (до 9 марта 2022 г.), Дания, Исландия, Швеция, Норвегия, Финляндия. Девять стран имеют статус наблюдателя – Великобритания, Германия, Италия, Канада, Нидерланды, Польша, Франция, США, Япония;
- Северный совет — Дания с ее автономными территориями (Гренландия и Фарерские острова), Исландия, Норвегия, Швеция и Финляндия с Аландскими островами;
- Северная оборонная структура — Дания, Исландия, Швеция, Финляндия;

1 Россия стала первым арктическим государством, подавшим в 2001 году заявку в ООН на установление внешней границы континентального шельфа в Северном Ледовитом океане (11, с. 35).

- Арктический экономический совет – бизнес-структура, созданная для взаимодействия крупных компаний, ведущих экономическую деятельность в Арктике. Компании представляют широкую географию государств (Канада, США, Дания, включая Фарерские острова и Гренландию, Исландия, Норвегия, Швеция, Финляндия, Россия, а также Германия, Греция, Франция, Швейцария);
- Азиатский форум полярных исследований — Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Таиланд, Малайзия, а также в качестве наблюдателей – Индонезия, Филиппины, Шри-Ланка, Вьетнам.

Наличие столь значительного количества международных организаций по Арктике свидетельствует о повышенном и долгосрочном интересе к данному региону со стороны многих государств, а также об искусственной запутанности системы отношений между ними (4, с. 35). Показательно, что Россия является членом трех (с марта 2022 г. – двух) ведущих организаций - Арктического совета, Совета Баренцева/Евроарктического региона (до марта 2022 г.), Арктического экономического совета, в то время как другие арктические и субарктические страны имеют возможность обсуждать вопросы и на других площадках без участия России.

Членство в Арктическом совете имеет несколько категорий: государства-члены (с арктическими владениями); коренные народы Арктики; аккредитованные наблюдатели для государств, межправительственных, межпарламентских и неправительственных организаций; эксперты, приглашенные на конкретные встречи. С самого начала Арктический совет должен был стать совещательным форумом для народов Арктики, ориентированным на решение проблем и извлекающий выгоду из возможностей Крайнего Севера. Первоначальные просьбы неарктических государств о предоставлении им статуса наблюдателя в Арктическом совете застали многих северных игроков врасплох, поскольку Арктический совет был создан с целью содействия внутрирегиональному диалогу и управлению, а не в качестве форума для урегулирования глобальных геополитических дебатов о будущем Крайнего Севера. После первоначального периода скепсиса арктические государства согласились расширить группу наблюдателей Арктического совета и стремиться к дальнейшему взаимодействию с неарктическими государствами (13).

Германия имеет статус государства-наблюдателя в Арктическом совете с 1998 года (Министерская сессия в Икалуите, Канада, на которой статус наблюдателей также получили Нидерланды, Великобритания, Польша и ряд международных организаций). Статус наблюдателя не позволяет Германии голосовать по

 ISSN 2782-621X (Online)

делам АС, однако разрешает и даже приветствует участие в международных проектах. Вследствие второстепенного статуса Германии, большинство обозрений военно-политической обстановки в Арктике не выделяли Германию в качестве значимого субъекта отношений.

Несмотря на долгую историю участия в академических исследованиях Арктики (начиная с середины XVIII в.), в отношении своей арктической политики Германия длительное время характеризовалась как «сторонний наблюдатель» (12, с. 340). Германия большую часть времени в период с 1998 по 2015 гг. не принимала активного участия в деятельности Арктического совета. Когда государства-наблюдатели выступили с совместным заявлением на заседании высокопоставленных арктических должностных лиц (Senior Arctic Officials - SAO) 2008 г. в Свольвере, в котором они перечислили ряд положительных примеров своего взаимодействия с Арктическим советом и подчеркнули свой вклад в Арктический регион в целом, в список вошли примеры из Великобритании, Нидерландов, Польши, Италии, Франции, Испании и Китая, но не Германии[2].

Примечательно, что за исключением двух собраний рабочей группы по устойчивому развитию Арктики (SDWG - The Sustainable Development Working Group) в 2003 и 2009 гг., активное вовлечения немецких делегаций в арктические дела начинается только с 2013 г., что демонстрирует поздний старт Германской арктической политики. Рост посещаемости и включенности в деятельность конкретных рабочих групп со стороны Германии в последние годы совпадает с публикацией в сентябре 2013 г. «Руководящих принципов германской арктической политики»[3], в которых Федеральное министерство иностранных дел постулирует, что Германия «заинтересована в расширении специального участия Германии в рабочих группах Арктического совета». Препятствиями к устойчивому участию в прошлом и отчасти – в настоящем, являются: (а) отсутствие достаточного финансирования делегаций Германии для участия в рабочих группах Совета; (б) отсутствие координационной политики между федеральными министерствами и агентствами; и, что особенно важно, (в) отсутствие общей заинтересованности в реализации национальных приоритетов в регионе через систему АС. Так, недовольство Германии из-за отсутствия права голоса объясняется следующим образом: «в то время как Арктический совет принимает решения на региональном уровне, его решения зачастую имеют глобальное влияние. Аналогичным образом, процессы, которые приводят к изменениям в Арктике, в значительной степе-

2 Information Paper to the AC SAO Meeting April 2008. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/852

3 Leitlinien deutscher Arktispolitik. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2239806/0c93a2823fcff8ce9f6bce5b6c87c171/arktisleitlinien-data.pdf

ни происходят и к Югу от полярного круга»[4].

Пассивная позиция Германии на первом этапе в отношении участия в рабочих группах АС является преимущественно следствием третьего сдерживающего фактора — отсутствия интереса к активной реализации своих политических приоритетов в регионе через Арктический совет. Во-первых, между политическими приоритетами Германии и мандатом АС в области защиты окружающей среды и устойчивого развития мало совпадений. Подзаголовок директив Германии от 2013 г. по арктической политике гласит: «Возьмем на себя ответственность, воспользуемся возможностью»[5], в то время как экономические приоритеты явно опираются на вторую часть подзаголовка. Подзаголовок стратегии 2019 г. видоизменился – «Взять на себя ответственность, создать доверие, сформировать будущее», что явственно указывает на преобладание зеленой риторики и заботы о правах будущих поколений. Тем не менее, Германия, которая по-прежнему зависит от поставок нефти и газа из Норвегии и России, рассматривает Арктику в первую очередь как ресурсную базу, в получении доступа к которой Германия и ее компании заинтересованы[6]. Помимо разведки нефти, газа и полезных ископаемых, федеральное правительство активно поддерживает открытие новых судоходных маршрутов в Арктике. Будучи одной из крупнейших в мире стран-импортеров и экспортеров, Германия заинтересована в новых проходах к торговым центрам Восточной Азии.

Во-вторых, Германия в целом не удовлетворена возможностями, предоставляемыми наблюдателям в системе АС, и считает Совет не слишком подходящим форумом для продвижения своих национальных интересов в регионе. На конференции «ЕС, Канада и Арктика: вызовы международного управления» в Оттаве в сентябре 2011 г. Георг Витшель, посол Германии в Канаде с 2009 по 2012 г., открыто раскритиковал избыточность ограничений для наблюдателей (13, с. 175-176). Германия также призывает к увеличению времени для выступлений на заседаниях АС и предлагает «расширять права участия стран-наблюдателей в каждом конкретном случае, если наблюдатель может внести существенный вклад в решение проблемы» (13, с. 177). Как следствие, ФРГ считает, что взаимодействие посредством других дипломатических и экономических каналов более целесообразно для решения арктических вопросов, включая двусторонние отношения с арктическими государствами и другими глобальными державами, такими как Китай.

Министерство иностранных дел ФРГ выделяет шесть приоритетных

4 Regular Review Report Germany. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/2269/GERMANY_2018-11_Regular-Review-Report.pdf?sequence=1&isAllowed=y)

5 Leitlinien deutscher Arktispolitik. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2239806/0c93a2823fcff8ce9f6bce5b6c87c171/arktisleitlinien-data.pdf

6 Там же.

 ISSN 2782-621X (Online)

принципов политики Германии в Арктике: климат и охрана окружающей среды, международное сотрудничество, политика безопасности, наука и исследования, устойчивое развитие и участие коренного населения в управлении в Арктике. Руководящие принципы определяют ориентацию политики Германии в Арктике на международных переговорных форумах. Кроме того, они предлагают четкую ориентацию на будущую исследовательскую деятельность с участием Германии и на экономическую деятельность немецких компаний в Арктике[7].

Вклад Германии в решение арктических проблем

На протяжении этих десятилетий Германия принимает участие в разработке проектов, связанных преимущественно с экологией (борьба с засорением морского пространства микропластиком, поддержание биоразнообразия циркумполярных регионов, снижение загрязнения воздуха)[8]. О серьезности научно-технической базы Германии для освоения регионов Заполярья свидетельствует появление собственного ледокола, используемого в циркумполярных исследованиях. Ледокол «Polarstern» используется в среднем 305 дней в году, он располагает девятью научными лабораториями для биологических, геофизических, геологических, гляциологических, химических, океанографических и метеорологических исследований. В период с ноября по март исследовательское судно обычно пересекает Антарктиду, в летние месяцы ученые проводят исследования в арктических водах[9].

Рисунок 1. Ледокол «Polarstern» в 2012 г.[10]
Figure 1. “Polarstern” icebreaker in 2012

7 Leitlinien deutscher Arktispolitik: Verantwortung übernehmen, Vertrauen schaffen, Zukunft gestalten. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-arktisleitlinien/2240016

8 2021 Arctic Council – Germany. URL: https://www.arctic-council.org/ru/about/observers/germany/

9 Wahrzeichen der deutschen Polarforschung. URL: https://www.awi.de/expedition/schiffe/polarstern/wahrzeichen-der-deutschen-polarforschung.html

10 Источник: Открытая база данных Института Альфреда Вегенера, 2012. URL: http://multimedia.awi.de/public/#1658688014833_4

Помимо базовой арктической организации АС, Германия также участвует в работе Совета Баренцева/Евроарктического региона, Арктического форума ЕС, Международной конференции министров науки Арктических стран (Arctic Science Ministerial), Международной морской организации (International Maritime Organization, IMG), Комиссии ОСПАР по защите морской среды (Convention for the Protection of the Marine Environment of the North-East Atlantic). Немецкое исследовательское общество (Deutsche Forschungsgemeinschaft) представлено в Международном арктическом научном комитете (International Arctic Science Committee, IASC) и в других международных исследовательских организациях (7, с. 49-50). Прямое влияние на принятие решений в АС со стороны Германии, на первый взгляд, невелико, воздействие ведётся скорее через формирование общеевропейской политической повестки по отношению к Арктике как региону, нуждающемуся в глобальной экологической защите и поддержании внеконфликтности и стабильности (14, с. 210).

По правилам Арктического совета, государства-наблюдатели каждые два года должны предоставлять отчёт о своём вкладе в решение арктических проблем. В отчёте Германии от 1 декабря 2018 г. подчеркивается роль ФРГ в улучшении экологического состояния Северных вод. Так, загрязнение моря было главной темой экологической повестки Германии во время ее председательств в G7 в 2015 году и G20 в 2017 г. Также в отчёте подробно описываются научные исследования Германии в области воздействия подводного шума на морские экосистемы, а также в сфере поддержания биоразнообразия, мониторинга выбросов метана, налаживания наземной и спутниковой связи для населения Заполярья. Планы Германии на 2019-2020 гг. учитывают необходимость привлечения внимания широкой общественности Германии к решению проблем в Арктике в рамках образовательных и информационно-пропагандистских проектов, рекомендации по созданию которых будут разработаны в ближайшее время.

Германия также активно поддержала принятие Соглашения об усилении международного арктического научного сотрудничества в 2017 г. Так, Федеральное министерство иностранных дел и Арктическое ведомство Германии в сотрудничестве с посольством Финляндии организовали специальный семинар по приоритетам финской программы АС «Изучение общих решений» в Берлине в мае 2017 г. Германский арктический офис организовал мини-симпозиум по полярной науке и политике на конференции POLAR 2018 в Давосе, Швейцария, в июне 2018 г. с участием финского председателя АС Алекси Харконена[11].

Широким кругом международных экологических проектов, в том числе – в

11 Polar – 2018. URL: https://www.arctic-office.de/en/information-platform/news/polar-2018/

 ISSN 2782-621X (Online)

Арктике, занимается Немецкий центр авиации и космонавтики (Deutsche Zentrum für Luft- und Raumfahrt - DLR), который совместно с Министерством иностранных дел Дании и Техническим университетом Дании организовали секционную сессию по телекоммуникациям в Арктике на Ассамблее Полярного круга 2016 года в Рейкьявике, Исландия. Однако современные планы Центра имеют явный военно-стратегический оттенок, несмотря на декларируемый климатический характер научных исследований: например, проект «Ледяные агенты под прикрытием» («Undercover Eisagenten») от Института науки о данных DLR совместно с Федеральным министерством образования предполагает создание снимков сверхвысокого разрешения с беспилотников для дальнейшего изучения вечной мерзлоты, картирования и создания соответствующей базы данных[12]. «Интеграция гражданской науки — то есть участие граждан в научном процессе — в исследованиях вечной мерзлоты в рамках этого проекта позволяет получить уникальное представление о динамике арктической вечной мерзлоты и, таким образом, дает возможность лучше понять последствия климатического кризиса в этом регионе и, следовательно, может внести решающий вклад в исследование последствий изменения климата», — объясняет профессор Кристиан Тиль, руководитель проекта и научный сотрудник отдела гражданской науки Института науки о данных. Но при этом очевидно, что систематическое картографирование, наряду с использованием дронов, может иметь политическое значение и демонстрировать присутствие Германии в Арктике.

Выводы

Арктические научные исследования Германии и партнеров сосредоточены прежде всего на экологических вопросах. Поскольку Арктика служит системой раннего предупреждения о глобальном изменении климата, повышенное внимание уделяется исследованию процессов, приводящих к сверхсреднему повышению температуры в Арктике, наблюдаемому в последние десятилетия. Участие в совместных климатических исследованиях в Арктике действительно стало для неарктических государств одним из самых устойчивых, обширных и перспективных аспектов глобального присутствия на территории севернее 66 параллели северной широты. Так, Германия, действуя согласно общеевропейской зеленой повестки, ратует за введение строгих экологических норм для осуществления хозяйственной деятельности. Поддержание экологического

12 Bundesministerium für Bildung und Forschung fördert DLR Projekt. URL: https://www.dlr.de/content/de/artikel/news/2021/01/20210201_undercover-eisagenten.html

равновесия Арктики в данном контексте тождественно сдерживанию в этом регионе экономической деятельности, что противоречит интересам арктических государств, особенно - России.

Тенденция к использованию экологических проблем в политических целях прослеживается и на примере Германии, которая создает себе позитивный имидж защитника Арктики, ее уникальной экосистемы и коренных народов, заинтересованного в научном исследовании Севера во благо будущих поколений. ФРГ осуществляет широкую научную деятельность в регионе через Институт полярных и морских научных исследований имени Альфреда Вегенера, основанный летом 1980 г. (входит в Объединение научных центров им. Гельмгольца, годовой бюджет для полярных исследований - около 100 млн евро), Федеральное ведомство геологических наук и минеральных ресурсов, Немецкий центр авиации и космонавтики, Федеральное министерство иностранных дел и др. (2). При этом серьезные научные проекты, помимо очевидной академической ценности, играют важную роль в складывании взглядов германского общества на Арктический регион. Через вовлечение в такие проекты учащихся, гражданских активистов, волонтеров в общественном мнении формируется мысль, что находящаяся в опасности Арктика не чужда Германии, проявление инициативы в экологических вопросах приветствуется, а сотрудничество с арктическими странами может и должно быть равнозначным и взаимовыгодным.

Для налаживания партнерских отношений в регионе ФРГ предпочитает использовать двусторонние соглашения, межправительственные и межинститутские договоренности, совместные бизнес-проекты, относя на второй план площадки крупных международных организаций. Германия находит их неповоротливыми, недостаточно эффективными для продвижения своих национальных интересов. Динамично изменяющиеся политические реалии подтверждают, что в кризисные моменты приоритетную значимость имеет диалог стран напрямую без давления весомости международных организаций.

Список источников

1. Алиев Р. (2016), Изнанка белого. Арктика от викингов до папанинцев [The wrong side of white. The Arctic from Vikings to Papanins]. М.: «Паулсен».
2. Белов В.Б. (2015), Интересы ФРГ и германо-российское сотрудничество в Арктике [German interests and German-Russian cooperation in the Arctic]. Современная Европа. № 3. С. 43-48.

 ISSN 2782-621X (Online)

3. Визе В.Ю. (1948), Моря Советской Арктики. Очерки по истории исследования [Seas of the Soviet Arctic. Essays on the history of research]. М.; Л.
4. Гаврилов О.Ю. (2019), Состояние и перспективы развития системы региональной безопасности в Арктике [The state and prospects of development of the regional security system in the Arctic]. Военная мысль. № 6. С. 34-49.
5. Дерюгин К.К. (1968), Советские океанографические экспедиции [Soviet oceanographic expeditions]. Л.
6. Журавель В.П. (2020), Арктика в 2019 году: международный и национальный аспекты (вопросы международного сотрудничества и безопасности) [The Arctic in 2019: international and national aspects (issues of international cooperation and security)]. Арктика и Север. №38. С. 105–122.
7. Котов А.В. (2021), Арктический вектор внешней политики Германии [The Arctic vector of German foreign policy]. Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. № 2. С. 48-54.
8. Лукин Ю.Ф. (2019), Многоликая Арктика в потоке времени и смыслов [The Diverse Arctic in the flow of time and meanings]. Архангельск.
9. Магидович И.П., Магидович В.И. (1967), Очерки по истории географических открытий [Essays on the history of geographical discoveries]. М.
10. Подоплёкин А.О. (2013), Научно-исследовательские структуры обеспечения арктической политики зарубежных государств [Research structures for ensuring the Arctic policy of foreign states]. Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 6. С. 50-62.
11. Серикова У.С. (2016), История освоения Арктики [History of Arctic exploration]. История и педагогика естествознания. № 4. С. 35-40.
12. Haftendorn, H. (2011), NATO and the Arctic: Is the Atlantic Alliance a Cold War Relic in a Peaceful Region now Faced with Non-Military Challenges? European Security. No. 20 (3). pp. 337-361.
13. Keil, K., Knecht, S. (2017), Governing Arctic Change: Global Perspectives. London: Palgrave Macmillan.
14. Knecht, S. (2017) The politics of Arctic international cooperation: Introducing a dataset on stakeholder participation in Arctic Council meetings, 1998–2015. Cooperation and Conflict. Vol. 52(2). pp. 203–223.

References

1. Aliev, R. (2016), The wrong side of white. The Arctic from Vikings to Papanins. Moscow : «Paulsen». (In Russian)
2. Belov, V.B. (2015), German interests and German-Russian cooperation in the Arctic. Contemporary Europe. No 3. pp. 43-48. (In Russian)
3. Vize, V.Yu. (1948), Seas of the Soviet Arctic. Essays on the history of research. Moscow ; Leningrad. (In Russian)
4. Gavrilov, O.Yu. (2019), The state and prospects of development of the regional security system in the Arctic. Military Thought. No. 6. pp. 34-49. (In Russian)
5. Deryugin, K.K. (1968), Soviet oceanographic expeditions. Leningrad. (In Russian)
6. Zhuravel, V.P. (2020), The Arctic in 2019: international and national aspects (issues of international cooperation and security). Arctic and North. No. 38. pp. 105–122. (In Russian)
7. Kotov, A.V. (2021), The Arctic vector of German foreign policy. Scientific and Analytical Herald of Institute of Europe Russian Academy of Sciences. No. 2. pp. 48-54. (In Russian)
8. Lukin, Y. F. (2019), The Diverse Arctic in the flow of time and meanings. Arkhangelsk. (In Russian)
9. Magidovich, I.P., Magidovich, V.I. (1967), Essays on the history of geographical discoveries. Moscow. (In Russian)
10. Podoplekin, A.O. (2013), Research structures for ensuring the Arctic policy of foreign states. Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Humanitarian and Social Sciences series. No. 6. pp. 50-62. (In Russian)
11. Serikova, U.S. (2016), History of Arctic exploration. History and pedagogy of natural science. No. 4. pp. 35-40. (In Russian)
12. Haftendorn, H. (2011), NATO and the Arctic: Is the Atlantic Alliance a Cold War Relic in a Peaceful Region now Faced with Non-Military Challenges? European Security. No. 20 (3). pp. 337-361.
13. Keil, K., Knecht, S. (2017), Governing Arctic Change: Global Perspectives. London: Palgrave Macmillan.
14. Knecht, S. (2017) The politics of Arctic international cooperation: Introducing a dataset on stakeholder participation in Arctic Council meetings, 1998–2015. Cooperation and Conflict. Vol. 52(2). pp. 203–223.

 ISSN 2782-621X (Online)

Информация об авторе

КУЗЬМЕНКО Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Российского общества интеллектуальной истории, Москва, Российская Федерации. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4144-2414. SPIN-код: 3078-1553. AuthorID: 773498. E-mail: ea.kuzmenko@igsu.ru

About the author

Elena A. KUZMENKO, CandSc (Hist.), Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Member of the Russian Society for Intellectual History, Moscow, Russian Federation. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4144-2414. SPIN: 3078-1553. AuthorID: 773498. E-mail: ea.kuzmenko@igsu.ru

Источник: Инвестиционный портал Арктической зоны России
URL: https://arctic-russia.ru/

В 2022 году Россия отмечает 90-летие Северного морского пути

В 1932 году экспедиции под руководством Отто Шмидта впервые удалось пройти Севморпуть за одну навигацию на ледокольном пароходе **«Александр Сибиряков»**.

28 июля судно вышло из Архангельска и взяло курс на восток. Новый этап в освоении Севморпути начался в мирное время с появлением атомных ледоколов. 3 декабря 1959 года был принят в эксплуатацию первенец российского ледокольного флота - **ледокол «Ленин»**.

Сегодня российский ледокольный флот насчитывает около 30 дизельных ледоколов, 4 атомных ледокола и лихтеровоз «Севморпуть» - крупнейшее и единственное на сегодняшний день грузовое судно с ядерной энергетической установкой.

По материалам Инвестиционного портала Арктической зоны России
URL: https://arctic-russia.ru/

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Научная статья
Исторические науки
УДК 332.021; 930
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-118-141

Государственные деятели России конца XIX – начала XX в. о социально-экономических проблемах развития Сибири

Майя Антоновна Рогачевская

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация
mrogachevskaya@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию стратегической роли Сибири в социально-экономическом развитии Российского государства в целом и межрегиональных связей в частности. Автор последовательно рассматривает формирование и эволюцию оценочного восприятия экономического и социального значения Сибири со стороны ключевых государственных деятелей Российской империи, а именно - Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте, П.А. Столыпин. В статье через метод сопоставления даётся анализ уровня промышленного развития России в конце XIX - начале XX в. в сравнении с наиболее индустриально развитыми государствами Европы и мира. Сибирь, по объективному мнению реформаторов рубежа веков, являлась «валютная кладовой» России, чьи недра нуждаются в грамотном освоении. Однако эта задача выполнима лишь при условии роста численности квалифицированного населения в Сибири и оперативного управления промышленными процессами из центра. Автор сосредоточивает внимание на анализе управленческих решений по реформированию общинных отношений, привлечению в Сибирь трудовых ресурсов и планированию проектов по освоению Сибири, которые были разработаны указанными государственными деятелями (Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте и П.А. Столыпиным). В данных проектах органично сочетаются преемственность и новаторские особенности: для Н.Х. Бунге характерно внимание к вопросам переселения крестьян и развития института частной земельной собственности в Сибири, С.Ю.Витте свойственен акцент на создание разветвлённой транспортной инфраструктуры, П.А. Столыпин отличается вниманием к социальной сфере (медицина и образование в Сибири). В статье делается вывод о высоком значении реформаторской деятельности Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте, П.А. Столыпина и их роли в налаживании коммуникаций европейских, сибирских и дальневосточных регионов России, в повышении уровня экономического и культурного развития Сибири и укреплении репутации Российской империи как индустриальной державы.

Ключевые слова: Сибирь, взаимодействие центра и региона, заселение, образование, культура, С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, Н.Х. Бунге

Для цитирования: Рогачевская М.А. Государственные деятели России конца XIX – начала XX в. о социально-экономических проблемах развития Сибири. Россия: общество, политика, история. 2022. №4(4). С. 118-141.

© Рогачевская М.А.
© «Россия: общество, политика, история», 2022

ISSN 2782-621X (Online)

HISTORICAL RETROSPECTIVE

Original article
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-118-141

Historical sciences

Russian Statesmen of the Late 19th – Early 20th Century on Socio-Economic Problems of the Development of Siberia

Maya A. Rogachevskaya

Siberian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation
mrogachevskaya@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the strategic role of Siberia in the socio-economic development of the Russian state in general and interregional relations in particular. The author consistently examines the formation and evolution of the evaluative perception of the economic and social significance of Siberia by key statesmen of the Russian Empire, namely N.H. Bunge, S.Y. Witte, P.A. Stolypin. The article analyzes the level of industrial development of Russia in the XIX-early XX century through the method of comparison with the most industrially developed countries of Europe and the world. Siberia, according to the objective opinion of the reformers of the turn of the century, was the «currency storehouse» of Russia, whose bowels needed competent development. However, this task is feasible only if the number of qualified population in Siberia grows and the operational management of industrial processes from the center. The author focuses on the analysis of management decisions on reforming community relations, attracting labor resources to Siberia and planning projects for the development of Siberia, which were developed by these statesmen (N.H. Bunge, S.Y. Witte and P.A. Stolypin). These projects organically combine continuity and innovative features: N.H. Bunge is characterized by attention to the issues of resettlement of peasants and the development of the institute of private land ownership in Siberia, S.Y. Witte is characterized by an emphasis on the creation of an extensive transport infrastructure, P.A. Stolypin is distinguished by attention to the social sphere (medicine and education in Siberia). The article concludes with statement of the high importance of the reform activity of N.H. Bunge, S.Y. Witte, P.A. Stolypin and their role in establishing communications between the European, Siberian and Far Eastern regions of Russia, in raising the level of economic and cultural development of Siberia and strengthening the reputation of the Russian Empire as an industrial power.

Keywords: Siberia, interaction of the center and the region, settlement, education, culture, S.Yu. Vitte, P.A. Stolypin, N.Kh. Bunge

For citation: Rogachevskaya, M.A. Russian Statesmen of the Late 19th – Early 20th Century on Socio-Economic Problems of the Development of Siberia. Russia: Society, Politics, History. 2022. No. 4(4). pp. 118-141.

Введение

Сибирь вошла в состав Российского государства в XVI в. Осваивалась она медленно, будучи малонаселённой, удалённой от центральной России и трудно достигаемой территорией. Новгородцы, занимавшиеся пушным и рыбным промыслом, уже в XII в. знали о Сибири. Их путь в Зауралье лежал по южному берегу Карского моря, достигая реки Таз, впадающую в Обскую губу. С конца XII в. племена Югорской земли платили дань Великому Новгороду мехами, моржовой костью, морским зверем, рыбой. Вели они и меновую торговлю, получая взамен металлическую утварь, металлические наконечники для стрел. Дорога в северную Сибирь была хорошо освоена новгородцами.

Позже, начиная с XVI в., вслед за землепроходцами, открывавшими новые территории и вступавшими в торгово-промысловые отношения с коренными племенами, шли государевы люди. Русское государство целенаправленно стало подчинять себе живущие в Сибири племена. Поскольку основным занятием сибиряков была охота, то подчинённое население должно было платить установленный ясак, поступавший в царскую казну. Сложившиеся равноправные, на первый взгляд, торговые отношения, между российским правительством и сибирскими племенами таёжной и тундровой зоны, сменились колонизационными. Сибирь стала поставлять царской казне разнообразную ценную пушнину, важнейший экспортный русский товар. Высоко ценимые меха правительство использовало и в представительских целях. Долгое время правительство рассматривал Сибирь только в качестве кладовой, из которой можно было брать «мягкого золота», сколько требуется, не оказывая ей встречного внимания.

Европейская часть страны соединялась с Сибирью Московским трактом. По нему ехали служилые люди, везли почту. Интенсивно пользовались трактом торговцы. Из Сибири вывозили меха, в XVIII в. к ним добавились драгоценные камни, золото и серебро. В конце XIX в. стали вывозить пшеницу, сливочное масло. В Сибирь везли необходимые сибирякам товары. Тракт служил дорогой для самовольных и вынужденных переселенцев. Правительство строило остроги для служилых людей. В них могли селиться и вольные люди, занимавшиеся земледелием, промыслами и торговлей. Создавались почтовые станции, постоялые дворы для проезжающих. Вблизи станций появились деревни, жители которых обслуживали путников. Так было до начала преобразований, осуществляемых Петром I.

На Урал и в Сибирь посылались экспедиции с целью изыскания залежей драгоценных металлов – золота и серебра. Объявленная в 1719 г. «Горная привилегия», давала свободу искать любые руды всем, на всех землях, а также плавить

 ISSN 2782-621X (Online)

всякие металлы. Особое внимание обращалось на поиск золота и серебра, металлов, необходимых для проведения денежной реформы. Идеи Петра I успешно развивал М.В. Ломоносов, моделируя национальное производство. Большое значение придавал он развитию металлургии и металлообрабатывающей промышленности. «Металлы, – пишет он, – подают укрепление и красоту важнейшим вещам, в обществе потребным. ...Ими защищаемся от нападения неприятельского, ими утверждаются корабли. …Военное дело, купечество, мореплавание и другие государственные нужные учреждения неотменно требуют металлов» (5, с. 15).

С горечью писал он: «В сибирских земных недрах пространно и богато царствует натура... но искать сокровищ некому, – металлы и минералы сами на двор не придут, их искать надобно» (5, с. 261). Учёный обосновывал развитие металлургической промышленности, непосредственно зависящей от горнодобывающей, а та, в свою очередь, определяется степенью изученности недр. У него не вызывало сомнений, что Сибирь богата полезными ископаемыми. Но их поиск был сопряжён с трудностями, обусловленными объективными причинами: низким научным уровнем развития минералогии и геологии, недостаточным знанием поиска руд, а также «малолюдством» территории Урала и Сибири.

«Малолюдство» Сибири стихийно преодолевалось самовольным переселением крепостных крестьян, вызванным индивидуальными обстоятельствами, старообрядцев и т.п., оседавших на богатых землях, а также принудительным – каторгой и ссылкой. Оно незначительно сказывалось на пополнении численности населения.

В 1725 г. А.Н. Демидов[1] положил начало горной промышленности на Алтае, открыв в 1725 г. Колывано-Воскресенский рудник, а затем Барнаульский и Шульбинский медеплавильные заводы. В результате стало возрастать население Сибири за счёт переселяемых заводских крестьян, приписанных к заводам, административных ссыльнопоселенцев. В 1736 г. Колывано-Воскресенскому заводу отдали «навечно» всех пришлых, обучившихся плавильному мастерству. По указу от 1727 г. Демидов получил право выплавлять любые металлы, включая золото и серебро. В конце 1743 г. на Алтае были выплавлены первые 27 фунтов 80 золотников «чистою натурою серебра». В 1744 г. на Колывано-Воскресенском заводе было организовано сереброплавильное производство.

В центральной России постепенно стал распространяться слух о богатых, не мерянных землях в Сибири. После отмены крепостного права люди самовольно

1 Демидов Акинфий Никитич (1678–1745), владелец рудников и заводов на Урале. В 1740 г. императрица Елизавет Петровна за «Размножение заводов» пожаловала Ак. Демидова чином статского советника, а в 1742 – действительного статского советника. А. Демидов, его братья и наследники в 1726 г. были возведены в дворянское достоинство. В 1747 г. все демидовские горно-металлургические заводы были выкуплены в казну.

потянулись за Урал. Из года в год число переселенцев возрастало, а вместе с этим возрастали и случаи смерти переселенцев в пути. Это привело к необходимости государственного вмешательства в этот процесс. Сведения о месторождениях в Сибири золота, серебра и других металлов привлекли к их добыче отечественных и иностранных предпринимателей.

В советское время развитию Сибири послужила индустриализация. Появились новые промышленные города. Темпы развития сибирской промышленности были ниже, чем в Европейской России, что негативно выявилось в годы Великой отечественной войны. Так, численность населения Сибири возросла более чем на 1 млн человек за счёт эвакуированных из временно оккупированных западных районов страны. Приток населения в Сибирь усилился вследствие депортации этнических групп, главным образом, немцев Поволжья и калмыков. Эвакуированные предприятия размещались на площадках местной промышленности и в чистом поле. Они и стали основой будущего развития региона.

В послевоенный период естественно возникло возвращение части эвакуированного населения в прежние места проживания. Сибирь снова стала трудонедостаточным регионом. Развитие оборонной промышленности вдали от границ, сооружение нефтегазового комплекса в Западной Сибири, строительство Байкало-Амурской магистрали, гидроэлектростанций в Восточной Сибири и др. привело к потребности в рабочих ресурсах в зонах нового промышленного освоения. Функционировавший оргнабор, общественные призывы обеспечили новые предприятия и стройки рабочими необходимой квалификации. Распределение выпускников учебных заведений направляло в Сибирь руководителей производства. С течением времени наряду с притоком стал наблюдаться отток населения, как следствие низкого уровня приживаемости новосёлов. Сибирь превращалась в регион интенсивного миграционного оттока.

В Сибири вновь стало формироваться состояние трудонедостаточного обеспечения, метко названного М.В. Ломоносовым как «малолюдство». Но Сибирь – не окраина, не место каторги и ссылки, не колония, а обладающая огромным экономическим потенциалом территория Российской Федерации. На карте Сибири ещё много «белых пятен», подлежащих комплексному исследованию и заселению. Возникает необходимость введения в экономический оборот новых территорий на основе государственного подхода к решению многофакторной задачи. Главным критерием оптимальности может служить достижение комфортных условий, в которых человек (главная производительная сила) живёт, работает, отдыхает, обладает условиями, необходимыми для собственного и своих детей разностороннего физического и культурного развития, а также имеет возмож-

 ISSN 2782-621X (Online)

ность посетить интересующие его места как в своём так и в других государствах.

О социально-экономическом состоянии Сибири и её значении для развития России, ставили проблему и делали попытку её решить, государственные деятели, жившие в конце XIX – начале XX веков. Они мыслили государственными категориями, ставя во главу угла место и значение России в мировом сообществе.

Материалы и методы исследования

Исследование строилось на основе изучения исторической литературы, включая мемуарные источники, региональные энциклопедические материалы. В работе применялся метод хронологического сопоставления, дополняемый статистическими сведениями.

Результаты исследования

Н.Х. Бунге о перспективе развития Сибири

Сибирь в XIX в. уже не была terra incognita. Стало очевидным её экономическое и политическое значение в России. Заслуга в изменении статуса Сибири и её роли в укреплении российского государства принадлежала Николаю Христиановичу Бунге. Своей деятельностью на посту министра финансов, а позже и председателя Кабинета министров (1881–1895 гг.), Н.Х. Бунге заложил основы преобразований Сибири, которые будут реализованы его преемниками – С.Ю. Витте и П.А. Столыпиным.

Формировался новый регион России, не окраина, не колония, а неотъемлемая её часть. Находясь ещё в начале пути к развитию собственной добывающей и производящей экономики, Сибирь придала ускорение экономическому возвышению России. Предвидение М.В. Ломоносова, что «могущество Российское прирастать будет Сибирью», становилось реальностью.

Экономист-теоретик, профессор политической экономии и бывший до 1860 г. ректором Киевского университета, Н.Х. Бунге, сопоставив экономическое состояние наиболее развитых государств, обнаружил, что Россия утрачивает свои позиции. В начале XIX в. Россия находилась на 3-ем месте в Европе и в мире (после Великобритании и Франции), но к его концу картина изменилась: Германия оттеснила её на 4-е место в Европе, а США отодвинули Россию на 5-е место в мире (7, с. 108–118).

Вводя в 1880 г. профессора Бунге в правительство, император Александр II, поручил ему составить программу экономического развития России. Бунге выполнил поручение, разработав программу экономического роста: создание независимой национальной системы народного хозяйства; обеспечение целесообразного покровительства отраслей промышленности; перевод денежной системы на золотой стандарт. Император был удовлетворён, но осуществить программу ему не пришлось.

Александр III, став императором, в мае 1881 г. назначил Н.Х. Бунге министром финансов. В течение шести лет пребывания на этом посту, Бунге осуществил ряд важнейших мероприятий. Его попытка дать крестьянам возможность решать свою судьбу, а также улучшить положение рабочих, привела к возникновению недовольства у предпринимателей и землевладельцев. В конце 1886 г. они вынудили Бунге подать в отставку. Однако император, приняв просьбу министра финансов об отставке, назначил его председателем Кабинета министров.

Двумя годами раньше, Александр III поручил Бунге быть наставником цесаревича и прочитать ему курс лекций по экономическим дисциплинам. Бунге разъяснял наследнику значение для России реформ 1860-х гг., прививая ему либеральные идеалы. Этим он заслужил симпатию и уважение своего ученика. Бунге внушал цесаревичу Николаю Александровичу, что решающее значение в подъёме сельского хозяйства принадлежит крестьянскому землевладению. Оно будет способствовать подъёму земледелия, тогда как зависимость крестьян от сельской общины ведёт его к упадку. Доверяя мнению Бунге, Александр III способствовал принятию постановления, направленного на расширение помощи крестьянам со стороны Крестьянского банка.

Тогда же возникло и стало набирать силу стихийное переселение крестьян в Сибирь. Не имея поддержки и защиты со стороны государства, такие переселенцы часто терпели крах. Необходимо было приступить к выработке законодательства, регулирующего перемещение крестьян из одних губерний в другие.

Николай Христианович обращает внимание императора и общественности на то, что освоение Сибири достигло весьма незначительных результатов по сравнению с её возможностями. Император решил предоставить кабинетские[2] земли Алтайского горного округа для устройства переселенцев, направляющихся в Сибирь. Создавались реальные условия, способствовавшие экономическому преобразованию этого региона. Земли, освоенные выходцами из России, соседствовали с землями традиционного проживания коренных сибирских народов.

2 Земли (около 67,8 млн га), принадлежавшие на правах частной собственности членам царской фамилии и управлявшиеся Кабинетом его величества.

 ISSN 2782-621X (Online)

В Сибири господствовало общинное землепользование, вызванное тем, что путь за Урал был труден. Переселенцы шли большими группами. Если им сопутствовала удача в Сибири в поисках удовлетворяющего их места, то они и селились вместе, образуя общину. При редком расселении и обилии свободных земель каждый мог захватить в своё пользование столько земли, сколько он желал и мог освоить. Пришедшие из европейской России переселенцы говорили: «селись – где хочешь, живи – где знаешь, паши – где лучше, паси – где любче, коси – где густо, лесуй – где пушно». Постепенно за Уралом осваивались степные, лесостепные земли и притаёжные участки.

Положение изменилось, когда в европейской части России избыток населения стал хроническим. В 1889 г. правительство приняло переселенческий закон, утвердивший и облегчивший возможность переселения крестьян в Сибирь. Но поскольку участки для переселенцев специально никем не подготавливались, а казна выделяла незначительные средства, положение переселенцев было тяжёлым. Чаще всего из центральных густонаселенных губерний переселялись многодетные крестьяне среднего достатка, которые умели и хотели работать, но в условиях общины не могли улучшить своё положение.

Политика общинного землепользования, проводимая в Сибири, характеризовалась отсутствием твёрдой земельной нормы, допускающая развитие «заимочной»[3] предприимчивости крепких хозяев. Заимки представляли собой форму единоличного землевладения, выходящую за пределы общины.

Анализируя на склоне лет сложное положение в стране, Бунге, думая о будущем России, решил подготовить памятную записку Александру III о важных делах, требующих особого внимания правительства. Нацеленная на повышение авторитета России в мире, она была посвящена сложившемуся состоянию политической, экономической и социальной сферы. Назвал он её «Загробные заметки».

На первое место в «Заметках» Бунге поставил переселенческое дело. «Государство обладает громадными пространствами земли в Сибири, – писал он. Отмежевание некоторой части этих земель и нарезка участков для крестьян, желающих поселиться целыми деревнями …или отдельными дворами, составляет настоятельную потребность». Он предостерегал императора от излишней поспешности: «Переселение составляет дело трудное, требующее большой осторожности, ибо передвижение масс поселян может быть сопряжено с большими денежными расходами и потерей населения, гибнущее от перемены климата и от

3 Заимкой назывался дополнительный промысловый или охотничий участок, принадлежавший богатому крестьянину.

недостаточной обеспеченности на новых местах. Поэтому следовало бы начать не с оглашения общей меры, а с отвода мест для устройства на них поселений в условиях, наиболее благоприятных, и начать переселение желающих из местностей, в которых крестьяне терпят нужду, предоставляя переселенцам льготы и пособия от казны». Жизненный опыт Н.Х. Бунге, приобретённый во время его педагогической и ректорской деятельности в Киевском университете, побуждал продумывать условия, при которых будет происходить перемещение крестьян, обременённых запасом продовольствия, домашними вещами, инвентарём, живностью и пр. В пути могут произойти всякие события и происшествия, требующие больших денежных затрат, которых у крестьян имелось мало. Переселенцев подстерегают в пути болезни, вызванные разными причинами. Долгий путь, завершившийся в неосвоенном месте, тоже будет связан с затратами на обустройство жилья и хозяйства.

Необходимо издание законов, гарантирующих переселенцам владение приобретённых ими земельных наделов. Без этого задача освоения окраин империи останется невыполнимой (1, с. 198).

В «Загробных заметках» Бунге обращает внимание на негативные последствия сдерживания распространения частной земельной собственности в Сибири, сказывающееся на её медленном заселении. Он говорит, что правительства США и Канады в течение одного столетия довели колонизацию и железные дороги до Тихого океана, а у нас, несмотря на отправление массы людей на поселение в Сибирь в течение двух столетий, Сибирь остаётся Сибирью, страной дикой и недоступной, куда поселенцы идут и откуда возвращаются потому, что нет твёрдого порядка и правил относительно приобретения земель (1, с. 232).

Не менее важным является достижение взаимопонимания «ведущей нации, осваивающей окраину с населением окраины». Для объединения коренной России с её окраинами необходимо русскому населению самому овладевать языком и обычаями окраин, а не насаждать там своих. С этой целью следует, прежде всего, «изучить народный быт и обычаи окраины страны, сохраняя его». Это важно потому, что в Сибири живёт много племён, с которыми необходимо жить в уважении и дружбе (1, с. 211).

Государственный язык как язык господствующего народа и его интеллигентных классов должен проникать в массы через образование, в народных школах. Это видно в городах многих наших окраин. Русский язык там усвоен разноплеменным населением (1, с. 214).

Бунге подчеркнул актуальность заселения, колонизации неосвоенных окраин империи, что «необходимо на границах для противодействия наплыву иностран-

 ISSN 2782-621X (Online)

цев» (1, с. 236).

«Не следует забывать, что русская государственная власть не должна господствовать на окраинах как власть завоевателя, а как власть, которую всё население считает дарованным ему благом» (1, с. 269).

Мысли Николая Христиановича Бунге не утратили своего значения и для нашего времени, они по-прежнему актуальны для Сибири.

С.Ю. Витте о необходимости защиты поселений в Сибири и на Дальнем Востоке

Сергей Юльевич Витте (1849–1915), крупный государственный деятель, воспринял многие идеи Бунге, продолжая по ряду направлений его политику. Мысль о необходимости соединении Европейской России и Сибири удобным транспортным путём высказывалась ещё в середине XIX в. генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым-Амурским, а также представителями промышленных и торговых кругов. Было ясно, что железная дорога необходима для защиты русских владений на Дальнем Востоке. В 1887 г. начались изыскательские работы по трассе будущей дороги. Но часто возникавшие на местах административные трудности вызвали сомнение в осуществлении грандиозного проекта. Чтобы наладить дело, Александр III назначил министром путей сообщения Сергея Юльевича Витте. Император знал, что Витте, сможет воплотить этот проект в жизнь.

Наступила очередь Витте обратить взор к Сибири. Не теряя темпа, он принял эстафету из рук Бунге. Ему было ясно, что постройка дороги обеспечит колонизацию обширных пространств Сибири, оживит территорию, прилегающую к рельсовой линии, и решит задачу устройства быта малоземельных крестьян Европейской России путём их переселения (2, с. 299–300).

Принятый в 1889 г. переселенческий закон облегчил возможность перемещения крестьян. Но это была только номинальная возможность. Подъём Сибири нуждался во включении Сибири в народнохозяйственный комплекс страны. Европейская промышленность получала одновременно источник дешёвого сырья и рынок сбыта своей продукции.

Начало строительства Сибирской железной дороги и учреждение в 1892 г. Переселенческого управления во главе с А.В. Кривошеиным, придало переселению целенаправленный характер.

По предложению Витте был создан Комитет Сибирской железной дороги под председательством цесаревича Николая, которому вменялась в обязанность координация деятельности многих ведомств. Практическую реализацию

деятельности Комитета император возложил на Н.Х. Бунге, назначив его вице-председателем (2, с. 294–295). Теперь административные проблемы решались достаточно быстро и полно.

Транссибирская магистраль стала катализатором экономического развития и Сибирского региона, и страны в целом. «Этим оживлялась великая наша сибирская окраина». Россия приобретала новые возможности увеличения своего политического и экономического веса в мировом сообществе (2, с. 300).

Рабочих рук для строительства дороги в малолюдной Сибири не хватало, что вызвало необходимость ускорения приезда строителей. Вопрос о переселении крестьян из Европейской России в Сибирь на строительство Транссибирской дороги бурно обсуждался на заседании Сибирского комитета. Возражений было много. «Лишь благодаря авторитетному мнению Н.Х. Бунге, – отметил Витте, – он был поддержан председателем Комитета, наследником цесаревичем» (2, с. 300).

Избыточное население центральных губерний России, Украины, Поволжья, Белоруссии и Балтийского края направлялось в Сибирь. Витте обратил внимание царя и правительства на экономическое значение Великого сибирского пути. Преодолевалась разобщённость Сибири и Европейской России: «Сибирь, будучи частью России, не была участницей России в её культурных и экономических успехах, она как бы застыла в своей вековой неподвижности. <…> Желательно связать постройку дороги с колонизацией обширных пространств Сибири, способствуя таким путём и оживлению района рельсовой линии и решению задачи устройства быта малоземельных крестьян Европейской России». Возникла идея создания «цепи деревень от Урала до Тихого океана» (4, с. 116).

На строительстве, кроме крестьян, работали солдаты, казаки, ссыльные. Если в начале строительства (1891 г.) на дороге работали 9 600 человек, то в его разгар (1895–1897 гг.) численность работавших достигала 84–89 тыс. человек. А к концу строительства (1904 г.) на дороге остались всего 5,3 тыс. человек. Часть бывших строителей стали железнодорожниками, приобретя соответствующую специальность. Другие искали применения своим рукам на ином поприще.

Не только строительство и обслуживание Транссиба требовало десятков тысяч рабочих рук. В них нуждались все отрасли экономики, связанные с обеспечением строительства: сельское хозяйство увеличило производство продовольствия, расширилось изготовление транспортных средств (телеги, сани и пр.), пошив одежды, обуви, строительство жилья, производство шпал, возросла заготовка топлива для подвижного состава. Всё это требовало постоянного увеличения числа рабочих. По мере продвижения строительства железной дороги от Челябинска на Восток к Омску, Ново-Николаевску и далее, росло число са-

 ISSN 2782-621X (Online)

мовольных переселенцев. Переселение, способствовавшее хозяйственному освоению новых территорий и развитию их производительных сил, стало реально осуществляться благодаря решительной деятельности С.Ю. Витте[4].

Став в 1892 г. министром финансов, он обратил внимание на низкие темпы роста доходной части бюджета. Анализ состояния аграрного сектора экономики, обнаружил процесс расслоения крестьянской общины. Земля сосредоточивается в руках меньшинства сообщинников, тогда как большинство их пролетаризируется. Временность владения наделом в условиях общинного землепользования препятствует улучшению агрокультуры. Лишь крестьянин, собственник земли, заинтересованный в улучшении её качества, может способствовать экономическому подъёму деревни.

Убеждённый в необходимости поднять эффективность земледелия европейской части России, Витте в конце XIX в. начал подготавливать аграрную реформу, рассматривая её как архимедов рычаг для подъёма экономики империи. Разрабатывая основные положения реформы, он инициирует в 1902 г. создание «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Но осуществить свои идеи ему не пришлось: он был отправлен в отставку. Его идеи, а также собранные «Совещанием» материалы, равно как и переселенческая программа, лягут в основу новой аграрной политики, которую будет проводить П.А. Столыпин, пришедший Витте на смену.

П.А. Столыпин о значении политического и экономического развития Сибири для роста могущества России

Петру Аркадьевичу Столыпину (1862–1911 гг.) предстояло завершить преобразования, начатые Бунге и Витте, получившие название: «столыпинской аграрной реформы». Основными её элементами являлись крестьянское землеустройство, освоение Сибири и Дальнего Востока.

Столыпин был убеждён, что главной причиной неустройства деревни являлось сохранение общинного землевладения, затрудняющее улучшение агротехники, вследствие переделов земли. «Сегодня этот надел мой, а завтра он может перейти к другому, – полагали крестьяне, – для чего я буду стараться». Поэтому «улучшать землю никто и не хочет» (10, с. 226).

Стремясь ускорить проведение аграрных преобразований, Столыпин использовал материалы, подготовленные Витте: 1) признание надельных земель личной собственностью их владельцев; 2) установление порядка выхода крестьян из обществ с выделением им участков из состава общинных земель. Столыпин

4 В правительственных документах отмечалось, что дорога экономически могла оправдать себя, только при условии достаточного заселения и развития прилегающих к ней районов.

написал царю записку с предложениями о перемене в крестьянском быте. В ответ – молчание. Нужна была революция 1905 г., чтобы Николай II убедился, что дольше откладывать решение о земле нельзя. Проходившее 10 октября 1906 г. под председательством П.А. Столыпина заседание Совета министров одобрило принцип свободного выхода крестьян из общины. Царь согласился с этим.

9 ноября 1906 г. Столыпин подписал исторический указ, освободивший крестьян от власти общины. Получив землю в частную собственность, а также паспорта, они могли теперь сами распоряжаться своей судьбой (8, с. 204). В России начиналась экономическая, бескровная, но самая глубокая и подлинная революция. «Пусть собственность эта будет общая там, где община ещё не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная». Крестьяне укрепляли землю в частную собственность (10, с. 231).

К этому времени избыток населения в европейской части России уже стал хроническим. Предлагаемые П.А. Столыпиным аграрные преобразования, были своевременны. В качестве одного из важнейших направлений они предусматривали организацию массового переселения крестьян из европейской части России в Сибирь и на Дальний Восток. Выступая в качестве председателя Совета министров на заседании Государственной думы, Столыпин отметил: «Государь повелел передать крестьянам земли удельные и кабинетные на началах, обеспечивающих крестьянское благосостояние» (3, с. 177).

Организация массового переселения крестьян в Сибирь привела к необходимости в 1906 г. реорганизовать Переселенческое управление. В Сибири выделялись особые переселенческие районы, в каждом из которых создавались специальные пункты, имевшие в своём распоряжении землеотводные, гидротехнические и дорожные партии, склады сельскохозяйственной техники, агрономические отделы, свои школы и больницы. Столыпин был убеждён, что заселение, отвечающее интересам страны, важнее переселения. Сибирь заинтересована в заселении экономически крепкими хозяевами, надёжными поставщиками сельскохозяйственных продуктов. Координируя производственную и социальную деятельность на местах, эти пункты становились ядром будущих административных органов.

Переселенческое управление следило, чтобы вновь приезжающие селились на специально отведённых для них свободных участках земли, а не в сёлах старожилов, не допуская столкновения между ними. Процесс водворения на местах не всегда шёл гладко. Возникали сложности, о которых раньше не подозревали: численность переселявшихся и темпы переселения превышали темпы подготов-

 ISSN 2782-621X (Online)

ки участков к заселению; недостаточно было квалифицированных чиновников для подобной работы. Это приводило к нарушениям порядка заселения: в ряде мест не успевали готовить участки, проводить к ним дороги, переселенческие пункты ещё строились, а переселенцы уже прибыли. Кроме того, установленная ссуда в 150 руб. была слишком мала. Часто ссуды выдавались не сразу в полном объёме, а весьма незначительными частями, что лишало их экономической значимости.

В результате процесс вживания оказался более трудным, чем предполагалось. Переселенцы, прибывшие из различных мест европейской части России, встретились в Сибири с непривычными для них климатическими и погодными условиями, что ставило их в тупик. Для Сибири характерно погодное непостоянство: устойчивые и продолжительные зимние холода, возвратные весенние и ранние осенние заморозки. Засухи повторяются примерно через три года на четвёртый, а наиболее сильные – через 10 лет, часто бывая двухгодичными. Такие сильные засухи наблюдались в 1900 и 1901 гг., 1910 и 1911 гг. Переселенцы, приехавшие в период проведения столыпинской реформы в 1908 г. и позже, ещё не успели обустроиться, обжиться, как испытали на себе отрицательные последствия двух засушливых лет. Засуха охватила плодородные округа: Славгородский, Омский, Рубцовский и другие. Не владея техникой сухого земледелия, переселенцы пострадали больше местных. Требовалось знание иных приёмов агротехники. Многие переселенцы, разорившись из-за этого, возвращались в родные места.

Бóльшая часть обратных переселенцев приходилась на категорию самовольных: их удельный вес за двадцатилетний период колебался между 43–87%, тогда как в прямом движении «самовольцы» составляли 30–45%. Из числа водворённых на участки за период 1909–1914 гг. уехали только 9,2%.

Причин возврата переселенцев множество: недостаток земельных участков и их реальное качество; трудности освоения новых земель, особенно в притаёжных районах; несоответствие сибирских погодно-климатических условий, к среднеевропейским; произвол чиновников и личные мотивы.

Столыпинское переселение, осуществлявшееся 8 лет, превысило предыдущий более, чем сорокалетний период в 1,7 раза. За период 1861–1905 гг. в Сибирь переселились примерно 1 820 тыс. человек, а за 1906–1914 гг. – 3 040 тыс. человек, всего: 4 860 тыс. человек. Остались в Сибири – 3 694 тыс. человек. Они, вместе с коренными жителями Сибири, а также переселившимися ранее людьми и оставшимися в Сибири строителями железной дороги, образовали тот человеческий потенциал, который вдохнул новую жизнь в этот огромный сказочно богатый край.

Основу подъёма экономики Сибири Столыпин видел в земледелии. Его заботило положение крестьянства. Обращаясь к депутатам Государственной Думы, он указывал: «Мы призваны освободить народ от нищенства, от невежества, от бесправия. …все силы законодателя и правительства должны быть обращены к тому, чтобы поднять производительные силы единственного источника нашего благосостояния – земли. Земля – залог нашей силы в будущем, земля – это Россия» (10, с. 267-268).

Посетив Сибирь в период проведения реформы, П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин[5] пришли к выводу, что в Сибири следует осуществить и укрепить частную собственность на землю. Необходимо устранить титул государственной собственности для земель, отводимых в наделы старожилам и переселенцам. Следует отменить «общинно земельные порядки в Сибири» на основе указа от 9 ноября 1906 г. и закона от 14 июня 1910 г. о праве выхода крестьян из общины. Обращаясь к Думе, Столыпин говорил: «Правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, так как, где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода (9, с. 24-25).

В Сибири реально складывались экономические условия, способствующие развитию сельского хозяйства. Рынок труда возрастал в соответствии с темпами переселения. Увеличивалась численность неземледельческого населения, – рынок сбыта для сельского хозяйства. Рост спроса на хлеб привёл к расширению посевных площадей.

Если взять размер посевных площадей, обрабатываемых в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях в 1901–1905 гг. за 100%, то в 1906–1910 гг. обрабатывалось уже 122,9%, а в 1913 г. – 194,1%. За 13 лет хлебное поле возросло почти вдвое, а под пшеницей – в 2,5 раза. За этот же период, по тем же районам рост валового сбора зерна составлял соответственно 129,1 и 193%, а пшеницы – 139 и 231,3%.

Возникшая потребность в орудиях и машинах для обработки почвы, посева, уборки урожая и его переработки, обусловила развитие соответствующих отраслей промышленности. Непосредственно с зерновым производством связана мукомольная промышленность, имевшая большое значение для сибирской экономики. В своём развитии она прошла два этапа. Рубеж – проведение Сибирской железной дороги. В первый период производство муки имело местное значение. Железная дорога, включив Сибирь в продовольственный оборот страны, открыла для неё широкий рынок. Мукомольная промышленность стала сферой приложе-

5 А.В. Кривошеин, главноуправляющий землеустройством и земледелием. После смерти Столыпина настойчиво продолжал осуществлять его замыслы вплоть до октября 1917 г.

 ISSN 2782-621X (Online)

ния крупных капиталов. Доказательством этого явилось развитие Ново-Николаевска (Новосибирска), нового центра мукомольного производства, возникшего в период 1905–1914 гг. Сибирская мука шла на Запад, в столицы и на экспорт.

Особое значение приобрело маслоделие. Земельные просторы, хорошие кормовые угодья и водопои обеспечили развитие в Сибири молочного скотоводства. По Московскому тракту ежегодно вывозилось до 5–6 тыс. тонн топлёного масла. Железная дорога вызвала развитие маслоделия. Иностранцы скупали масло, продавая взамен сепараторы и полное оборудование для маслозаводов. Началось быстрое строительство маслозаводов: если в 1897 г. их было 51, в 1900 – 275, в 1906 – 1474, то в 1913 – уже 4093! За короткий период (1901–1917 гг.), Сибирь заняла одно из первых мест среди стран-экспортёров сливочного масла. В 1913 г. только из Сибири было вывезено 96 тыс. пудов сливочного масла, больше, чем вывозила Дания, главный мировой поставщик масла. Большую роль в этом вывозе сыграло ведомство Кривошеина, пустившее специальные «масляные» поезда, состоявшие из вагонов-ледников (4, с. 29).

Железная дорога и переселенчество послужили катализатором для развития рыночных отношений в Сибири. Рынок труда возрастал по мере повышения темпов переселения. Среди пришлого населения многие крестьяне, не сумев приспособиться к сибирским условиям, становились источником наёмного труда для сельского хозяйства, развивающейся промышленности, торговли, транспорта, строительства. К ним добавились и те, кто ехал в Сибирь, не собираясь хозяйничать на земле.

Постройка Сибирской железной дороги оказала существенное влияние на преобразование золотодобычи на промышленной основе. Стало возможным применение промывочных машин при добыче золота. Весной 1900 г. в Мариинском округе и в Южно-Енисейской тайге были установлены первые три драги, а в 1908 г. действовало уже 39 драг. Начали использовать паровую энергию для водоотлива и машин для извлечения золота из кварцитов.

Железная дорога способствовала развитию угледобывающей и лесоперерабатывающей промышленности. Спрос на уголь оттеснил золотодобывающую промышленность на второй план. Месторождения угля пролегали вдоль почти всей трассы магистрали, что снижал затраты на его транспортировку. Спрос на каменный уголь стал возрастать и в других отраслях народного хозяйства: в речном пароходстве, мукомольной, цементной и других отраслях. Расширялась сфера применения котлов и паровых машин. Рост потребности в угле привлёк крупные капиталы в эту отрасль. Шахтёрами становились высвободившиеся строители железной дороги, разорившиеся переселенцы, неудачливые старатели.

Трудней складывалась судьба чёрной металлургии. Трём небольшим заводам, продукция которых не удовлетворяла и малой части спроса в регионе на металл, пришлось вступить в конкурентную борьбу с уральским и южно-украинским чугуном и сталью. Маломощные сибирские предприятия, не сумев её выдержать, прекратили производство.

Возникшее в конце XIX в. лесопильное производство, значительно расширилось в годы столыпинской реформы. Переселенческое управление создавало лесные склады для обеспечения строительным лесом переселенцев в степных районах (4, с. 118). К 1914 г. лесоперерабатывающая промышленность Сибири насчитывала уже 87 заводов. Спрос предъявляла угольная, металлургическая, горнодобывающая промышленность, железнодорожный и водный транспорт; городское и сельское население.

Малонаселённость Сибири заботила Столыпина, опасавшегося экспансии южного соседа. На заседании Государственной думы 31 марта 1908 г. он поразил Думу, говоря о Сибири: «Отдалённая наша суровая окраина вместе с тем богата, богата золотом, богата лесом, богата пушниной, богата громадными пространствами земли, годными для культуры. <…> При наличии государства, густонаселённого, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной. В неё просочится чужестранец, если раньше не придёт туда русский, и это просачивание уже началось. Если мы будем спать летаргическим сном, то …когда мы проснёмся, может быть, край окажется русским только по названию. Сибирь надо обживать самим». Премьер обращает внимание депутатов: «Восток проснулся. Край этот нельзя огородить каменной стеной. Если мы не воспользуемся этими богатствами, то возьмут их другие. Без необходимых путей сообщения ни жить, ни заселять, изучать и осваивать эти области будет невозможно» (10, 247, 251).

Для иностранцев Сибирь являлась той благодатной страной, где вложение капитала вознаграждалось огромными прибылями. Иностранный капитал направлял свою деятельность в основном в горнодобывающую промышленность. На протяжении 1906–1914 гг. в различных районах Сибири работали геологоразведочные партии, принадлежавшие англичанам, французам, немцам, американцам и др. Российское правительство, не задумываясь, предоставляло иностранным промышленникам разрешение на проведение разведочных работ, а затем и на разработку месторождений золота, серебра, меди и других ценных полезных ископаемых. Правительство предполагало, что иностранцы будут осуществлять пионерные затраты, осваивая то или иное месторождение. Оно ошиблось. Иностранцы не стремились развивать экономику региона, а нацеливались лишь на быстрое обогащение своих владельцев. Они желали извлечь максимальные

 ISSN 2782-621X (Online)

доходы для себя, а потому их капиталы чаще всего были вложены в предприятия, уже налаженные русскими промышленниками. Из более, чем 20 компаний с иностранным капиталом, 6 действовало в золотопромышленности, в разработке медных руд – 3, в серебросвинцовых – 4. Регион вместе с Россией втягивался всё более возрастающими темпами в систему мировых экономических отношений.

Сибирь становилась доступной, а потому всё больше привлекала к себе внимание. Для того, чтобы реализовать планы собственного индустриального развития, следовало обеспечить создание социально-экономической сферы. Основа её была заложена ещё в период строительства железнодорожной магистрали, когда возникало множество рабочих поселков строителей. Некоторые из них, оказавшиеся на удобном месте, превратилась в города. Это – Новосибирск[6], Татарск, Черемхово, Боготол, и др. Переселенческая деятельность дала жизнь городам: Славгород, Черепаново, Называевская. Если по переписи 1897 г. на долю городского населения приходилось 9,2% от общей численности населения, то к 1917 г. этот процент возрос до 10,4%.

Большую цивилизаторскую миссию возложил Столыпин на Переселенческое управление. Прежде всего, внимание обращалось на медицинское обслуживание. Начало этой деятельности восходит к мероприятиям, разработанным ещё по указанию Витте, которые оказывались железнодорожным ведомством. К 1909 г., от Челябинска до Канска уже функционировали 11 врачебных и фельдшерских пунктов. К 1917 г. Переселенческое управление развернуло вдоль Транссиба 107 постоянных врачебных и 159 фельдшерских пунктов. Из них, в Томской губернии 22 и 24, в Тобольской – 16 и 30, в Енисейской – 17 и 11, в Дальневосточном крае – 15 и 39.

Переселенческие больницы были благоустроенными. Для них строились специальные здания, на их содержание отпускались большие средства, чем в земских больницах, медицинский персонал был лучше подготовлен и лучше оплачивался. Помощь они оказывали и новоселам, и старожилам, не делая различия между ними. И все-таки, уровень медицинского обслуживания в Сибири был недостаточным: в 1914 г. на 1 врача приходилось 17 220 жителей и 2 600 женщин на одну акушерку. Квалифицированные специалисты имелись только в крупных губернских центрах. Медицинских работников нехватало. В самой Сибири существовал единственный медицинский факультет в Томском университете, не могущий обеспечить потребности региона.

В Сибири остро стояла проблема грамотности и образования. Так, по пере-

6 Ново-Николаевск, возникший в качестве поселка на кабинетских землях, с большим трудом, на весьма кабальных условиях, добился выкупа земель через 10 лет после своего возникновения.

писи 1897 г. в Западной Сибири на 1 тыс. человек населения грамотными были 108 человек (в европейской части России – 229). Для создаваемых одноклассных и двухклассных начальных школ не оказалось учителей. Учительские семинарии учредили в Омске, Иркутске и Красноярске. Столыпин утверждал: образование должно быть народным. Он предполагал создать систему народного просвещения, включающую всеобщее начальное, среднее и высшее образование, а также широкую сеть профессиональных заведений, воскресных и вечерних школ для взрослых.

В рамках школьной реформы, утверждённой законом от 3 мая 1908 г., предполагалось ввести обязательное начальное обучение детей с 8 до 12 лет. В 1911 г. в Сибири действовало уже 5 197 начальных школ, на Дальнем Востоке – 671, что составляло соответственно 5,1% и 0,66% к числу начальных школ во всей Российской империи.

Среднюю школу представляли в 1906 г. 7 классических гимназий и 8 реальных училищ с общей численностью 5 369 учащихся. Были открыты и женские гимназии, но это являлось заслугой частных лиц.

В результате напряжённой работы администрации, приехавших специалистов, предпринимателей спустя 20 лет грамотных в Сибири стало уже 218 человек на 1 тыс. жителей, рост был больше, чем вдвое. Однако картина осталась удручающей: почти 80% неграмотного населения!

С целью оказания агрономической помощи переселенцам сформировали три параллельных агрономических организации: 1) общеагрономическая; 2) организация по молочному хозяйству; 3) переселенческая агрономическая организация, учреждённая в 1908 г. для обслуживания нужд переселенцев непосредственно агрономической помощью, и путём организации сети опытных полей и метеорологических станций. При них функционировали агрономические курсы и специальные сельскохозяйственные школы.

Осуществлялась идея П.А. Столыпина «об открытии на месте, в Сибири, сельскохозяйственных учебных заведений, которые могли бы подготовить нужных специалистов для правильной постановки агрономической помощи» (9, с. 27).

Переселенческое управление с 1905 по 1915 г. открыло три землемерных училища в Омске, Красноярске и Чите. В 1902 г. в Томске было создано техническое железнодорожное училище, позже такие же училища создали в Омске, Красноярске и Хабаровске. Появились первые коммерческие училища и торговые школы. В 1912 г. открыта учительская семинария в Ново-Николаевске, в последующие годы – в Минусинске, Нижне-Удинске, Чите. Первый учительский институт для подготовки учителей городских школ учредили в Томске, а затем в Иркутске и Омске.

 ISSN 2782-621X (Online)

Стало возможным получить высшее образование в Сибири, в Томском университете, основанном в 1888 г., и в Сибирском технологическом институте, созданном также в Томске в 1900 г.

Сибирская железная дорога, облегчившая переселение, привлекла в Сибирь помимо крестьян и другие слои населения, объективно способствуя развитию культуры региона. Медленно, но неуклонно преодолевалась разобщенность культурных центров, разбросанных по разным местам Сибири. Несмотря на сложности, шло становление периодической печати. Уже в 1908 г. в 20 городах, от Тобольска до Владивостока выходило 76 газет. Получило развитие книгопечатание. Если в 1908 г. было издано 82 книжных названия, то в 1913 г. – 391, общим тиражом 230 тыс. экземпляров (но лишь 1,1% общего числа российских изданий). Кроме этого, в 1913 г. издавалось в 23 городах 53 журнала и 88 газет. Находилась на подъёме книжная торговля. Помимо частных книжных лавок открывались книжные магазины и склады Общества попечения о народном образовании. С 1912 г. начинают работать отделения центральных издательств и книготорговых фирм: Сытина, «Просвещения», «Деятеля». Спустя два года книжная торговля существовала уже почти во всех городах Сибири. В магазинах Макушина[7] в Томске имелся достаточно широкий подбор книг, представляя свыше 40 тыс. названий.

Сибирские писатели и общественные деятели получили возможность высказывать в местной печати свои суждения о проблемах Сибири, адресуясь к тем, кого они непосредственно касались. Характерно, что литература, описывающая условия жизни населения во всей сложности переплетения судеб коренного и пришлого населения, здесь не носила экзотического характера. Сибирские читатели происходили от самовольных и ссыльных переселенцев прошлых веков; от каторжан, осевших в Сибири; от политических ссыльных. Многие из них, связав свою жизнь с этим краем, несли ему культуру и знания. Переселенцам новой формации художественная, публицистическая и научная литература показывала их новую родину, высвечивая её различные, хотя и не всегда светлые стороны.

Столыпин был убеждён, что только просвещённая трудолюбивая целеустремлённая личность, сознающая свои права, свободы и одновременно свою ответственность, могла быть движущей и созидательной силой, способной сделать Россию великой державой. (13, с. 33). Неоднократно он высказывал эту мысль с трибуны Государственной думы.

Пётр Аркадьевич хорошо понимал, что для осуществления реформы было необходимо значительное время. Он говорил: «Дайте государству двадцать лет

7 Макушин Петр Иванович (1844-1926) – один из пионер ов книжного дела и просвещения в Сибири, книготорговец, общественный деятель. Был организатором многих культурно-просветительских учреждений, издателем газет «Сибирская газета» и «Сибирская жизнь».

покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». Но ни Россия, ни он сам, этого времени не получили.

К сказанному можно добавить, что о самом Петре Аркадьевиче Столыпине и реформе, проведённой по его инициативе, возникло множество противоречивых суждений. Но, несомненно, одно: этот человек был нужен России. Он пришёл тогда, когда потребовались государственные решения для незамедлительного экономического подъёма России и экономического освоения Сибири, роста её значения в общероссийском масштабе, когда было необходимо добиться укрепления и увеличения могущества страны и её авторитета в Европе и мире.

В Сибирь ехали русские, украинцы, белорусы, латыши, евреи, татары, люди других национальностей. Селившиеся вместе переселенцы одной национальности, старались сохранить свою культуру, быт, обычаи. Тем не менее, все они постепенно становились сибиряками, приобретая черты, порождённые сложностями жизни в этом достаточно суровом краю, вырабатывавшим у них сибирский характер (6, с. 148-149). Выдержавшие трудный путь, освоившиеся с условиями жизни в выбранном месте, люди обретали черты сильного, независимого, великодушного человека.

Находившийся в начале XX в. в России французский экономический обозреватель Эдмон Тэри, осуществил объективный анализ темпов её социально-экономического развития. В работе «Россия в 1914 году» он заметил о Сибири следующее: «…Сибирь, добрая половина которой, не говоря о минеральных богатствах, представляет первоклассные сельскохозяйственные угодья, которые, чтобы сделаться центрами крупного производства, ожидают лишь путей сообщения… и обитателей!» (12, с. 158). Он дал высокую оценку деятельности Витте и особенно Столыпина, обеспечивших ускоренное развитие России.

Выводы

В конце XIX – начале XX в. произошло значительное ускорение развития России в экономическом и социальном отношении. Оно было обусловлено проведением ряда мероприятий государственного значения. Крестьяне получили право выхода из общины и возможность переселения; введён золотой монометаллизм, укрепивший рубль; начала осуществляться индустриализация; построена транссибирская магистраль; началось целенаправленное включение Сибири в народнохозяйственный комплекс России; переселение в Сибирь преобразуется в заселение Сибири, обеспечивая укрепление восточных границ. Все эти мероприятия непосредственно связаны с деятельностью Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте, П.А. Столыпина, направленной на развитие и укрепление экономики России. Большая роль в решении этой задачи отводилась Сибири, обладающей огромным, неос-

 ISSN 2782-621X (Online)

военным материальным и ресурсным потенциалом. Для введения его в реальное производство требуется рабочая сила, имеющаяся в Сибири в явном недостатке.

Бунге обосновал необходимость заселения Сибири, обращая внимание на установление контактов переселенцев с коренным населением, на основе взаимопонимания и овладения языком. Витте, руководя строительством Транссиба, решал практические задачи, включая обустройство новых территорий, заботясь об условиях жизни переселенцев, их здоровье, образовании, наличии рабочих мест. Столыпину предстояло преобразовать малообжитую окраину в развитый регион, имеющий необходимые условия для развития сельского хозяйства, создания промышленных предприятий, производящих предметы потребления и средства производства.

Думая о будущем России, они сосредоточивали своё внимание на взаимосвязи и взаимозависимости европейского и сибирского регионов. И в том, и в другом регионе есть свои объективные плюсы и минусы. Целью своего управления они полагали, опираясь на положительные факторы, усиливать их результативность, а выявив причину негативных явлений в экономике, преодолеть её. Анализируя состояние заселения Сибири и Дальнего Востока, они обращали внимание на достижения, делая доступным для работников образование разных ступеней, особенно профессиональное, позволяющее повышать производительность труда. Русский рабочий должен жить в лучших условиях, чем в соседних странах, он должен иметь возможность удовлетворять свои духовные и физические потребности.

Преодолев первоначальные трудности, неизбежные при освоении новой территории, нового производства, новых профессиональных навыков и знаний, улучшив условия труда, быта, отдыха люди становятся патриотами своего края, региона, государства.

Список источников

1. Бунге Н. Х. (1995), Загробные заметки [Afterlife notes]. Река времён : кн. истории и культуры: [альманах]. М. : Эллис Лак: Река Времён.
2. Витте С. Ю. (1997), Избранные воспоминания, 1849-1911 гг. [Selected memories, 1849-1911]. В 2 т. Т. 1. Москва : ТЕРРА.
3. Голубев А., Лобанов Д., Хрулёв П. (2013), Пётр Столыпин. Великий человек великой России [Petr Stolypin. Great man of Great Russia]. – Москва : Книжный мир.
4. Кривошеин К.А. (1993), Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора [Aleksandr Vasiliyevich Krivoshein. Destiny of Russian reformer]. М.: Моск. рабочий.

5. Ломоносов М. В. (1934), Сочинения. Т. 7: Первые основания металлургии, или рудных дел [Essays. Vol. 7: First foundations of metallurgy or ore affairs]. Ленинград : Изд-во АН СССР.
6. Рогачевская М.А. (2002), П. А. Столыпин: аграрная реформа и Сибирь [P.A. Stolypin: agrarian reform and Siberia]. ЭКО. № 9. С. 140-168.
7. Рогачевская М.А. (2019), Вклад Николая Христиановича Бунге в социально-экономическое развитие России во второй половине XIX в. [Nikolay Khristianovich Bunge's contribution in social and economic development of Russia in the second half of the 19th century]. Сибирская Финансовая школа. №3. С. 108-118.
8. Рыбас С. Ю., Тараканова Л. В. (1991), Реформатор. Жизнь и смерть Петра Столыпина [Reformer. Life and death of Pyotr Stolypin]. Москва: Недра.
9. Столыпинъ А. (1991), П.А. Столыпинъ 1862–1911. Парижъ, 1927. – 102 с. Репринтное издание [P.A. Stolypin 1862-1911. Paris, 1927. – 102 p. Reprinted edition]. М.: Планета.
10. Столыпин. Жизнь и смерть. 1862-1911 (1997) [Stolypin. Life and Death. 1862-1911] : Сборник. Сост. Г. Сидоровнин. Саратов: Соотечественник.
11. Туган-Барановский М.И. (1989) Социальные основы кооперации [Social basics of cooperation]. М.: Экономика.
12. Тэри Э. (1986), Россия в 1914 г. Экономический обзор. Перевод Н. Круглого. Paris, 1914. Репринт [Russia in 1914. Economic review. Transl. by: N. Krugloy. Paris, 1914. Reprinted edition]. Париж: УМСА – press.
13. Шелохаев В.В. (2012), Столыпинский тип модернизации России [Stolypin's type of Russian modernization]. Российская история. № 2. С. 33.

References

1. Bunge, N. Kh. (1995), Afterlife notes. Река времён : кн. истории и культуры: [almanac]. Moscow : Ellis Lak : Reka Vremyon. (In Russian)
2. Vitte, S. Y. (1997), Selected memories, 1849-1911. In 2 vol. Vol. 1. Moscow : TERRA. (In Russian)
3. Golubev, A., Lobanov, D., Khrulev, P. (2013), Petr Stolypin. Great man of Great Russia. Moscow : Knizhniy mir. (In Russian)
4. Krivoshein, K.A. (1993), Aleksandr Vasiliyevich Krivoshein. Destiny of Russian reformer. Moscow: Mosk. rabochiy. (In Russian)
5. Lomonosov, M. V. (1934), Essays. Vol. 7: First foundations of metallurgy or ore affairs. Leningrad : Izdatelstvo AN SSSR. (In Russian)

6. Rogachevskaya, M.A. (2002), P.A. Stolypin: agrarian reform and Siberia. EKO. No. 9. pp. 140-168. (In Russian)
7. Rogachevskaya, M.A. (2019), Nikolay Khristianovich Bunge's contribution in social and economic development of Russia in the second half of the 19th century. Siberian Financial School. No. 3. pp. 108-118. (In Russian)
8. Rybas, S. Yu., Tarakanova, L. V. (1991), Reformer. Life and death of Pyotr Stolypin. Moscow: Nedra. (In Russian)
9. Stolypin, A. (1991), P.A. Stolypin 1862-1911. Paris, 1927. – 102 p. Reprinted edition. Moscow: Planeta. (In Russian)
10. Stolypin. Life and Death. 1862-1911 (1997) : Digest. Comp. By: G. Sidorovnin. Saratov: Sootechestvennik. (In Russian)
11. Tugan-Baranovskiy, M.I. (1989), Social basics of cooperation. Moscow: Ekonomika. (In Russian)
12. Teri, E. (1986), Russia in 1914. Economic review. Transl. by: N. Krugloy. Paris, 1914. Reprinted edition. Paris: UMSA – press. (In Russian)
13. Shelokhaev, V.V. (2012), Stolypin's type of Russian modernization. Russian history. No. 2. p. 33. (In Russian)

Информация об авторе

РОГАЧЕВСКАЯ Майя Антоновна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансы и кредит, Сибирский институт управления - филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: mrogachevskaya@mail.ru.

About the author

Maya A. ROGACHEVSKAYA, CandSc (Econ.), Associate Professor of Finance and Credit Department, Siberian Institute of Management - Branch of RANEPA, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: mrogachevskaya@mail.ru.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Научная статья
Исторические науки
УДК 379.85; 913; 930.85
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-142-161

Геокультурное пространство Русского Севера и современный туризм

Дмитрий Викторович Севастьянов

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация
ecolim@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5141-3679

Аннотация. В статье обсуждаются исторические аспекты формирования современного геокультурного пространства Русского Севера. Это пространство насыщено объектами культурного наследия древней Руси — следами древних поселений, священными языческими капищами и рощами, старинными христианскими святынями, деревянными часовнями и храмами, монастырскими комплексами, составляющими культурный ландшафт Русского Севера. Особое внимание уделяется водным и волоковым путям проникновения славян на северные территории как объектам культурного наследия, а также многочисленным старинным христианским объектам, расположенным на этих путях. Рассматриваются проблемы рационального использования богатейшего природного и культурного наследия Европейского Севера России для целей туризма. Отмечается необходимость развития транспортной и гостиничной инфраструктуры в регионе. Показано, что на территории Русского Севера существуют благоприятные перспективы развития внутреннего и въездного туризма, как факторов устойчивого развития региона.

Ключевые слова: Русский Север, геокультурное пространство, история формирования, природное и культурное наследие, туризм

Для цитирования: Севастьянов Д.В. Геокультурное пространство Русского Севера и современный туризм. Россия: общество, политика, история. 2022. №4(4). С. 142-161.

© Севастьянов Д.В.
© «Россия: общество, политика, история», 2022

HISTORICAL RETROSPECTIVE

Original article
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-142-161

Historical sciences

Geocultural Space of the Russian North and Modern Tourism

Dmitriy V. Sevastyanov

Pushkin Leningrad State University, Moscow, Russian Federation
ecolim@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5141-3679

Abstract. The historical aspects of the formation of the modern geocultural space of the Russian North are discussed. This space is saturated with objects of the cultural heritage of ancient Russia - traces of ancient settlements, sacred pagan temples and groves. Numerous ancient Christian shrines are represented here: wooden chapels and churches, monastic complexes that make up the cultural landscape of the Russian North. Particular attention is paid to the water and portage routes of the penetration of the Slavs into the northern territories, as objects of cultural heritage, as well as unique ancient religious sites located on these routes. The problems of rational use of the richest natural and cultural heritage of the European North of Russia for tourism purposes are considered. The need for active development of transport and hotel infrastructure in the region is noted. It is shown that on the territory of the Russian North there are favorable prospects for the development of domestic and inbound tourism as factors for the sustainable development of the region.

Keywords: Russian North, geocultural space, history of formation, natural and cultural heritage, tourism

For citation: Sevastyanov, D.V. Geocultural Space of the Russian North and Modern Tourism. Russia: Society, Politics, History. No. 4(4). pp. 142-161.

Введение

В настоящее время, в связи с укреплением позиций внутреннего и въездного туризма в России, территория Северо-Западного Федерального округа РФ становится всё более популярным туристским регионом. Особенно это касается территорий Архангельской, Вологодской, Мурманской, Псковской, Новгородской и Ленинградской областей и Республики Карелия. Именно этот регион понимается как Русский Север, и является привлекательным геокультурным пространством (Рисунок 1). В современном территориальном понимании Русский Север – это обширная часть севера Восточно-Европейской равнины и Кольский полуостров, включающие перечисленные административные области, входящие в Северо-Западный Федеральный округ РФ (далее – СЗФО РФ). Это пространство насыщено объектами культурного наследия древней Руси — следами древних поселений на водно-волоковых путях, священными языческими капищами и рощами, старинными христианскими святынями, деревянными часовнями и храмами, монастырскими комплексами, составляющими уникальный культурный ландшафт Русского Севера. Основной целью нашего исследования является привлечение внимания к проблеме сохранения и популяризации уникальных объектов историко-культурного наследия, существующих в этом регионе и развитию туризма на этом геокультурном пространстве.

Рисунок 1. Территория Северо-Западного Федерального округа Российской Федерации[1]
Figure 1. Territory of the Northwestern Federal District of the Russian Federation

1 Источник: Северо-Западный Федеральный округ, карта. URL: szfo.gov.ru

 ISSN 2782-621X (Online)

Материалы и методы исследования

Статья базируется на обобщении и анализе литературных источников и на материалах собственных многолетних историко-географических исследований расположения водно-волоковых путей на территории СЗФО РФ, по которым происходило расселение древних славянских этносов через водоразделы в лесной таежной зоне Восточной Европы. Главные водоразделы, отделявшие территорию Новгородской Руси от бассейна Волги и Белого моря, проходили через Валдайскую, Вепсовскую и Андомскую возвышенности. Через них славянами были проложены древние водно-волоковые трассы, по которым осуществлялась экспансия славян на север и северо-восток. На этих путях сохранились следы человеческой деятельности, древние поселения и другие памятники историко-культурного наследия. По мнению известного географа и историка профессора Ю. А. Веденина (3) древние водно-волоковые пути — это ценнейшие объекты природного и культурного наследия, которые нуждаются в углубленном изучении, охране и популяризации. Их историко-культурная реконструкция, изучение и сохранность может успешно осуществляться в условиях особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ), например, национальных парков и заказников, включающих в свои территории участки этих древних коммуникаций и использующих их для популяризации историко-географических знаний и осуществления туристских маршрутов. Выявление особенностей пространственного распространения объектов природного и культурного наследия на исследуемой территории Русского Севера позволяет оценить степень их привлекательности и наметить алгоритм их вовлечения в сферу туристско-рекреационной деятельности. В настоящее время познание истории освоения северных и восточных территорий России, выявление водно-волоковых маршрутов, по которым первопроходцы проникали в соседние лесные и горные регионы, сохранение объектов культурного наследия – приобретают существенное научное и практическое значение, так как расширяют наши представления об истории Отечества, способствуют воспитанию чувства патриотизма и создают основу для организации туризма и рекреации в этих слабо освоенных регионах.

Результаты исследования

Историко-географические исследования показывают, что современное понятие «Русский Север», по мнению ряда исследователей, возникло как следствие многовекового, постепенного проникновения потоков славян от Новгорода, Пскова и Ладоги и из Ростова и Суздаля на север и северо-восток. С эпохи средневековья, в лесной таежной зоне славяне продвигались исключительно по водно-волоковым путям из бассейна Балтийского моря – в Заволочье, в бассейн Студеного (Белого и Баренцева) моря, где осваивали новые земли, расселялись среди местных финно-угорских племен по берегам морей, озер и рек. Здесь они создавали особые виды судов, приспособленных для плавания по рекам, озерам и морям, развивали торговлю, постепенно внедряли в этом регионе земледелие и христианскую веру. В течение веков, по берегам и на островах Студеного моря формировалось новое геокультурное пространство Русского Севера (15; 16; 17; 11).

Как отмечают исследователи, (9; 13; 10), понятие поморский «Русский Север» входит в устное употребление, уже в XII–XIV вв., вследствие активного переселения славян на северо-восток, в богатые пушным зверем и рыбой таежные угодья. Этот процесс сопровождался обращением в христианство местного населения и формированием особого поморского субэтноса, расселившегося на побережьях Студеного моря и по живописным берегам рек и озер северного края Европы. Только с Петровских времен, в XVII–XVIII вв. это название стало применяться официально и закрепилось в письменных документах (16). Однако, в настоящее время, вследствие неопределенности его границ, «Русский Север» — это понятие в большей степени историко-культурное, чем географическое или административное.

Активная экспансия славян на северо-восток, в таёжные и тундровые ландшафты и освоение свободных территорий началось в древней Руси в X–XII вв. Один поток переселенцев шел от Новгорода и Старой Ладоги на Волхове в Заволочье, к берегам Студеного моря, и дальше на восток до Уральского Камня. Второй поток шел от Ростова и Суздаля к Вологде и Белому озеру и по реке Сухоне к Северной Двине и к морю (Рисунок 2).

 ISSN 2782-621X (Online)

Рисунок 2. Территория Русского Севера в позднем средневековье[2]
Figure 2. The territory of the Russian North in the late Middle Ages

Принято считать, что в начале новой эры Европейский север, раскинувшийся вдоль побережья Баренцева и Белого морей от Кольского полуострова до Уральских гор, был населен лопарями, карелами, чудью, ненцами-самоедами, коми-зырянами и другими финно-угорскими этносами. Начиная с раннего средневековья, в эти слабо населенные места, богатые лесом, рыбой и пушным зверем, речным жемчугом, всё настойчивее стали проникать представители норманнских и славянских этносов. Их проникновение в северные территории и колонизация Мурмана происходило частично из Скандинавии, а побережья Студеного моря и бассейны впадающих в него рек заселялись, преимущественно, из новгородских, псковских, ростовских и суздальских земель по морю, рекам и водно-волоковым путям (2; 5). Первопроходцы несли новую религиозную культуру, ремёсла и трудовые навыки в этот лесной край. Нередко возникало столкновение религиозных культур. Христианизация местных народов севера была длительным историческим процессом. Постепенно происходило вытеснение и замещение

2 Источник: Семушин Д. (2010), Русский Север. Пространство и время. Музей «Малые Корелы. Архангельск: Maecenas.

местных языческих святынь христианскими, приобщение аборигенных этносов к новым славянским культам, религиозным обрядам, традициям и понятиям. Исследователи отмечают, что в процессе внедрения христианства на Русском Севере происходило «новое освещение» былых языческих святилищ. Нередко на их месте (или вблизи) ставились символы новой православной веры – поклонные кресты, часовни, строились церкви, храмы. В частности, Н.М. Теребихин в своих исследованиях выявил явную тенденцию к «замещению» языческих, «нечистых», культовых территорий и объектов христианскими. При этом, сакральность таких мест приобретала другой, «положительный» знак в восприятии основной массы переселявшегося на север славянского населения» (15, с. 38; 8).

Исторические источники свидетельствуют, что славяне, как правило, селились среди карелов и саамов, кое-где смешивались с ними, а где-то делили берег озера или моря и теснили местных. Промысловых людей, осевших на постоянное проживание на побережье Студеного моря стали называть поморами, что значит народ, «живущий по морю», а весь приморский район – Поморьем (15; 16; 13; 14).

Первые русские поселенцы на Белом море появились в X–XII вв. Их привлекал богатый промысел: морской зверь, рыба и пушнина. Высоко ценился моржовый клык для косторезного дела. Выход к Студеному морю и активная колонизация северных окраин Древней Руси началась в XI—XIII вв. Она сопровождалась организацией поселений на междуречьях, вблизи разведанных древних волоков. Считается, что первыми пришли к Студеному морю древние новгородцы. Среди них были и посланцы бояр, и прочих богатых людей, и вольные ушкуйники, и «лихие люди», бежавшие от крепостного права или татаро-монгольского ига. В результате происходила диффузия славянского населения из лесостепных территорий в таёжные и тундровые ландшафты, к побережью Студеного моря, относительно редко населенного представителями финно-угорских этносов (9; 13).

Историки отмечают, что в новгородских грамотах XIII в. Кольский полуостров нередко именовали «Земля Тре». Впоследствии это название трансформировалось и сохранилось в выражениях «Терский наволок» и «Терский берег», «Мурман», а позднее, в XV–XVI вв. название «Русский север» закрепилось за регионом, когда русское население стало преобладающим на берегах рек, озер и Студёного моря, где сформировалась особая поморская культура. При этом,

 ISSN 2782-621X (Online)

как утверждают историки, названия «Русский Север» и «Русская Лапландия» (как часть его – «Земля Тре») закрепились и стали применяться в письменных документах с Петровских времен (9; 16; 17). В настоящее время, понятие «Русский север» получило широкое распространение в туристско-рекреационной сфере, как регион, обладающий богатым и уникальным природным и культурным наследием, объекты которого широко представлены на этой территории и привлекают многочисленных исследователей.

Обеспечение жизни поморов всегда было связано с морским рыболовством и зверовым промыслом, с плаваниями к далеким островам и архипелагам Студеного моря. Поэтому уже в XIII–XIV вв. Поморье становится центром русского судостроения – этому способствует развитие морских и речных промыслов. Поморы строили самые совершенные по тем временам суда, предназначенные для ледового плавания. Это были корабли разных типов: лодьи морские и обыкновенные, раньшины, шняки, карбасы и кочи. По мнению историков, именно здесь, в XIII в. появилась новая модель поморского промыслового судна – коч. Это судно с округлыми обводами, пригодное для плавания среди льдов, служившее надёжным транспортным средством в арктических путешествиях.

Коч был единственным для того времени типом морского судна ледового класса. Это было уникальное изобретение для плавания среди ледяных полей в арктических широтах. У поморского коча имелась вторая «ледяная» обшивка в районе ватерлинии. Корпус коча имел яйцеобразную форму, наиболее устойчивую против ледового сжатия. При вмерзании коча в лед, его не разрушало сжатием, а выдавливало на поверхность ледяного поля и судно могло дрейфовать вместе со льдами. Уже в XII–XIII вв. поморы открыли путь на Грумант (позднее названный норманнами Шпицбергеном), где занимались промыслом морского зверя. Позднее, в XVI–XVII вв. появились более крупные суда с подобными обводами корпуса – кочмары, служившие надёжным транспортным средством для дальних арктических путешествий. На таких судах поморы добрались и до побережья Сибири. В 1601 г. на р. Таз был построен острог, получивший легендарное название «златокипящая Мангазея». Это был первый русский город на сибирских просторах (1; 7).

В настоящее время специфика и привлекательность этого региона для туристов состоит и в нахождении здесь доисторических мегалитических памятников, и в сохранности старорусского национального этнографического

наследия: многочисленных объектов деревянного храмового и бытового зодчества, старинных русских говоров, костюмов, былин и песен, русских трудовых традиций – крестьянских, ремесленных, мореходных, рыболовецких. Именно здесь, на Русском Севере, ещё сохраняются священные места, старинные объекты и традиции русского народа.

Ярким примером является сохранившееся здесь северное деревянное русское зодчество, уходящее корнями в глубину веков и представляющее собой срез со всей деревянной архитектуры древней Руси. В течение столетий здесь формировалось сакральное пространство, которое в настоящее время воспринимается как «рефугиум» старорусского искусства и бытовых традиций, деревянного и каменного храмового зодчества. Сакральное пространство – это пространство, насыщенное священными территориями, объектами, легендами, привлекающее к себе местных жителей, ученых, паломников, туристов своими эстетическими и историко-культурными особенностями (15).

Как отметил историк А.В. Ополовников, «Русский Север – это грандиозный, единственный в своем роде заповедник народного деревянного зодчества» (10, с. 14). «В старину русский человек не представлял себе Родины без золотистой рубленой избы, сторожевой башни под шатром, «чудного и дивного храма» (10, с. 253). Именно на Русском Севере до сих пор сохранилось большое количество типичных и уникальных высокохудожественных памятников – деревянных жилых домов, амбаров, мельниц, часовен, церквей, погостов и др. Большая часть из них находится под охраной в национальных парках и в музее деревянного зодчества «Малые Корелы» под Архангельском.

Неординарным примером художественного плотницкого мастерства на Русском Севере по праву считается расположенный на о. Кижи в Онежском озере – Кижский погост. Он не является самым древним памятником деревянного храмового зодчества, но уникален своей деревянной Преображенской церковью, увенчанной 22 главами и обилием бочек (1714 г.), и 9-главой церковью Покрова Пресвятой Богородицы (1764 г.) и шатровой колокольней. Это совершенное по форме произведение срублено топором неизвестным мастером и признано объектом Всемирного Наследия ЮНЕСКО (3). (Рисунок 3)

 ISSN 2782-621X (Online)

Рисунок 3. Кижский погост – объект Всемирного Наследия ЮНЕСКО[3]
Figure 3. Kizhi Pogost - UNESCO World Heritage Site

Одна из самых древних деревянных церквей, сохранившихся на берегах Белого моря, находится в Архангельской области. Это Никольский храм, построенный в 1618 году в деревне. Пурнема на Онежском полуострове. Кроме того, на р. Онеге можно назвать Вознесенскую церковь (1651 г.) в деревне Пияла, Благовещенскую церковь (1719 г.) в деревне Пустынька, Преображенскую Церковь (1780 г.) в деревне Турчасово и целый ряд других уникальных объектов деревянного храмового зодчества, разбросанных по деревням вдоль рек Онеги, Северной Двины, Пинеги, Мезени, деревянные часовни и церкви XVI–XVIII вв., поражающие современников разнообразием и красотой архитектурных форм.

Большинство сохранившихся наиболее значительных историко-культурных памятников и памятников природы размещаются на особо охраняемых территориях. В пределах СЗФО РФ расположены 10 национальных парков, 12 крупных заповедников и 10 заказников, общей площадью более 5 млн га. В настоящее время наибольшей популярностью для посещения среди иностранных туристов стали Национальные парки «Куршская коса», «Кенозерский», «Водлозерский», «Русский Север», «Паанаярви», «Калевальский» и «Русская Арктика», как самый северный национальный парк. Среди заповедников

3 Источник: https://vsegda-pomnim.com/

заповедники наиболее посещаемые – «Костомукшский», «Кандалакшский», «Лапландский» и «Пинежский».

В Архангельской области, на территории Национального парка «Кенозерский», образовался уникальный музей старорусского деревянного зодчества. Здесь усилиями директора Е.Ф. Шатковской сохранено и восстановлено множество часовен, церквей, погостов, старинных крестьянских домов и амбаров, мельниц, составляющих неоценимое этнографическое богатство и создающее здесь особое сакральное пространство Кенозерии – территории, прилегающей к Кенозеру. На территории Национального парка «Кенозерский» и в окрестных деревнях сохранилось и реставрировано более 70 уникальных памятников деревянного зодчества: разнообразных часовен, замечательных деревянных церквей и погостов. На территории национального парка в деревнях еще можно встретить старые рубленые двухэтажные дома и амбары XVII–XIX вв. В 2008 г. здесь была восстановлена старинная водяная мельница, в 2012 г – отреставрирован старинный Почозерский погост в д. Филипповская. В 2014 г. начата реставрация Порженского погоста, а в 2018 г. в состав Кенозерского Национального парка вошла территория бывшего НП «Онежское Поморье» с типичными угодьями поморских деревень на Онежском полуострове Белого моря.

По соседству с «Кенозерским», на границе Архангельской области и Республики Карелии, располагается Национальный парк «Водлозерский». Главной водной артерией этого парка является порожистая река Илекса, вытекающая из оз. Колгачинского, протекающая через ряд озер и впадающая в крупное Водлозеро. По этой реке, стекающей с водораздельной с Белым морем гряды Ветреный пояс, в средние века осуществлялись торговые связи жителей Водлозерья с Соловецкими островами и поморами побережья Студеного моря. Со времени средних веков с Водлозера по рекам Ваме и Водле и далее через Кенский волок шел оживленный торговый путь к жителям Кенозера. На одном из многочисленных островов Водлозера, (Ильинском) на месте древнего языческого святилища, в XV–XVI вв. была основана христианская обитель, а затем создан Ильинский погост, украшенный величественной деревянной церковью Ильи Пророка. В 1990-х гг., подвижническими трудами директора Национального парка «Водлозерский» – О.В.Червякова, началось возрождение Ильинского погоста, деревни Варишпельда и ряда других священных христианских объектов на островах и берегах Водлозера. С 2006 г. на Ильинском острове учреждён мужской монастырь – ныне действующая Свято-Ильинская Водлозерская пустынь, ставшая местом паломничества и туристского интереса.

Следует отметить, что в течение XIV–XVIII вв. Русский Север становится

 ISSN 2782-621X (Online)

территорией активного монастырского освоения. Монастыри становятся каменными крепостями и опорой государства и православия на Русском Севере. Чаще всего они возводились в живописных местах на островах, на слиянии или в излучинах рек, нередко в местах бывших языческих святилищ, превращая их в христианские святыни. Например, Валаамский монастырь со Спасо-Преображенским собором, расположенный на островах в Ладожском озере, основание которого историки относят к XI–XII вв. По преданию, он был заложен на острове, название которого – Валаам – связано с расположением здесь главного капища языческих богов – Велеса и Перуна. Считается, что этимология этого финно-угорского названия – «Валамо» указывает, что это земля Велеса или Высокая земля. Там же, в Ладожском озере, на острове Коневец, расположен Коневецкий Рождество-Богородичный монастырь, основанный в XIV веке. Достопримечательностью острова является священный валун – «Конь-камень» (размером 9 на 6 м и высотой 5 м, формой напоминающий голову лошади), почитавшийся в дохристианское время местными жителями. Этот камень-мегалит был освящен первым настоятелем монастыря – Преподобным Арсением. Позднее, в знак торжества православной веры, на валуне была установлена христианская часовня, восстановленная в последние годы (4).

В настоящее время многочисленные монастырские ансамбли возвращены по былой принадлежности во владение Русской Православной церкви и отреставрированы. Они существенно украшают регион, придают ландшафтам на территории Русского Севера особое очарование старины. Только на территории Архангельской области их более 20, а в Вологодской области насчитывается более 30 монастырей и скитов, среди них, есть действующие и ставшие музеями-заповедниками. В Архангельской области наиболее почитаемыми и известными монастырскими комплексами, которые привлекают многочисленных туристов и паломников, являются – Соловецкий Спасо-Преображенский мужской монастырь (XVI в.) и отдельные скиты на островах Соловецкого архипелага в Белом море, которые соседствуют с древними дохристианскими святилищами («лабиринтами»); Онежский Крестный мужской монастырь на о. Кий в Белом море тоже унаследовал древнее священное местоположение; Сийский Троицкий Антониев монастырь (XVI в.) известен своим особым местоположением; Кожозерский Свято-Богоявленский монастырь (основанный в XVI в.), самый труднодоступный на Русском севере и ряд других.

В Вологодской области наибольшей известностью и почитанием пользуется Национальный парк «Русский Север», посетители которого непременно осуществляют паломничество в расположенные рядом монастыри – Кирилло-

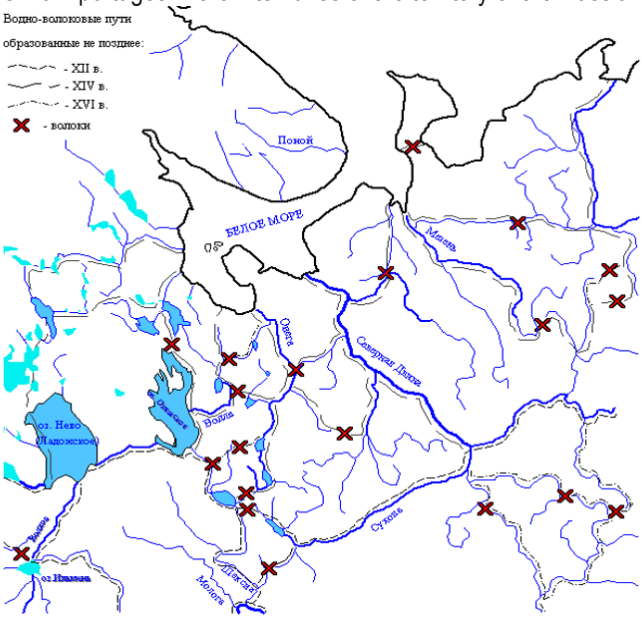
Белозерский монастырь (основанный в XIV в.); Ферапонтов Богородице-Рождественский монастырь (основанный в XIV в.). В настоящее время – это территория музея-заповедника, памятник ЮНЕСКО; Горицкий Воскресенский монастырь (основанный в XVI в.), расположенный в селе Горицы Вологодской области на берегу реки Шексны, не далеко от Кирилло-Белозерского храма, а также ряд других монастырей, украшающих этот край своей архитектурой и культурными ландшафтами.

В ходе исторического освоения северных территорий именно реки были единственно возможными путями в таежных дебрях. Эти транспортные магистрали функционировали и в летнее время (по воде), и в зимнее время – по льду замерзших рек и озер. На междуречьях появлялись волоки, разведанные первопроходцами, на которых организовывались поселения. Начиная с XII–XIV вв., вдоль водно-волоковых путей от Новгорода в Заволочье и в Югру появляются укрепленные населенные пункты, христианские часовни, церкви и погосты, т. е. вдоль водных путей и вблизи волоков возникают многолюдные и богатые поселения. На волоках и в устьях волоковых рек устраивались места сбора пошлин и дани. Волоков было много, а для их обслуживания, перевалки грузов, были необходимы дополнительные человеческие руки, и даже «лошадиные силы». Поэтому в волоковых узлах со временем возникали крупные и богатые сёла, строились большие красивые храмы.

В Архангельской (Двинской земле), самыми крупными волоками, соединявшими бассейны Балтийского и Белого морей, считались Кенский (из р. Водлы на р. Кену), Емецкий (из р. Онеги в р. Емцу, приток Северной Двины), дальше – на р. Пинегу к волоку Пинежский (из р. Пинеги в р. Кулой) и далее в Мезенскую губу Студеного моря. Использовались и некоторые другие волоки. На земле Вологодской, на Андомской возвышенности, расположен водораздел между озерами Лача, Онежское и Белое, относящимися, соответственно, к бассейнам Белого, Балтийского и Каспийского морей. Главной транспортной магистралью здесь была р. Шексна, вытекающая из Белого озера и впадающая в Волгу. Основными волоками были Волочек Словенский (между р. Славянка и р. Прозоровица, впадавшей в оз. Кубенское и далее по р. Сухона в Сев. Двину), Волочек Красный, (соединявший оз. Белое и оз. Воже по р. Ухтома и далее в р. Онегу). Здесь, вблизи водно-волоковых путей, в течение веков концентрировались монастырские обители (Кириллов, Ферапонтов, Горицкий, Никольский, Нилова пустынь и др.). В настоящее время, многие из этих объектов являются центрами паломничества и музеями, местами посещения многочисленных туристов – любителей русской старины и водных маршрутов. (4; 5; 14; 11).

 ISSN 2782-621X (Online)

Рисунок 4. Основные волоки на междуречьях Русского Севера[4]
Figure 4. The main portages in the interfluves of the territory of the Russian North



Обсуждение

Проведённый анализ геокультурных особенностей Русского Севера показывает его высокий туристический потенциал. Карелия и Русский Север, включающий Архангельскую, Вологодскую и Мурманскую области, где ещё сохранились характерные черты естественной природы и культуры древней Руси, становятся всё более популярными для российских и иностранных туристов. Поэтому, назрела необходимость сделать северные районы страны более доступными и известными для туристов, способствуя развитию туристской инфраструктуры (дорожной и гостиничной сферы). Повышение общего социально-экономического уровня жизни населения, совершенствование современного организованного внутреннего и международного туризма на Европейском Севере России – одна из важнейших целей и задач устойчивого развития этого региона, приграничного со странами Европейского Союза. Однако, существенным препятствием для развития международного туризма в северных областях Европейской территории

4 Источник: Коростелев Е.М., Севастьянов Д.В., Зелюткина Л.О. (2014), Древние волоки – уникальные памятники освоения Севера. Природа. №4. С.29-37.

России (далее – ЕТР) является ущербность транспортных коммуникаций и сферы обслуживания туристов. Из-за неразвитости инфраструктуры гостеприимства многочисленные объекты природного и культурного наследия, уникальные ландшафты и ООПТ, расположенные на севере ЕТР остаются труднодоступными для иностранных и отечественных туристов. Очевидно, что направление инвестиций на развитие водного, железнодорожного и шоссейного сообщений в северных регионах может дать колоссальный экономический эффект. Это будет способствовать сдерживанию убыли населения в СЗФО, решению внутренних проблем демографии и расселения, а также созданию новых рабочих мест и укреплению конкурентоспособной туристско-рекреационной сферы России. Комплексное развитие транспортной и туристско-рекреационной инфраструктуры должно стать национальной идеей, объединяющей усилия государства и частного предпринимательства в стремлении к укреплению экономических позиций всей страны и севера ЕТР, в частности. Проблемы развития экономики северных областей тесно связаны с сохранением объектов природного и культурного наследия на территории Русского Севера и поддержкой развития туризма. Доступность природных и культурных объектов для туристского и экскурсионного ознакомления в значительной степени обусловлена транспортной обеспеченностью территории. Поэтому важной общей социальной и экономической задачей развития депрессивных регионов является развитие транспортной инфраструктуры, обеспечивающей доступность населенных пунктов и объектов рекреации и туризма, общее развитие сферы обслуживания и дальнейшее туристское освоение геокультурного пространства Русского Севера. Важным направлением просветительской деятельности является активная популяризация природного и культурного наследия, существующего на Русском Севере, привлечение внимания к необходимости сохранения имеющихся в этом регионе России уникальных доисторических мегалитических памятников и христианских объектов храмового зодчества.

Выводы

В заключение необходимо подчеркнуть, что геокультурное пространство Русского Севера – это особая природная и историко-культурная территория, включающая места древнего расселения славянских этносов, проникавших на северо-восток Русской равнины из западных и центральных и районов Руси, из бассейнов Ладожского озера и Волги по водно-волоковым путям. Особая притягательность этого пространства состоит в уникальных чертах северной природы и этнических групп, населяющих эти территории, в существующей здесь преемственности древних и современных культур, в многочисленности

 ISSN 2782-621X (Online)

памятников культурного наследия древней Руси, создавших в этом регионе неповторимый мир Русского Севера. Открытие этого мира для молодёжи, через знакомство с историческими событиями и объектами, сохранение и защита этого мира – важная патриотическая задача.

Роль туризма и рекреационного природопользования в современном мире существенно возрастает. Это становится не только стратегическим направлением экономического развития отдельных регионов, но и важным фактором территориальной организации общества, охраны природы, сохранения историко-культурного наследия и условием сбалансированного развития страны. По нашему представлению, именно особенности исторического развития Русского Севера, в совокупности с его первозданной природной средой, составляют основу возрастающего интереса к этому региону, создают реальный базис для усиления роли рекреационного природопользования, развития внутреннего и международного туризма. Рациональная организация геокультурного пространства Русского Севера для целей паломничества и туризма, совершенствование транспортной инфраструктуры этой территории и сферы гостеприимства должны способствовать популяризации и сохранению бесценного природного и культурного наследия этого региона, что будет способствовать повышению жизненного уровня местного населения.

Список источников

1. Белов М.И. (1956), Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в.[Arctic navigation from ancient times to the middle of the 19th century]. М.: Морской транспорт.
2. Бызова Н.М. (2002), Территориально-экологический анализ заселения и освоения Архангельской области [Territorial and ecological analysis of the settlement and development of the Arkhangelsk region]. Сб. статей География Европейского Севера. Проблемы природопользования: социально-экономические и экологические (Отв. ред Н.М.Бызова). Архангельск: Поморский гос. университет им. М.В.Ломоносова.С.82-91.
3. Веденин Ю.А. (2009), Пути формирования интегральной системы особо охраняемых историко-культурных и природных территорий (основные принципы и методы современного подхода к сохранению культурного и природного наследия) [Ways of forming an integral system of specially protected historical, cultural and natural territories (basic principles and methods of the modern approach to the preservation of cultural and natural heritage)]. Сб. статей. Культурное и природное наследие Европейского Севера. (Отв. Ред. Н.М.Теребихин, Е.Ф. Шатковская). Архангельск: Поморский университет. С. 14-25.

4. Григорьев А.А., Зелюткина Л.О., Исаченко Т.Е., Коростелев Е.М., Паранина Г.Н., Севастьянов Д.В. (2013), Наследие Северо-Запада России и рекреационное природопользование [Heritage of the North-West of Russia and recreational nature management]. СПб.: Астерион.
5. Зелюткина Л.О., Коростелев Е.М., Севастьянов Д.В. (2013), Водно-волоковые системы Севера России. География. История. Природопользование [Water-volume systems of the North of Russia. Geography. Story. Nature management]. (Монография. Под общ. ред. проф. Д.В.Севастьянова) СПб : ЛЕМА.
6. Коростелев Е.М., Севастьянов Д.В., Зелюткина Л.О. (2014), Древние волоки – уникальные памятники освоения Севера [Ancient portages are unique monuments of the development of the North]. Природа. №4. С.29-37.
7. Магидович И.П., Магидович В.И. (1982), Очерки по истории географических открытий [Essays on the history of geographical discoveries]. Т.1, М.: Просвещение.
8. Макаров Н.А. (1997), Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII вв.: по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья [Colonization of the Northern Outskirts of Ancient Russia in the 11th-13th Centuries: Based on the Materials of Archaeological Sites on the Portages of Belozerye and Poonezhye]. М., Наука.
9. Ополовников А.В. (1977), Русский Север [Russian North]. М.: Стройиздат.
10. Ополовников А.В. (1986), Русское деревянное зодчество [Russian wooden architecture]. М., Советский художник.
11. Севастьянов Д.В. (2007), Водно-волоковые пути – объекты историко-культурного наследия Русского Севера. Новые подходы к организации активных туров [Water-portage routes are objects of the historical and cultural heritage of the Russian North. New approaches to the organization of active tours]. Вестник Национальной Академии туризма (НАТ). №4. С.42-47.
12. Севастьянов Д.В., Науменко М.А. (2018), Сакральное пространство Русского Севера [Scared Spase of the Russian North]. Сб. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып.10: Актуальные проблемы семиотики геосоциального и культурного пространства Европейской части Российской Арктики. Архангельск: Солти. С. 194-205.
13. Седов В.В. (1995), Славяне в раннем средневековье [Slavs in the Early Middle Ages]. М.: Изд. РГНФ.

 ISSN 2782-621X (Online)

14. Семушин Д. (2010), Русский Север. Пространство и время. Музей «Малые Корелы» [Russian North. Space and time. Arkhangelsk State Museum «Small Korels»]. Архангельск: Maecenas.
15. Теребихин Н.М. (1993), Сакральная география Русского Севера: Религиозно-мифологическое пространство северорусской культуры [Sacred Geography of the Russian North: Religious and Mythological space of northern Russian culture]. Архангельск: Изд. ПГУ.
16. Теребихин Н.М. (2004), Метафизика Севера [Metaphysics of the North]. Архангельск. Изд. ПГУ.
17. Энгельгардт А.П. (2009), Русский Север: Путевые записки [Russian North: Travel notes]. М.: ОГИ.

References

1. Belov, M.I. (1956), Arctic navigation from ancient times to the middle of the 19th century. Moscow : Sea transport. (In Russian)
2. Byzova, N.M. (2002), Territorial and ecological analysis of the settlement and development of the Arkhangelsk region (in Sat. Geography of the European North. Problems of nature management: socio-economic and environmental). Arkhangelsk: Pomor State university by M.V. Lomonosov. pp.82-91. (In Russian)
3. Vedenin, Yu.A. (2009), Ways of forming an integral system of specially protected historical, cultural and natural territories (basic principles and methods of the modern approach to the preservation of cultural and natural heritage). Cultural and natural heritage of the European North. Arkhangelsk: Pomor State university by M.V. Lomonosov, pp. 14-25. (In Russian)
4. Grigoriev, A.A., Zelyutkina, L.O., Isachenko, T.E., Korostelev, E.M., Paranina, G.N., Sevastyanov, D.V. (2013), Heritage of the North-West of Russia and recreational nature management. Saint Petersburg : Asterion. (In Russian)
5. Zelyutkina, L.O., Korostelev, E.M., Sevastyanov, D.V. (2013), Water-volume systems of the North of Russia. Geography. Story. Nature management. (Monograph. Under the general editorship of Prof. D.V. Sevastyanov) Saint Petersburg : LEMA. (In Russian)
6. Korostelev, E.M., Sevastyanov, D.V., Zelyutkina, L.O. (2014), Ancient portages are unique monuments of the development of the North. Priroda, No. 4. pp. 29-37. (In Russian)

7. Magidovich, I.P., Magidovich, V.I. (1982), Essays on the history of geographical discoveries. Vol.1, Moscow : Prosveshenie. (In Russian)
8. Makarov, N.A. (1997), Colonization of the Northern Outskirts of Ancient Russia in the 11th-13th Centuries: Based on the Materials of Archaeological Sites on the Portages of Belozerye and Poonezhye. Moscow : Nauka. (In Russian)
9. Opolovnikov, A.V. (1977), Russian North. Moscow : Stroyizdat. (In Russian)
10. Opolovnikov, A.V. (1986), Russian wooden architecture. Moscow : Soviet painter. (In Russian)
11. Sevastyanov, D.V. (2007), Water-portage routes are objects of the historical and cultural heritage of the Russian North. New approaches to the organization of active tours. Bulletin of the National Academy of Tourism (NAT). No. 4. pp. 42-47. (In Russian)
12. Sevastyanov, D.V., Naumenko, M.A. (2018), Scared Spase of the Russian North. Pomor readings on the semiotics of culture. Issue 10: Actual problems of semiotics of the geosocial and cultural space of the European part of the Russian Arctic. Arkhangelsk: Salty. pp. 194-205. (In Russian)
13. Sedov, V.V. (1995), Slavs in the Early Middle Ages. Moscow : RGNF. (In Russian)
14. Semushin, D. (2010), Russian North. Space and time. Arkhangelsk State Museum «Small Korels». Arkhangelsk: Maecenas. (In Russian)
15. Terebikhin, N.M. (1993), Sacred Geography of the Russian North: Religious and Mythological space of northern Russian culture. Arkhangelsk: Pomor State University. (In Russian)
16. Terebikhin, N.M. (2004), Metaphysics of the North. Arkhangelsk: Pomor State University. (In Russian)
17. Engelgardt, A.P. (2009), Russian North: Travel notes. Moscow : OGI. (In Russian)

Информация об авторе

СЕВАСТЬЯНОВ Дмитрий Викторович, доктор географических наук, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Санкт-Петербург, Пушкин, Российская Федерация. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5141-3679. E-mail: ecolim@mail.ru.

About the author

Dmitry V. SEVASTYANOV, DSc (Geogr.), Professor of the Department of Socio-Cultural Service and Tourism, Pushkin Leningrad State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Saint Petersburg, Pushkin, Russian Federation. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5141-3679. E-mail: ecolim@mail.ru.

Программа «Арктический гектар»

С 1 февраля 2022 года россияне, а также участники программы переселения соотечественников могут с помощью программы **«Арктический гектар»** получить земельный участок площадью 10 тысяч квадратных метров (1 гектар) в регионах, которые относятся к Арктической зоне (в Республике Карелия, Республике Коми, Архангельской области, Мурманской области, Ямало-Ненецком АО, Ненецком АО и Красноярском крае) Для земельного участка в Арктике можно выбрать любой вариант использования:

- строительство дома;
- сельское хозяйство;
- обустройство дачного участка;
- предпринимательская деятельность.

По материалам Консультационного центра ДОМ.РФ
URL: https://спроси.дом.рф/

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ

Научная статья
Политические науки
УДК 304.4; 316.356.4; 323
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-164-177

Арктика и молодежь – новые подходы и возможности

Николай Олегович Марченко [1a],
Даниил Михайлович Сидоров [1b],

[1] Факультет мировой политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
[a] martchenko2016@mail.ru
[b] d.m.sidorov@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются законодательное обеспечение и основы молодежной политики в России, некоторые региональные концепции и подходы к молодежной политике, в частности в Архангельской, Мурманской областях, в Республике Саха (Якутия). Авторы связывают проблемы молодежной политики в регионах Арктической зоны с отсутствием единого документа, определяющего цели и методы сотрудничества в сфере молодежной политики федеральных, региональных и муниципальных структур Арктической зоны Российской Федерации с некоммерческими организациями, общественными объединениями и бизнес-структурами. Предлагается разработка специальной Концепции государственной молодежной политики в Арктической зоне Российской Федерации. Необходимость такой Концепции обусловлена потребностью учета особых геокультурных, экономических, демографических, социальных, геополитических особенностей региона и формирования целостного, комплексного, системного подхода к молодежной политике в арктической зоне. Авторы утверждают, что этнокультурная насыщенность Арктического региона, особые условия труда и суровый климат Севера способствуют формированию особой арктической духовно-культурной общности. В самой Концепции молодежной политики регионов арктической зоны акцентируется внимание на патриотически-идеологических аспектах.

Ключевые слова: молодежная политика, Арктическая зона Российской Федерации, Республика Саха (Якутия), Арктика

Для цитирования: Марченко Н.О., Сидоров Д.М. Арктика и молодежь – новые подходы и возможности. Россия: общество, политика, история. 2022. №4(4). С. 164-177.

© Марченко Н.О., Сидоров Д.М.
© «Россия: общество, политика, история», 2022

SOCIAL PROCESSES AND PHENOMENA

Original article
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-164-177

Political sciences

The Arctic and the Youth: New Approaches and Opportunities

Nikolay O.Martchenko[1a],
Daniil M. Sidorov[1b]

[1] School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

[a] martchenko2016@mail.ru
[b] d.m.sidorov@mail.ru

Abstract. The article analyzes the legislative support and the foundations of youth policy in Russia, some regional concepts and approaches to youth policy, in particular in the Arkhangelsk, Murmansk regions, in the Republic of Sakha (Yakutia) . The authors link the problems of youth policy in the regions of the Arctic zone with the lack of a single document defining the goals and methods of cooperation in the field of youth policy of federal, regional and municipal structures of the Russian Arctic with non-profit organizations, public associations and business structures. It is proposed to develop a special concept of the state youth policy in the Arctic zone of the Russian Federation. The need for such a Concept is due to the need to take into account the special geocultural, economic, demographic, social, geopolitical characteristics of the region and the formation of a holistic, integrated, systematic approach to youth policy in the Arctic zone. The authors argue that the ethno-cultural saturation of the Arctic region, the special working conditions and the harsh climate of the North contribute to the formation of a special Arctic spiritual and cultural community. In the very Concept of the youth policy of the regions of the Arctic zone, attention is focused on patriotic and ideological aspects.

Keywords: youth policy, the Arctic zone of the Russian Federation, Republic of Sakha (Yakutia), the Arctic

For citation: Martchenko, N.O., Sidorov, D.M. The Arctic and the Youth: New Approaches and Opportunities. Russia: Society, Politics, History. No. 4(4).. pp. 164-177.

Введение

Поставленная В.В. Путиным стратегическая задача по развитию Арктики и Дальнего Востока сталкивается с комплексной и трудноразрешимой проблемой нехватки кадров. Успешное освоение Арктической зоны Российской Федерации (далее – АЗРФ) невозможно без повышения уровня жизни его населения и привлечения новых трудовых ресурсов. Однако за последние годы в этих показателях мы наблюдали отрицательную динамику. Стремительно сокращается коэффициент естественного прироста населения (с 4,0 в 2014 г. до 1,5 в 2018 г.), хотя продолжительность жизни растет: в 2018 году этот показатель составил 72,39 лет (4, с. 263). Ежегодно регион покидает более 140 тыс. чел. В 2021 г. из региона уехало 212 811 чел. Только за счет миграции население АЗРФ сократилось на 20 227 жителей[1]. Эти значения являются симптомами надвигающегося демографического кризиса в регионе и предупреждают о необходимости принятия энергичных мер по решению этой проблемы. Молодежная политика, призванная создать комфортные условия жизнедеятельности, предотвратить отток молодого населения, повысить рождаемость, может стать ключом к дальнейшему развитию регионов Российской Арктики.

Материалы и методы исследования

Объектом нашего исследования была молодежная политика АЗРФ. С целью её изучения были проанализированы законы субъектов РФ в АЗРФ о молодежной политике, интернет-ресурсы, сайты информационных центров, сведения о проведенных мероприятиях и о деятельности молодежных объединений. Особое внимание уделено анализу Федерального закона от 30.12.2020 №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»[2] (далее – Федеральный закон), законов субъектов РФ «О молодежной политике», молодежных программ Республики Саха (Якутия) и Архангельской области, а также Концепции государственной молодежной политики Северо-Кавказского федерального округа, которая выступает примером документа, устанавливающего комплексный подход к молодежной политике. Также в ходе анализа использовались исследования ученых из Республики Крым и Краснодарского края по идеологическим аспектам патриотического воспитания молодежи. Исследование проводилось как с опорой на общенаучные методы, такие как сравнительный анализ документов, контент-анализ.

1 Федеральная служба государственной статистики. URL:https://rosstat.gov.ru/

2 О молодежной политике в Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2020 №489-ФЗ (в исх. редакции). СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/

 ISSN 2782-621X (Online)

Результаты исследования

Федеральный закон в статьях 8 и 9 разделяет полномочия федеральных органов власти и органов власти субъектов РФ в вопросах ведения молодежной политики. К полномочиям Федеральных органов власти относятся такие пункты, как:

- разработка и реализация молодежной политики;
- принятие и реализация государственных программ в сфере молодежной политики;
- осуществление координации и методического руководства органов государственной власти субъектов РФ по вопросам реализации молодежной политики;
- нормативно-правовое регулирование в сфере молодежной политики в Российской Федерации.

К полномочиям субъектов РФ, согласно статье 9, относятся:

- разработка и реализация региональных программ с учетом региональных социально-экономических, экологических, демографических, этнокультурных и др. особенностей субъектов Российской Федерации;
- организация деятельности специалистов по работе с молодежью;
- организация и осуществление мониторинга реализации молодежной политики на территории субъекта Российской Федерации.

Согласно вышеописанному, молодежная политика в субъектах Российской Федерации находится в зоне ответственности самих субъектов и должна опираться на региональные особенности. Но законодательные акты субъектов РФ лишь повторяют основные положения Федерального закона и не отличаются спецификой для того или иного региона. С одной стороны, на Севере действуют многочисленные молодежные программы, проекты патриотического воспитания, создания молодежных парламентов, проекты поддержки молодых семей и ученых. С другой стороны, данные молодежные программы зачастую схожи с федеральными и не отражают в полной мере социально-экономическую, экологическую, демографическую, этнокультурную особенность Арктической зоны России.

Более того, в статье 7 ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации», рассматривающей место молодежи в реализации молодежной политики, обозначается роль молодых людей в качестве участников, содействующих работе органов власти с помощью выработки инициатив, проведения исследований, работы в консультативных органах власти. В соответствии с этой статьей, на Севере действуют различные молодежные объединения и движения: движение студенческих стройотрядов, волонтерское движение «Чистая Арктика», молодежные палаты при законодательных органах власти субъектов, советы

молодых ученых и специалистов при губернаторах, различные патриотические движения и т.д. Тем не менее, практика применения статьи 7 показывает, что молодежь не обладает субъектностью в вопросах ведения молодежной политики, а является лишь «участвующим дополнением» к деятельности органов власти. Таким образом, формируется следующая схема: «молодежь помогает органам власти в реализации молодежной политики». На наш взгляд, наиболее действенным решением будет формирование иной установки: «органы власти помогают молодым людям в реализации их созидательного потенциала». Мы предлагаем смену главного актора молодежной политики с «государства» на «молодежь при поддержке государства». Благодаря данному подходу различные молодежные структуры будут создаваться в ответ на общественный запрос молодых людей, которые смогут обрести конструктивную субъектность в реализации молодежной политики.

Статья 11 ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» предусматривает информационное обеспечение реализации молодежной политики, которое заключается в публикации статистических сведений о результатах ведения политики, сведений об органах власти, о мерах поддержки молодежи и т.д. Предположение, что в регионах Севера подобные информационные центры отсутствуют, будет в корне неверным. Однако следует отметить, что они не обладают достаточной информацией о важных аспектах деятельности современных молодых людей. Например, молодежный информационный центр Архангельской области (dommol29.ru) публикует исключительно контент развлекательного характера[3]. Наличие региональных информационных центров, деятельность и специализация которых отличаются в зависимости от муниципалитета, затрудняет поиск информации у молодых людей, проживающих в других федеральных округах, но заинтересованных перспективами жизни в Арктической зоне. В связи с этим, мы предлагаем создание Единого молодежного информационного центра Арктической зоны РФ, в котором будет доступна информация о возможностях трудоустройства и ведения бизнеса, прохождения практики и стажировки в местных компаниях, о культурно-досуговых мероприятиях, о туристических маршрутах и т.д. Этот Единый центр станет своеобразной «витриной» Арктической жизни не только для молодых северян, но и для молодежи всей России.

Подходы к молодежной политике в Архангельской, Мурманской областях и в Республике Саха (Якутия): сходства и различия

Для анализа действующего законодательства, обеспечивающего нормативно-правовую базу молодежной политики в субъектах АЗРФ, был выбран перечень

3 Молодежь Архангельской области. URL: http://molod29.ru/

 ISSN 2782-621X (Online)

документов Архангельской и Мурманской областей, а также Республики Саха (Якутия) как регионов с набольшей численностью молодежи Севера.

Основой региональных законодательных актов и программ, посвященных молодежной политике, выступает Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» №489-ФЗ и Концепция государственной молодежной политики Российской Федерации. Однако следует заметить, что молодежная политика в Республике Саха (Якутия) (далее – РС (Я)) имеет отличия от других северных регионов. Во многом это обусловлено тем, что еще с 1990-х гг. Якутия стала лидером в законотворческом процессе, посвященном молодежной политике (22, с. 158).

При сопоставлении законов о молодежной политике трех упомянутых субъектов выявляется несколько существенных отличий.

Во-первых, Закон Архангельской области от 20 сентября 2005 г. №83-5-ОЗ (с изменениями на 22 февраля 2022 г.)[4] и Закон Мурманской области от 09 июня 2021 г. №2649-01-ЗМО[5] в качестве направлений молодежной политики принимают пункты, перечисленные в соответствующем Федеральном законе, без существенных изменений. В то же время, Закон Республики Саха (Якутия) от 3 декабря 1998 г. З №49-II (с изменениями на 30 ноября 2021 г.)[6] - помимо того, что включает пункты, указанные в ФЗ, - также дополняет их собственным перечнем направлений, которые соответствуют актуальным проблемам, стоящим перед руководством Республики. Это - помимо таргетированности - показывает особый подход к молодежной политике, его более комплексный характер, отражающий региональные особенности молодежной деятельности в РС (Я).

Во-вторых, в Законе Мурманской области, в отличие от двух других, не прописан порядок участия органов местного самоуправления в осуществлении молодежной политики. Этот факт является аргументом в пользу дальнейшего совершенствования законодательства субъекта АЗРФ в области молодежной политики.

В-третьих, Законы Архангельской и Мурманской областей не уделяют внимания участию молодых граждан в формировании и осуществлении государственной молодежной политики, в отличие от Закона РС (Я). Более того, в Законе РС (Я) в приоритете поставлена необходимость «соблюдения прав и законных интересов молодых граждан». Таким образом, заметна разница в подходах к молодежной политике в законах упомянутых субъектов РФ.

4 Закон Архангельской области от 20 сентября 2005 г. «О молодежной политике в Архангельской области» №83-5-ОЗ (с изменениями от 22 февраля 2022 года). URL: https://docs.cntd.ru/document/962012518

5 Закон Мурманской области от 9 июня 2021 г. №2649-01-ЗМО «О молодежной политике в Мурманской области». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5100202106090004

6 Закон Республики Саха (Якутия) от 3 декабря 1998 г. З №49-II «О государственной молодежной политике в Республике Саха (Якутия)». URL: https://docs.cntd.ru/document/423845511

Необходимо отметить и сходства упомянутых законов. Все они принимают в качестве образца модель, зафиксированную в Федеральном законе, привнося некоторые свои трактовки по отдельным пунктам закона. Схожим образом распределяются и полномочия органов законодательной и исполнительной власти, за исключением случая, упомянутого выше.

Отдельному анализу подверглись программы молодежной политики Республики Саха (Якутия) и Архангельской области. Мы выявили ряд различий в направлениях молодежной политики. В документе РС (Я) на первый план выходят поддержка молодежных инициатив и волонтерских движений, трудоустройство, патриотическое воспитание, популяризация традиционных семейных ценностей и привлечение на территории области молодых людей, прибывших из других регионов, и т.д. Программа Архангельской области содержит пять ключевых направлений: создание условий для развития потенциала молодежи, воспитание патриотизма, развитие волонтерства, борьба с алкоголизмом среди молодежи и развитие гражданского общества. И в том, и в другом случае программы нацелены на решение актуальных проблем и выстроены согласно приоритетам соответствующих субъектов АЗРФ. Вместе с тем, руководство Архангельской области уделяет значительно больше внимания патриотическому воспитанию, выделяя гражданское и военное воспитание. В то же время, программа РС (Я) обобщает направления молодежной политики, в результате чего уменьшается количество подпрограмм, а также снижается объективность оценки поставленных целей.

Выделить общие приоритеты молодежной политики и в то же время отразить специфику региона в АЗРФ сможет Концепция молодежной политики Арктической зоны Российской Федерации. Программные документы субъектов АЗРФ могут стать составными частями этого документа.

Концепция государственной молодежной политики СКФО

В качестве примера документа, устанавливающего целенаправленный и комплексный подход к молодежной политике, авторы выбрали Концепцию государственной молодежной политики СКФО[7]. Несмотря на существенные различия между Арктической зоной и Северным Кавказом, сама идея о создании документа, отражающего этнокультурные, социально-экономические и другие особенности Севера, актуальна и уместна.

Первичный анализ структуры Концепции СКФО выявляет несколько ее отличи-

7 Концепция государственной молодежной политики в Северо-Кавказском федеральном округе до 2025 г. (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2012 г. N 506-р). СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128714/c03ab084906bd773a5da91de0472c74945586bf0/

тельных особенностей. Во-первых, документ носит стратегический, а не рамочный характер. Концепция СКФО делает акцент на наиболее важных задачах, достижение которых будет способствовать решению проблем региона. Во-вторых, Концепция СКФО содержит в себе конкретные рекомендации, осуществление которых позволяет проводить таргетированную молодежную политику, реализующую индивидуальный подход и использующую широкий спектр программ в разных областях.

Комплексность подхода к молодежной политике в СКФО заметна в наличии направлений молодежной политики, содержащихся в Концепции. Их можно разделить на семь тематических блоков: нравственно-патриотическое воспитание молодежи; образование; расширение возможностей для научной деятельности; социализация и государственная поддержка; развитие волонтерского движения; трудоустройство; развитие молодежного парламентаризма.

Каждый из них содержит набор задач и мер по их решению, актуальный для субъектов Северо-Кавказского ФО. Простое копирование их для Концепции АЗРФ не принесет желаемых результатов из-за разницы проблем, геоэкономических условий и этнокультурного состава населения между регионами. Однако мы можем опереться на существующую Концепцию как на своеобразный «трафарет» при составлении концептуального документа для регионов АЗРФ.

Выводы

Как показал наш анализ, Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» №489-ФЗ и региональные законы о молодежной политике не исчерпывают правовую, методологическую и идеологическую основы для реализации перечисленных в них целей и задач на уровне областей и муниципалитетов Севера. Эти документы лишь задают направление для дальнейшей работы и очерчивают возможности для работы по делам молодежи. По убеждению авторов, необходимо разработать стратегию и для субъектов Федерации Арктической зоны РФ. Фундаментом для ее реализации может стать Концепция государственной молодежной политики в АЗРФ. По мнению авторов, Концепция должна охватывать следующие ключевые направления молодежной политики.

Идеологические основы патриотического воспитания молодежи Севера. На наш взгляд, в Концепции молодёжной политики для АЗРФ следует уделить внимание патриотическо-идеологическим аспектам. Этнокультурная насыщенность Арктического региона, особые условия труда и суровый климат Севера, по мнению авторов, способствуют формированию особой – арктической – духовно-культурной общности. Именно под такой мировоззренческой призмой следует рассматривать

и молодёжь Арктики. Культивирование данной ценностной установки зависит от уровня образования молодого поколения северян, а также от системного подхода к патриотическому воспитанию. Этот подход должен включать сквозной принцип, сформулированный в следующей формуле: «я – семья – народ – малая Родина – большая Родина». Эта структура может показаться наивной и очевидной, однако следует заметить, что нынешний сквозной принцип патриотического воспитания, по нашим наблюдениям, ограничивается формулой «семья – регион – страна», что исключает индивидуалистическую сущность молодого человека XXI в. и ведет к утрате национально-регионального самосознания – ключевого аспекта в системе патриотического воспитания. В этой связи, молодые люди Севера на мировоззренческом уровне не ощущают своей исключительности и отличий от остальных граждан Российской Федерации.

Образование

Отсутствие идеи арктической духовно-культурной общности в документах о молодёжной политике усугубляется отсутствием особого подхода к образовательному процессу на Севере. В настоящее время школьное образование – в особенности гуманитарное – схоже с общероссийским. Учитывая, что историческое обучение зачастую «москвоцентрично», молодые северяне не в полном объеме осведомлены об истории собственного региона. В данном контексте примечателен опыт Краснодарского края, где в школах, помимо истории России, изучают также и историю Кубани, так как существует отдельная дисциплина - «Кубановедение»[8]. Авторы приходят к выводу, что схожий подход к историческому преподаванию в школах применим и к регионам Арктической зоны (в особенности – к Мурманской и Архангельской областям). Также следует обратить внимание и на опыт Республики Крым, где были разработаны учебные кластеры, включающие 15 программ, посвященные личностям, прославившим Тавриду. Так, в раздел «Государственные и общественно-политические деятели» были включены материалы о М.С. Воронцове, Екатерине II, Г.А. Потемкине и др. В разделе «Деятели науки и культуры» составлены очерки об И. К. Айвазовском, С. П. Боткине и др. (5).

Целенаправленная героизация деятелей Арктики может стать плацдармом для популяризации идеи арктической духовно-культурной общности и чувства гордости на регион своего проживания. Это сформирует «арктическую специфику» школьного образования, что, на наш взгляд, должно найти отражение в Концепции государственной молодежной политики АЗРФ.

8 Образовательная программа по Кубановедению. URL: https://infourok.ru/rabochaya-programma-po-kubanovedeniyu-5550598.html

 ISSN 2782-621X (Online)

Молодежный парламентаризм

Уже существующие молодежные палаты и консультативные советы могут стать фундаментом развития диалога молодых людей разных субъектов АЗРФ[9]. По мнению авторов, целесообразно создание Ассоциации молодежных парламентов и структур Арктической зоны РФ. Подобная мера была осуществлена властями Северо-Западного федерального округа для интеграции молодежи и обмена опытом, ведь возможность быть услышанными властями привлекает молодых людей, заинтересованных в развитии родного региона. Более того, данная ассоциация может выступать в качестве непосредственного участника международных молодежных программ и форумов стран Арктического совета, что позволит расширять применение инструментов гражданской дипломатии нашей страны через общение представителей молодежи из разных стран[10]. Поощрение диалога молодых людей и активное содействие ему со стороны государственных органов власти, на наш взгляд, также должно найти отражение в Концепции молодёжной политики АЗРФ.

Повышение привлекательности региона

В Концепции молодёжной политики АЗРФ также должно быть отражено создание условий для привлечения молодежи из других регионов. В качестве механизмов привлечения мы предлагаем создать программу оплачиваемых стажировок и практик в компаниях АЗРФ для иногородних студентов. Идея заключается в том, что студент, получающий образование в одном из регионов России, сможет найти применение своим знаниям и умениям на просторах Арктической зоны РФ, что может повысить вероятность его дальнейшего переселения и трудоустройства. Также действенной мерой может стать выделение специальных целевых мест на обучение для абитуриентов из других регионов. Это поможет иногородним абитуриентам, заинтересованным в получении образования в университетах АЗРФ, после окончания высшего учебного заведения начать карьеру в бизнесе, некоммерческом секторе или государственных структурах Арктики. Данные меры смогут содействовать решению важнейшей задачи, заключающейся в привлечении молодых специалистов и трудоспособного населения.

Наука

Научная деятельность в полярном регионе – одно из главных условий, привлекающих интерес ученых к северным широтам России. Эта особенность региона

9 Создание Ассоциации Молодёжных парламентов Северо-Запада России обсудили в Вологде. СеверИнформ. URL: http://www.severinform.ru/lenta/?full_id=210351

10 Арктика объединяет молодежь: возможности для самореализации и карьерного роста // Международный арктический форум. URL: https://forumarctica.ru/news/arktika-obedinjaet-molodezh-vozmozhnosti-dlja-samorealizatsii-i-karernogo-rosta/

также должна быть отражена в Концепции.

Ключевыми направлениями в работе Правительства РФ и региональных властей должны стать:

- стимулирование молодежных научных исследований Арктики путем организации и финансирования тематических конкурсов, форумов и круглых столов;
- поддержка деятельности советов молодых ученых и научных студенческих обществ в АЗРФ;
- грантовая поддержка талантливой молодежи, занимающейся исследованиями и разработками на арктическую тематику;
- проведение всероссийских конкурсов, олимпиад и универсиад на тему Арктики;
- организация стажировок и исследовательских экспедиций в АЗРФ;
- организация и финансирование международных научных конференций для молодежи на темы, связанные с проблемами региона;
- сотрудничество с зарубежными вузами и исследовательскими центрами в изучении циркумполярного региона;
- создание базы данных талантливой молодежи АЗРФ с целью дальнейшего стимулирования их творческой и научной деятельности на арктическую тематику.

Нельзя не отметить, что сегодня уже ведется активная деятельность по некоторым из перечисленных направлений. Например, в рамках международного университетского сотрудничества в октябре 2022 г. на базе МГУ имени М.В. Ломоносова состоялся Конгресс Университета Арктики 2022[11]. Мероприятие будет реализовано в рамках председательства Российской Федерации в Арктическом совете в 2021-2023 гг. В программу конгресса в числе прочих включены вопросы, связанные с молодежью и коренными народами Арктики. Практика проведения подобных форумов должна стать традицией, а представителям властных структур следует способствовать установлению новых академических контактов.

Отдельно необходимо остановиться на мерах, нацеленных на популяризацию полярных исследований среди молодежи Севера. Повышение осведомленности школьников и студентов арктического региона об истории и природе своего края, а также проведение региональных олимпиад и конкурсов с локальной спецификой может в будущем повысить интерес молодежи к изучению родного региона. В перспективе, такие меры помогут создать кузницу научных кадров непосредственно на месте проведения исследований, что существенно расширит потенциал региона.

Стимулирование молодых ученых к изучению Арктики будет способствовать

11 Конгресс Университета Арктики 2022 в МГУ. URL: https://www.msu.ru/science/main_themes/kongress-universiteta-arktiki-2022-v-mgu.html

 ISSN 2782-621X (Online)

одновременному решению нескольких задач. Во-первых, научная деятельность в АЗРФ получит новый импульс развития. Во-вторых, за счет переезда на постоянное жительство в арктические регионы России отчасти будет решаться проблема оттока молодежи и поддерживаться экономическая стабильность. В-третьих, популяризация арктических исследований среди молодежи будет способствовать улучшению имиджа региона и повышению уровня его привлекательности.

Трудоустройство

Одной из главных проблем региона является вопрос занятости населения. За последние 5 лет мы наблюдаем тенденцию снижения количества трудоспособного населения, при этом, количество безработных превышает потребность в трудовых ресурсах. По данным Росстата, в субъектах АЗРФ заявленная работодателями в 2021 г. потребность в работниках составляла 168 240 чел.; в то же время, количество безработного населения превышает этот показатель и составляет 192 800 чел.[12]. По факту мы имеем дело с несоответствием требуемых квалификаций и профессионального образования работников. Молодежь Арктики в поисках перспектив для карьерного роста переезжает в более успешные соседние регионы, такие как Ямало-Ненецкий АО (в 2018 г. зафиксирован прирост населения в 2,99%), Ленинградскую область или в регионы Центральной России (1, с. 98).

Для привлечения рабочих кадров в Арктические регионы необходимо предусмотреть создание новых механизмов по обеспечению молодежи жилплощадью. Это направление работы должно быть отражено в Концепции молодежной политики АЗРФ.

Другим немаловажным аспектом является потребность в профориентации молодежи. С этим может помочь создание единой региональной платформы, которая бы содержала информацию об оплачиваемых стажировках и актуальных вакансиях на предприятиях в Арктической зоне. Важно разработать систему анализа предпочтений молодежи, находящейся в поисках работы, и работодателей, чтобы проводить таргетированную политику по корректированию или поддержке рынка труда. Поиск новых технологических решений для анализа и регулирования рынка трудовых ресурсов в Арктике также должен стать одним из приоритетных направлений в Концепции молодежной политики АЗРФ.

Мы абсолютно убеждены, что именно централизованный, системный подход к воспитанию молодых людей может вывести молодежную политику Севера на качественно новый уровень. И первый шаг на этом пути – создание Концепции государственной молодежной политики в Арктической зоне Российской Федерации.

12 Федеральная служба государственной статистики. URL:https://rosstat.gov.ru/

Список источников

1. Галимуллин Э.З. (2019), Миграционные установки и механизмы привлечения молодежи в Арктическую зону Российской Федерации [Migration attitudes and mechanisms of attracting young people to the Arctic zone of the Russian Federation]. Арктика и Север. №36. С. 96-109.
2. Егоров П.М. (2014), Молодежная политика в Республике Саха (Якутия): формирование законодательной базы [Youth policy in the Republic of Sakha (Yakutia): formation of the legislative base]. Культура. Духовность. Общество. №9. С. 157-161.
3. Красулина О.Ю. (2016), Проблемы социально-экономического развития Арктических территорий [The problems of socio-economic development of the Arctic territories]. Иннов: электронный научный журнал. №3 (28). URL: https://www.innov.ru/science/economy/problemy-sotsialno-ekonomicheskogo-/
4. Крутиков А.В., Смирнова О.О., Бочарова Л.К. (2020), Стратегия развития российской Арктики. Итоги и перспективы [The development strategy of the Russian Arctic. Results and prospects]. Арктика и Север. №40. С. 254-269.
5. Шендрикова С.П. (2017), Духовно-нравственное воспитание современной молодежи на примере известных персоналий России [Spiritual and moral education of modern youth on the example of famous personalities of Russia]. Духовно-нравственные основы идеологии Российской государственность на современном этапе: материалы Всерос. Научно-практической конференции, Краснодар-Сочи, 13-15 марта 2017 г. С. 131-135.

References

1. Galimullin, E.Z. (2019), “Migration attitudes and mechanisms of attracting young people to the Arctic zone of the Russian Federation”. Arctic and the North. No.36. pp. 96-109. (In Russian)
2. Egorov, P.M. (2014), Youth policy in the Republic of Sakha (Yakutia): formation of the legislative base. Culture. Spirituality. Society. No. 9. pp. 157-161. (In Russian)
3. Krasulina, O.Y. (2016), “The problems of socio-economic development of the Arctic territories”. Innov: electronic scientific journal. No. 3 (28). URL: https://www.innov.ru/science/economy/problemy-sotsialno-ekonomicheskogo-/ (In Russian)
4. Krutikov, A.V., Smirnova, O.O., Bocharova, L.K. (2020), “The development strategy of the Russian Arctic. Results and prospects”. Arctic and the North. No. 40. pp. 254-269. (In Russian)

5. Shendrikova, S.P. (2017), Spiritual and moral education of modern youth on the example of famous personalities of Russia. Spiritual and moral foundations of the ideology of Russian statehood at the present stage: materials of Vseros. Scientific and Practical Conference, Krasnodar-Sochi, March 13-15. pp. 131-135. (In Russian)

Информация об авторах

МАРЧЕНКО Николай Олегович, студент 3го курса Факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация. E-mail: martchenko2016@mail.ru

СИДОРОВ Даниил Михайлович, студент 3го курса Факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация. E-mail: d.m.sidorov@mail.ru

About the authors

Nikolay O. MARTCHEKO, 3rd year student of the School of World Politics of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. E-mail: martchenko2016@mail.ru

Daniil M. SIDOROV, 3rd year student of the School of World Politics of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. E-mail: d.m.sidorov@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ

Научная статья
УДК 314.925.2; 316.356.4; 323.1
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-178-197

Социологические науки

Региональная и этническая самоидентификация представителей «переходного» и «постсоветского» поколений в европейской части Арктической зоны России (на примере Поморья)

Андрей Олегович Подоплёкин

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук, Архангельск, Российская Федерация
podoplekin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9939-6153

Аннотация. В статье обобщаются данные исследования этнической, гражданской и региональной идентичности молодёжи Архангельской области, полученные в ходе пилотного социологического проекта осени 2021 г. Результаты опроса сопоставлены с данными аналогичных по тематике исследований, проводившихся в регионе в 2000-е гг.. Подтверждены низкая межэтническая напряжённость и актуальность этнической самоидентификации. Показана готовность «переходного» и «постсоветского» поколений к принятию формулы Конституции РФ о «государствообразующем народе» и соответствующей «де-этнизации» понятия «русский». В молодёжной среде деактуализируется тема «поморского возрождения», большинство относит «поморов» к русскому этносу, а наименование «Поморье» означает преимущественно лишь географическое пространство. Отмечена высокая частота негативных оценок региональной экономики, социальной сферы, общественной безопасности и рынка труда, которые соотносятся с миграционной готовностью молодёжи. Отмечается разрушающее воздействие этих оценок на устойчивость региональной идентичности как основы социально-экономической стабильности в Архангельской области как одном из ключевых регионов с точки зрения национальных интересов России в Арктике.

Ключевые слова: Архангельская область, АЗРФ, молодёжь, гражданская и региональная идентичность, этничность, человеческий потенциал

Для цитирования: Подоплёкин А.О. Региональная и этническая самоидентификация представителей «переходного» и «постсоветского» поколений в европейской части Арктической зоны России (на примере Поморья). Россия: общество, политика, история. 2022. №4(4). С. 178-197.

© Подоплёкин А.О.
© «Россия: общество, политика, история», 2022

SOCIAL PROCESSES AND PHENOMENA

Original article
https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-178-197

Sociological sciences

Regional and Ethnic Self-Identification of Representatives of the «Transitional» and «Post-Soviet» Generations in the European part of the Arctic Zone of Russia (case of Pomorie)

Andrey O. Podoplekin

N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk, Russian Federation
podoplekin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9939-6153

Abstract. TThe paper deals with the research data on the ethnic, civil and regional identity of the youth of the Arkhangelsk region, obtained during the pilot sociological project in autumn 2021. The results of the survey are compared with the data of similar studies conducted in the region in the 2000s. The low inter-ethnic tension and the relevance of ethnic self-identification are confirmed. The readiness of the «transitional» and «post-Soviet» generations to accept the formula of the Russian Constitution about the «state-forming people» and the corresponding «de-ethnization» of the concept of «Russian» is shown. Other issue of the paper concerns the theme of the «Pomorian revival». Project data show that in the youth environment this theme is deactivated, the majority attribute the «Pomors» to the Russian ethnic group, and the name «Pomorye» mainly means only the geographical space. Third, a high frequency of negative assessments of the regional economy, social sphere, public safety and labor market, which correlate with the migration readiness of young people, was noted. The destructive impact of these assessments on the stability of regional identity, treated as the basis of socio-economic stability in the Arkhangelsk region as one of the key regions in terms of Russia's national interests in the Arctic, is noted.

Keywords: Arkhangelsk region, Russian Arctic, young people, civic and regional identity, ethnicity, human potential

For citation: Podoplekin, A.O. Regional and Ethnic Self-Identification of Representatives of the «Transitional» and «Post-Soviet» Generations in the European part of the Arctic Zone of Russia (case of Pomorie). Russia: Society, Politics, History. 2022. No. 4(4). pp. 178-197.

Введение

Идентичность российской молодёжи привлекает стабильное внимание исследовательского и экспертного сообщества (2; 3; 4; 8; 9; 10). Будучи залогом социально-психологической стабильности, интегрирующим сферы жизнедеятельности регионального сообщества, цельная региональная и гражданская идентичность – это фактор включения молодёжи в местный бизнес, воспроизводства ответственных управленцев, сохранения наследия территорий и регионального брендирования (13). Специальный интерес к теме определяется и приближающимся доминированием «переходного» и «постсоветского» поколений в политической, экономической и культурной элите (15; 16). Общественные эффекты предстоящего в 2025–2035 гг. поколенческого перехода зависят от ценностных установок, моделей поведения и мышления молодёжи, от её этнической, гражданской и региональной идентичности.

Отмеченное критически значимо как для европейского сектора АЗРФ в целом, жители которого к началу 2020-х гг., составляли св. 65% её населения, так и для Архангельской области, северные районы которой – это первые территории в составе АЗРФ, освоенные русскими (29). Здесь расположен космодром «Плесецк», крупнейшие судостроительные заводы, производство 30% целлюлозы и картона, свинцово-цинковые руды, 20% алмазов и 18% бокситов РФ, обширные запасы леса. Имеется развитая научно-образовательная платформа (университеты, включая единственный в АЗРФ медицинский вуз, центр РАН, другие научные учреждения); связь с рынками России и Европы, Мировым океаном; благоприятные условия для агропроизводств; уникальные ландшафты и культурно-историческое наследие, формирующее условия для туризма.

В составе АЗРФ, без учёта НАО, 45% площади области, на них проживают 57% её населения, или 27% жителей АЗРФ. При этом в 2000-е гг. экономическое состояние области кризисное, начиная с 1990-х гг. идёт поиск модели развития, осложняемый последствиями постсоветской стагнации. При урбанизации свыше 74% сохраняется сеть сельских поселений, в 1990-е гг. они компенсировали миграцию из крупных городов в другие регионы России. К концу 2010-х гг. этот источник очевидно исчерпан, с 1991 г. депопуляции в регионе составил свыше 25%, и наряду с естественной убылью, критической проблемой остаётся как снижение доли молодёжи, так и ничем не возмещаемое сокращение населения. Главная угроза для перспектив социально-экономического развития Архангельской области, с учётом её места в АЗРФ – преобладание в исходящей миграции молодёжи 17–18 лет (выпускники школ) и выпускники вузов 22–24 лет (22; 27; 5).

 ISSN 2782-621X (Online)

Как этносоциальное пространство, регион примечателен гомогенностью (входит в десятку субъектов РФ с наивысшей долей этнических русских – свыше 94%), межэтнической стабильностью и малозаметной этнополитической активностью. Последнее относится к «Поморскому возрождению», возникшему на волне «суверенизации» 1990-х гг. и поиска в регионах РФ новых опорных идентичностей. «Поморское» движение опиралось на признание «поморов» как обособленного от русских этноса, в начале 2000-х гг. его актуализации послужила поддержка от регионального госуправления (20). С началом 2000-х гг. началась деполитизация тренда, его трансформация в этнокультурный проект. К нач. 2010-х гг. региональная власть стала более осторожной к «поморскому проекту», который, ввиду консолидации российской государственности, стал вызывать опасения как потенциально этносепаратистский, особенно из-за поддержки, поступавшей из ближайших зарубежных стран (30; 23; 24; 20, с. 67).

Материал и методы исследования

Архангельская область входит в число регионов, привлекающих с конца 1990-х гг. стабильный интерес специалистов в сферах этнополитического и социального развития моноэтнических субъектов РФ, в т.ч. с учётом потребности в научном обосновании мер обеспечения социально-политической стабильности в АЗРФ, которая является стратегическим направлением пространственного развития страны (26; 14).

Осенью 2021 г. реализован проект для выявления особенностей этнической, гражданской и региональной идентичности молодёжи региона[1] (17). В число 305 респондентов (из них 149 мужского пола) вошли постоянные жители области 18–35 лет (в т.ч. пребывающие в ней для учёбы или работы). Св. 2/3 опрошенных имели среднее общее образование (свыше 58%), среднее профессиональное – свыше 11%, высшее – около 28%. Никогда в браке не состояли свыше 64% респондентов, у свыше 10% имеется хотя бы один ребёнок. Идентифицировали себя как неверующих около 45% респондентов, причём в возрастной группе 18–23 года этот показатель превысил 50%.

На крупнейшие города пришлось свыше 90% респондентов, на сельские поселения – 9,5%; уроженцы области – 93%. Географическое распределение соответствует данным статистики о жителях 15–34 лет в разрезе муниципалитетов, согласно которым подавляющая их часть приходится на города северной

1 Социологи ФИЦКИА УрО РАН оценили состояние этнической, гражданской и региональной идентичности молодёжи региона. 21.12.2021. URL: http: //fciarctic.ru /index.php?page=news&id=661

«агломерации» – Архангельск (свыше 51%), Северодвинск (свыше 22%) и Новодвинск (4%) и на т.н. «южный куст» – Котлас (около 8%) и Коряжму (свыше 3%). Учитывалось, что в первых двух размещаются вузы региона с численностью студентов свыше 20 тыс. чел. в 2021 / 2022 уч. году.

Опрос предоставлял возможность определения позиций по следующим аспектам:

- этническая самоидентификация, знакомство с компонентами этнической культуры, их использование
- отношение к этнической идентификации окружающих и её критерии, зависимость от неё в решении бытовых или профессиональных ситуаций;
- вовлечённость в общественные дискуссии по этнополитическим проблемам;
- место этнической и региональной идентичности окружающих в отношении респондента к ним;
- соотношение гражданско-политического и этнического в интерпретации понятия «русский»
- наличие и степень эмоциональной связи с местностью/ регионом/ страной рождения или проживания;
- оценка региона проживания по широкому спектру критериев;
- интерпретация респондентами «поморской» проблематики и дефиниций.

Интерпретация результатов пилотного опроса осени 2021 г. производилась с учётом и в сопоставлении с данными аналогичных социологических исследований 2003–2015 гг., проведённых в регионе, в том числе, в рамках общефедеральных проектов (6; 24; 28; 11; 12).

Результаты исследования и обсуждение

Показательные результаты проекта относятся к проблемам этнической самоиндентификации респондентов и их видения межэтнической тематики. Собственная этническая принадлежность не интересует 16,5% респондентов, около 57% из них уверенно относят себя к какому-либо этносу, затрудняются с такой самоидентификацией около 27%; при этом воспользовались предложением уточнить свою национальность 34,6% («русский» было указано в свыше 74% случаев). Примечательно, что 70% полагает данную принадлежность («национальность») наследуемым признаком, но большинство из них считают вторым главным критерием гражданство (33,7%), культуру (33%) и самосознание (свыше 25%). Среди знающих свою этническую принадлежность отмечен высокий уро-

 ISSN 2782-621X (Online)

вень знания компонентов этнической культуры: знакомы с народными песнями и танцами около 65%, праздниками, традициями, обрядами и кухней свыше 67%, одеждой – 85%, предметами быта – 80%; степень же использования, перечисленного (или участия) в разы ниже.

Доли тех, кто в 2021 г. подтвердил, что «Национальность человека… в принципе не интересует» при выборе вариантов для ситуаций «Влияет ли … на Ваше личное отношение к другому человеку его этническая принадлежность?», «Допускаете ли … для себя возможность брака с человеком иной национальности?» и «Возможен ли … отказ от предложенной … новой работы из-за того, что руководитель иной национальности?» составили 24,4%, 22,9% и 26% соответственно. Этническая принадлежность значима при определении отношения к другому человеку для 7%, при принятии решения о браке для 16,2%, не допускают для себя брак с человеком иной национальности ок. 8%, допускают для себя отказ от новой работы из-за национальности руководителя (работодателя) 2,5%.

Указанное целесообразно сравнить с данными сплошного анкетирования жителей Архангельской области в 2003–2004 гг., согласно которым доля тех, для кого национальная принадлежность другого человека влияла на выбор знакомств у 31% жителей региона, на решение вопроса о браке – у 31% (у женщин 58%). Уровень негативного отношения к «нерусским» и «неправославным» составлял 28% (21% в 2001 г.), возможность брака с представителем другой национальности и религии отвергали 34% (6).

Низкая значимость этнической принадлежности или вероисповедания как оснований для личного отношения к другим людям подтвердилась в 2021 г. предпочтениями при выборе пяти признаков, по которым оцениваются окружающих. Эти критерии были выбраны лишь в 5,7% и 2,9% случаях соответственно. В то же время имеются различия по возрастным разрезам: в группе 18–23 года значимость критериев «Национальность» и «Вероисповедание» указали 4,8% и 2,2%, в группе 24–29 лет – 13,5% и 2,7%, в группе 30–35 лет – 4,2% и 6,3% соответственно. А в целом в пятёрку наиболее значимых критериев вошли «Моральные качества» (86,7%), «Характер (темперамент)» (84,4%), «Уровень образования, интеллект» (75,9%), «Хобби, увлечения, предпочтения в спорте, … или т.п.» (71,1%) и «Внешность, манера одеваться, культура поведения» (55,6%).

Равным образом этническая принадлежность, по данным 2021 г., не входит в число главных причин агрессии против респондентов (менее 10%), тогда как наиболее частым поводом становились физические данные или внешний вид. Наибольшую частоту агрессий по этническому признаку подтвердила молодёжь Северодвинска, Новодвинска и Коряжмы (17,1%). Указанное применимо и к месту

лиц иной национальности как объектов личной неприязни – 3,8% респондентов, что контрастирует с частотой таких вариантов, как «политики, чиновники, полиция» – 45%, «бомжи», наркоманы и т.п.» – 80% или «преступники» – 88%. Подтверждена слабая погружённость молодёжи в дискуссиях по межэтнической тематике: 70,2% не участвовали в них (в социальных медиа, на форумах, в комментировании), когда-то несколько раз делали это 7,0%, но сейчас им тема неинтересна, интересуются такой проблематикой, но в обсуждениях участвуют лишь изредка 18,4% , а регулярно – 4,4%.

Приведённые показатели подтверждают тенденции, описанные в рамках массового опроса населения Архангельской области и НАО осенью 2015 г., когда на вопрос: «Ощущается ли … в городе / районе Вашего … проживания межэтническая напряжённость?» 22 % респондентов уверенно дали отрицательный ответ, ещё 45 % скорее склонялись к отрицательному ответу, лишь 9 % с разной степенью уверенности склонялись к признанию наличия конфликтного потенциала в этой сфере; 45% сомневались в возможности насильственных межэтнических столкновений, а 29% однозначно отрицали саму их вероятность, лишь 8 % допускали их возможность.

Организаторы исследования 2015 г. заключали, что около 10% населения области «было «дискурсивно» вовлечено в конструирование этносоциальной картины, специфика которой проявлялась в том, что отношения между этническими группами представлялись как зона напряжённости из-за социокультурной дистанции, формируемой несовместимостью ценностей и поведенческих паттернов». Они констатировали разрыв между представлениями населения области о характере и масштабах этносоциальных процессов и объективным их содержанием. Приведённые данные, в свою очередь, соответствовали результатам массового опроса, проведённого Центром изучения общественного мнения при правительстве региона летом 2015 г., по которым 16,2% и 71% участников оценили межэтнические отношения в области как доброжелательные или спокойные соответственно, всего 6% указали на наличие напряжённости/ конфликтности в этой сфере (28; 11).

Учитывая специфику вопроса о положении и значении русских в контексте дискуссий о перспективах государственно-политического и этно-социального развития России, в ходе пилотного опроса молодёжи Архангельской области в 2021 г. уточнялись интерпретации представителями «переходного» и «постсовет-ского» поколений понятия «русский». Наиболее часто выбираемыми вариантами (при возможности указания нескольких) стали утверждения, что русский – это тот… «для кого русский язык и культура родные» (55,6%), «…любой гражданин

 ISSN 2782-621X (Online)

РФ, независимо от национальности, то же самое, что «россиянин» (36,5%), «кто соблюдает русские обычаи и традиции в поведении, быту» (24,8%), «кто делает что-то полезное и значимое для России» (9,8%).

Приведённые данные целесообразно рассматривать с учётом результатов федерального проекта «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации» 2008 г. (14 субъектов РФ, 5 тыс. респондентов), включая Архангельскую область, по заказу Минрегионразвития России. Именно тогда было подтверждено наличие ментальных установок, характерных для сформировавшейся гражданской нации – «россиян», сущность которой не противоречила существованию многообразия этносов – «этнических наций» (21). В части Архангельской области в 2008 г. 69,8% признали многообразие и непохожесть жителей России, однако признак национальности стал лишь третьим критерием, по которому они различали граждан РФ, тогда как наибольшие различия были указаны по группам «богатые, среднеобеспеченные и бедные» (61,9%) и «дети, молодёжь, зрелый возраст и пожилые» (58,8%).

Тогда же национальность не вошла в число главных атрибутов, определявших восприятие респондентами окружающих: причиной отрицательного отношения к ним она выступила в 15,5% случаев, а положительного – в 14,6% случаев. В области отмечено в целом положительное или нейтральное отношение к иммигрантам в регионе, а проблемы межнациональных, межрелигиозных, или тому прочих отношений в рейтинге заняли места ниже 29-го. Своё положительное или нейтральное отношение к межнациональным бракам подтвердили 73,99%, а нежелательными/ недопустимыми их посчитали 7,9%. Равенство возможностей в сферах образования, достижении материального достатка, духовного и культурного развития признали 79,6%, 74,8% и 77,7% соответственно, вне зависимости от этнической принадлежности. Посчитали, что увольнение или отказ в приёме на работу в связи с национальностью, гражданством, религией или политическими убеждениями недопустимы 53,5%; а 14,6% отметивших, что были свидетелями оскорблений или унижений на национальной почве, указали, что их источником были СМИ.

В части проблем региональной и локальной идентичности жителей Архангельской области следует учитывать, что данная тема до последнего времени не становилась предметом системного изучения. Исследования, проведённые в постсоветский период, зачастую содержат довольно неоднозначные заключения. Например, выявлено, что характер локальной идентичности (положительный или отрицательный) жителей крупных городов региона определяется глубиной их исторической памяти (7). В конце 2010-х гг.

социологическими инструментами было выявлено, что несмотря на активизацию национальной арктической политики, у жителей региона слабо сформирована «арктическая» идентичность, которая заметно уступает их самоосознанию как «россиян», «северян», «жителей поселения и области» (12).

Как было отмечено выше, 93% опрошенных в ходе проекта 2021 г. – это уроженцы региона, при этом понятие «Родина» подразумевает для 25,4% респондентов поселение (город, село…), где он родился и проживает, для 22,2% – страну рождения, 15,6% – регион рождения и проживания, для 28,6% – это комплексное понятие, подразумевающее всё из перечисленного вместе, а 2,9% отметили, что слово «Родина» для них ничего не значит. Наиболее массовыми вариантами самоидентификации молодёжи Архангельской области. (при возможности указать два варианта) являются «Я – житель Архангельской области» – 66,3% и «Я – гражданин РФ» – 57,5%. Варианты, предлагающие определить себя прежде всего как представителей своей семьи (династии) или своей профессии, получили 35,2% и 22,5% соответственно, как представителей своей национальности или конфессии – 10,8% и 1,0% соответственно.

Подавляющее большинство респондентов, проживая в Архангельской области, согласны считать себя (при возможности выбора нескольких вариантов) «северянами» – свыше 84%, «жителями Поморья» – свыше 77%. Однако важно, что для 52% всех опрошенных «Поморье» — это территория побережья Белого моря, для 22,2% – это неофициальное название Архангельской обл., а для 3,5% – это «…бренд …местной продукции, привлечения туристов и т.д.».

В 2021 г. СМИ Архангельской области публиковали данные о «близости поморской идентичности» более чем половине жителей Архангельской области[2]. По нашим данным от 2021 г., доля относящих себя к «поморам» 41%, однако для 34,9% всех опрошенных «поморы» – это все русские Беломорья, для 27,0% – это русские, которые занимались на Севере морскими промыслами, а для 16,2% это неофициальное название всех жителей Архангельской области, и лишь 19% полагает что это наименование особого этноса.

Ключевым фактором устойчивости эмоциональной связи жителей с территорией проживания, как компонента региональной идентификации, является комплекс и соотношение их положительных/ отрицательных убеждений относительно региона как пространства культурной, социальной и экономической жизни.

Один из разделов исследования 2021 г. предоставлял возможность принять

2 Каждый второй житель Архангельской области называет себя помором. URL: https://region29.ru/2021/11/06/61862d4d179bed2ea0692e12.html

 ISSN 2782-621X (Online)

или отвергнуть предлагаемые ассоциации с Поморьем как территорией рождения и проживания. В этом разделе данные воспроизводят общее представление респондентов о Поморье, в котором оно предстаёт как «оторванный» от центральной России (согласны около 70%), «обделённый вниманием федеральной власти» регион (свыше 72%) с «вялой общественной и культурной жизнью» (свыше 57%). Положительные ассоциации с Поморьем опираются только на историю (согласны свыше 85%), архитектурное (свыше 91%) и природное наследие (свыше 89%), создающее перспективы для развития туризма (свыше 62%), а также на отсутствие «засилья приезжих» (свыше 73%). Но обращает на себя уровень несогласия молодёжи с утверждениями о том, что Поморье – это… «высокие зарплаты» (около 88%), «хорошие перспективы развития экономики» (свыше 71%), «благоустроенные поселения, хорошие дороги» (свыше 91%), «низкий уровень алкоголизма» (свыше 92%), «качественное здравоохранения и ЖКХ» (свыше 87%).

На таком фоне закономерен уровень миграционных настроений (готовности) молодёжи Архангельской обл., который является одной из центральных характеристик социальной ситуации не только в данном регионе, но и на Европейском Севере России в целом. Ещё в 2010 г. опрос в Мурманске, Архангельске и Сыктывкаре, показал, что треть жителей этих региональных центров хотели бы выехать за пределы своего региона, а среди молодёжи в возрасте 18–25 лет таковых было 51% (25). Исследование в прибрежных поселениях Архангельской области в 2015 г. также зафиксировало, что отъезд планировали или не исключали почти 25% жителей в целом, а в группах 18–29 и 30–39 лет «однозначно планировали уехать» свыше 30% и 11% соответственно (18). Коэффициенты естественного и миграционного прироста по всем поселениям были только отрицательные, доля граждан трудоспособного возраста среди выбывших составляла около 70%, а в отдельных поселениях до 85–100%.

Также серией социологических исследований середины 2010-х гг. подтверждалось, что социально-психологической основой высоких миграционных настроений молодёжи с этих территорий является утрата уверенности в восстановление на них экономической жизни, в возвращение их в число приоритетов пространственного развития России. Поэтому не только в органах государственного и муниципального управления, но и в структурах гражданского общества Архангельской области начинает формироваться понимание крайней актуальности модернизации форм и в целом активизации работы с молодёжью как ключевым фактором развития региона в будущем[3]. При этом обретает критическое

3 Официальный портал Общественной палаты Архангельской области, раздел «Доклады». URL: https://opao.ru/reports

значение проблемы характера и качества региональной молодёжной политики и взаимодействия государственной власти с соответствующей аудиторией, выявленные нами в Архангельской области в рамках проекта «Исследование социокультурных и социально-политических отношений в Российской Федерации и профилактика деструктивных проявлений в студенческой и молодёжной среде», реализованного также в 2021 г.[4]

Выводы

Результаты пилотного исследования 2021 г. могут указывать на принципиальные особенности и тренды в этнической, региональной и гражданской идентичности молодёжи Архангельской области.

Во-первых, данные позволяют констатировать деактуализацию для неё этнической самоидентификации (при стабильно низком уровне межэтнической напряжённости в регионе). Вместе с характерным сдвигом интерпретации понятия «русский человек» в сторону приоритета связи с языком и культурой, гражданства РФ, следования соответствующим моделям поведения и деятельности, это соответствуют тенденции «деполитизации» этничности в РФ.

Общее гражданство, язык, культура и история остаются главными интеграторами молодёжи с обществом. Данное наблюдение значимо с учётом принципа, применённого в редакции Основного закона РФ от 2020 г., согласно которому юридически оформляется принципиально новую сущность – «государствообразующий народ», которая во многом идентична понятию «гражданская нация». В Конституции эта дефиниция, вопреки имевшимся общественным опасениям, «де-этнизирована», поскольку этническая принадлежность исключена из критериев отнесения к «государствообразующему народу» (10). Согласно Основному закону, это гражданско-политическая общность из множества этносов страны, совокупность всех граждан РФ, использующих русский язык, объединённых гражданством, уважением и причастностью к истории и культуре страны. На примере молодёжи региона представляется возможным заключить, что в ментальные установки «постсоветского» поколения адаптировали главенство исторического, культурного и языкового единства, что находит отражение в отождествлении сущностей «этнический русский» и «гражданин России».

Во-вторых, «северность» остаётся для молодёжи Архангельской области

4 Социологи Лавёровского центра изучили отношение молодых северян к СМИ и соцсетям. 13.12.2021. URL: http: //fciarctic.ru /index.php?page=news&id=659

 ISSN 2782-621X (Online)

прочной региональной идентичностью, что может служить основой укрепления гражданской солидарности территориального сообщества региона. В целом представители «переходного» и «постсоветского» поколений идентифицируют себя как граждан РФ, жителей региона, в меньшей степени – как представителей профессии, семьи, этноса или конфессии.

Но при том сохраняется главная угроза стабильности ментальной связи молодёжи с регионом – это накопление и крайне высокий уровень негативных оценок состояния и динамики социально-экономической ситуации в регионе, что генерирует высокую миграционную готовность. Последнее критически значимо в формирующихся в начале 2020-х гг. геополитических реалиях, в условиях которых важнейшим условием эффективной реализации национальных целей России в Арктике становится развитие человеческого потенциала, а именно сообщества мотивированных граждан, выступающих, в числе прочего, как носители государственного суверенитета, гражданской и региональной идентичности.

В-третьих, представляется возможным констатировать, что «постсоветское» поколение региона продемонстрировало неактуальность для него «поморского возрождения» как этнокультурной инициативы. Для молодёжи региона дефиниции «помор» и «Поморье» обрели главным образом географическое смысловое наполнение, в рамках которого поморы рассматриваются как часть русского этноса, а Поморье — это территория либо Беломорья, либо субъекта РФ в целом. С другой стороны, происходящее переосмысление создаёт перспективы для регионального брендирования, продвижения продукции местных производителей, расширения продуктов в сфере этнокультурного и экологического туризма.

Благодарность

Статья подготовлена за счёт средств целевой субсидии на выполнение государственного задания «Трансформация социокультурного пространства регионов Арктической зоны РФ в современных условиях» (номер гос. регистрации 122012100405-4). Автор благодарит д-ра полит. наук, профессора РАН Лексютину Я.В. (СПбГУ) и д-ра ист. наук, г.н.с. Разумову И.А. (КНЦ РАН, г. Апатиты) за критические замечания и помощь в подготовке материала статьи, а также рецензентов за её экспертную оценку.

Список источников

1. Арутюнова Е.М. (2019), Государственно-гражданская и этническая идентичности русской молодёжи в Республике Саха (Якутия): динамика представлений [The National, Civic, and Ethnic Identity of Russian Young People in the Republic of Sakha (Yakutia): Perception Dynamics]. Социологическая наука и социальная практика. № 4. С. 111–121.
2. Арутюнова Е.М. (2017), Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика [State-civil and ethnical identities of youth: all-Russian context and regional peculiarities]. Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15. Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф. С. 259-272.
3. Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И. (2019), Изучение и регулирование этносоциальных процессов в России [Study and Regulation of Ethnosocial Processes in Russia]. Социологические исследования. № 3. С. 156-158.
4. Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И. (2021), Об актуальных вопросах этносоциального развития российских регионов [About Issues of Ethno-Social Development of the Russian Regions]. Социологические исследования. № 4. С. 156–157.
5. Гончаренко А.В., Фаузер Г.Н., Жигарева С.Е. (2012), Миграционные установки жителей северных городов [Migration settings of northern cities inhabitants]. Развитие Севера и Арктики: проблемы и перспективы. Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Апатиты, 14–16 ноября 2012 г. Апатиты: Ин-т экон. проблем им. Г.П. Лузина Кольс. науч. центра РАН. С. 156–157.
6. Гудим-Левкович Г.Е. (2004), Тенденции религиозного сознания населения Архангельской области (по материалам социологических исследований) [Tendencies of religious conscience of Arkhangelsk oblast population (by materials of sociological research)]. Свобода совести в России: исторический и современный аспекты : сборник докладов и материалов межрегиональных научно-практических семинаров и конференций 2002-2004 гг. Российское обние исследователей религии ; [сост. и общ. ред.: Мельникова Е. Н., Одинцов М. И.]. Москва. С. 342–354.
7. Дранникова Н.В. (2017), «Всесоюзная лесопилка» и «город корабелов»: к вопросу о локальной идентификации жителей Архангельска и Северодвинска [«All-Soviet Sawmill» and «The City of Shipbuilders»: to the question of the local identification of the Arkhangelsk and Severodvinsk inhabitants]. Русский Север. Вып. 1: Идентичности, память, биографический текст. К 95-летию К. В. Чистова. СПб. С. 287–308.

8. Дробижева Л.М. (2017), Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества [Dynamics of civic identity and its potential in positive integration processes in the Russian community]. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 4. С. 7–22.
9. Дробижева Л.М. (2018), Этносоциология: от пограничной области исследований к отрасли социологии [Ethnosociology: from the frontier research field to a branch of sociology]. Социологические исследования. № 6. С. 17–29.
10. Дробижева Л.М. (2020), Деполитизация этничности: между искушением новыми теориями и социальной практикой [Depolitization of ethnicity: between the temptation of new theories and social practice]. Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 18, отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый Хронограф. С. 202–224.
11. Зайков К.С., Максимов А.М., Тамицкий А.М., Трошина Т.И. (2018), Этносоциальная ситуация в арктических регионах России и государственная национальная политика [Ethnosocial Situation in Arctic Regions of Russia and the State National Policy]. Полис. Политические исследования. № 2. С. 57–67. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.05.
12. Каторин И.В. (2019), Социальное пространство северного региона в условиях формирования Арктической зоны России (на примере Архангельской области) [Social space of northern region in conditions of formation of Arctic Zone of Russia (case of Arkhangelsk oblast)]. Автореф. дисс. … канд. социолог. наук. Архангельск. 30 с.
13. Максимова Л.А., Валиев Р.А., Руженцева Н.Б., Валиева Т.В. (2019), Региональная идентичность в юношеском возрасте как маркер личностной связи с территорией проживания [Conceptosphere of Regional Identity in Young People as Marker of Personal Relation with Territory of Residence]. Психологическая наука и образование. Т. 24. № 2. С. 82–92. doi: 10.17759 /pse.2019240208
14. Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики [Scientific research in field of ethnicity, interethnic relations and history of national policy] (2018). Материалы сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, 19.12.2017 г., г. Москва., под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов. М.: ИЭА РАН. 315 с.
15. Пищик В.И. (2011), Поколения: социально-психологический анализ ментальности [Generations: Socio-Psychological Analysis of Mentality]. Социальная психология и общество. № 2. С. 80–88.

16. Пищик В.И. (2010), Типология ментальности советских и постсоветских поколений [Typology of mentality of soviet and post-soviet generations]. Российский психологический журнал. Т. 7. № 3. С. 18–23.
17. Подоплёкин А. (2021), Национальность молодёжь не интересует [Nationality does not concern the youth]. Архангельск. № 49 (5028). С. 19.
18. Подоплёкин А.О. (2016), Сельские жители прибрежных территорий Архангельской области: «доживающее население» или ресурс развития Российской Арктики? [Rural residents of coastal territories of Arkhangelsk oblast: “surviving population” or a resource for Russian Arctic development?]. Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 2 (83). С. 213–222.
19. Подоплёкин А.О., Шабаев Ю.П. (2011) Северо-западный ФО / Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие [North-West federal okrug / Russian nation: formation and ethnocultural diversity]. Под ред. В.А. Тишкова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука. С. 163–182.
20. Российская Арктика в поисках интегральной идентичности [Russian Arctic in search of integral identity] (2016), коллективная моногр. отв. ред. О. Б. Подвинцев М. : Новый хронограф. – 67 с.
21. Степанов В.В, Тишков В.А. (2010), Кем себя считают россияне: региональный аспект [Who are Russians:regional perceprions]. Вестник Российской нации. № 3. С. 112–153.
22. Фаузер В.В., Смирнов А.В. (2020), Миграции населения российской Арктики: модели, маршруты, результаты [Migration of the Russian Arctic population: models, routes, results]. Арктика: экология и экономика. № 4 (40). С. 4–18. DOI: 10.25283 /2223-4594-2020-4-4-18.
23. Шабаев Ю.П., Жеребцов И.Л., Журавлев П.С. (2012), «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы [‘The Russian North’: Cultural Borders and Cultural Meanings]. Мир России. № 4. С. 134–153.
24. Шабаев Ю.П., Подоплекин А.О. (2011), Архангельская область. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 г [Arkhangelsk oblast. Ethnopolitical situation in Russia and neighboring countries in 2010]. Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга. Москва. С. 260–270.
25. Шабаев Ю.П., Подоплёкин А.О. (2017), Европейский Север России: этнополитика и кризис местных сообществ [Russia’s European North: ethnopolitics and local communities’ crisis]. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Т. 13. № 1. С. 103–122.

26. Шапаров А.Е. (2015), Этнонациональная политика России в Арктике: основные подходы и принципы [Ethnic policy of Russia in the Arctic: basic approaches and principles]. Арктика и Север. № 21. С. 98–117.
27. Шеломенцев А.Г., Воронина Л.В., Смиренникова Е.В., Уханова А.В. (2018), Факторы миграции в арктической зоне Российской Федерации [Migration Factors in the Arctic Zone of the Russian Federation]. Ars Administrandi (Искусство управления). Т. 10. № 3. С. 396–418. DOI: 10.17072 /2218-9173-2018-3-396-418.
28. Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы: монография [Ethnonational processes in the Arctic: tendencies, problems and perspectives: monograph] (2017). И.Ф. Верещагин, К.С. Зайков, А.М. Тамицкий, Т.И. Трошина, Ф.Х. Соколова, Н.К. Харлампьева и др.; под общ. ред. Н.К. Харлампьевой; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. Архангельск: САФУ. С. 202–219.
29. Юркова М.В. (2018), Арктический аспект формирования региональной идентичности жителей Архангельской области [Arctic Aspect of the Arkhangelsk Region Inhabitants Identity Formation]. Вестник Томского государственного университета. Сер. Культурология и искусствоведение. № 29. С. 163–171. DOI: 10.17223 /22220836 /29 /15.
30. Pyzhova, A. (2011), Identity and Regional Culture: The Case of the Pomor People in Arkhangel'sk Region, Russia. University of Tromsø. 86 p.

References

1. Arutyunova, E.M. (2019), The National, Civic, and Ethnic Identity of Russian Young People in the Republic of Sakha (Yakutia): Perception Dynamics. Sociological Science and Social Practice. No. 4. pp. 111–121. (In Russian)
2. Arutyunova, E.M. (2017), State-civil and ethnical identities of youth: all-Russian context and regional peculiarities. Rossiya reformiruyushayasya: yearbook: 15th edition. Resp. ed.: M.K. Gorshkov. Moscow: Noviy Khronograph. pp. 259-272. (In Russian)
3. Gabdrakhmanova, G.F, Makarova, G.I. (2019), Study and Regulation of Ethnosocial Processes in Russia. Sotsiologicheskie issledovaniya No. 3. pp.156-158. DOI: 10.31857/S013216250004290-2 (In Russian)
4. Gabdrakhmanova, G.F, Makarova, G.I (2021), About Issues of Ethno-Social Development of the Russian Regions. Sotsiologicheskie issledovaniya. No. 4. pp.156-157. DOI: 10.31857/S013216250013756-4 (In Russian)

5. Goncharenko, A.V., Fauzer, G.N., Zhigareva, S.E. (2012), Migration settings of northern cities inhabitants. Development of North and Arctic: problems and perspectives. Materials of interregional scientific conference. Apatity, 14-16 November 2012. Luzin Institute for Economic Studies — Subdivision of the Federal Research Centre «Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences». pp. 156–157. (In Russian)
6. Gudim-Levkovich, G.E. (2004), Tendencies of religious conscience of Arkhangelsk oblast population (by materials of sociological research). Freedom of conscience in Russia: historical and contemporary aspects : digest of reports and materials of interregional scientific seminars and conferences 2002-2004. Russian Society for Researchers of Religion ; [comp. & ed. by: Melnikova, E.N., Odintsov, M.I.]. Moscow. pp. 342–354. (In Russian)
7. Drannikova, N.V. (2017), «All-Soviet Sawmill» and «The City of Shipbuilders»: to the question of the local identification of the Arkhangelsk and Severodvinsk inhabitants. Russian North. 1st ed.: Identities, remembrance, biographical text. To the 95th anniversary of K.V. Chistov. Saint Petersburg. pp. 287–308. (In Russian)
8. Drobizheva, L.M. (2017), Dynamics of civic identity and its potential in positive integration processes in the Russian community. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 4. pp. 7–22. (In Russian)
9. Drobizheva, L.M. (2018), Ethnosociology: from the frontier research field to a branch of sociology. Sociological Research. No. 6. pp. 17–29. (In Russian)
10. Drobizheva, L.M. (2020), Depolitization of ethnicity: between the temptation of new theories and social practice. Rossiya reformiruyushayasya: yearbook: 15th edition. Resp. ed.: M.K. Gorshkov. Moscow: Noviy Khronograph. pp. 202–224. (In Russian)
11. Zaykov, K.S., Maksimov, A.M., Tamitskiy, A.M., Troshina, T.I. (2018), Ethnosocial Situation in Arctic Regions of Russia and the State National Policy. Polis. Political Studies. No. 2. pp. 57–67. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.05. (In Russian)
12. Katorin, I.V. (2019), Social space of northern region in conditions of formation of Arctic Zone of Russia (case of Arkhangelsk oblast). dissertation abstract … CandSc (Sociol.) Arkhangelsk. 30 p. (In Russian)
13. Maksimova, L.A., Valiyev, R.A., Ruzhentseva, N.B., Valiyeva, T.V. (2019), Conceptosphere of Regional Identity in Young People as Marker of Personal Relation with Territory of Residence. Psychological Science and Education. Vol. 24. No. 2. pp. 82—92 doi: 10.17759 /pse.2019240208. (In Russian)

14. Scientific research in field of ethnicity, interethnic relations and history of national policy (2018). Materials of Scientific Council of RAS on complex issues of ethnicity and interethnic relations session, 19.12.2017, Moscow, ed. by V.A. Tishkov; comp. by B.A. Sinanov. Moscow: IEA RAN. 315 p. (In Russian)
15. Pishchik, V.I. (2011), Generations: Socio-Psychological Analysis of Mentality. Social Psychology and Society. No. 2. pp. 80–88. (In Russian)
16. Pishchik, V.I. (2010), Typology of mentality of soviet and post-soviet generations. Russian psychological journal. Vol. 7. No. 3. pp. 18–23. (In Russian)
17. Podoplekin, A. (2021), Nationality does not concern the youth. Arkhangelsk. No. 49 (5028). p. 19. (In Russian)
18. Podoplekin, A.O. (2016), Rural residents of coastal territories of Arkhangelsk oblast: “surviving population” or a resource for Russian Arctic development? Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda. No. 2 (83). pp. 213–222. (In Russian)
19. Podoplekin, A.O., Shabayev, Y.P. (2011), North-West federal okrug / Russian nation: formation and ethnocultural diversity. Ed. by V.A. Tishkov; N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of RAS. Moscow: Nauka. pp. 163–182. (In Russian)
20. Russian Arctic in search of integral identity (2016), collective monograph. Resp. ed. O. B. Podvintsev. Moscow : Noviy Khronograph. – 67 p. (In Russian)
21. Stepanov, V.V., Tishkov, V.A. (2010), Who are Russians:regional perceprions. Bulletin of Russian Nation. No. 3. pp. 112–153. (In Russian)
22. Fauzer, V.V., Smirnov, A.V. (2020), Migration of the Russian Arctic population: models, routes, results. Arctic: ecology and economy. Arctic: Ecology and Economy. No. 4 (40). pp. 4–18. DOI: 10.25283 /2223-4594-2020-4-4-18. (In Russian)
23. Shabaev, Y.P., Zherebtsov, I.L., Zhuravlev, P.S. (2012), ‘The Russian North’: Cultural Borders and Cultural Meanings. Universe of Russia. No. 4. pp. 134–153. (In Russian)
24. Shabaev, Y.P., Podoplekin, A.O. (2011), Arkhangelsk oblast. Ethnopolitical situation in Russia and neighboring countries in 2010. Annual report of ethnological monitoring network. Moscow. pp. 260–270. (In Russian)
25. Shabaev, Y.P., Podoplekin, A.O. (2017), Russia’s European North: ethnopolitics and local communities’ crisis. Political expertise: POLITEKS. Vol. 13. No. 1. pp. 103–122. (In Russian)
26. Shaparov, A.E. (2015), Ethnic policy of Russia in the Arctic: basic approaches and principles. Arctic and North. No. 21. pp. 98–117. (In Russian)

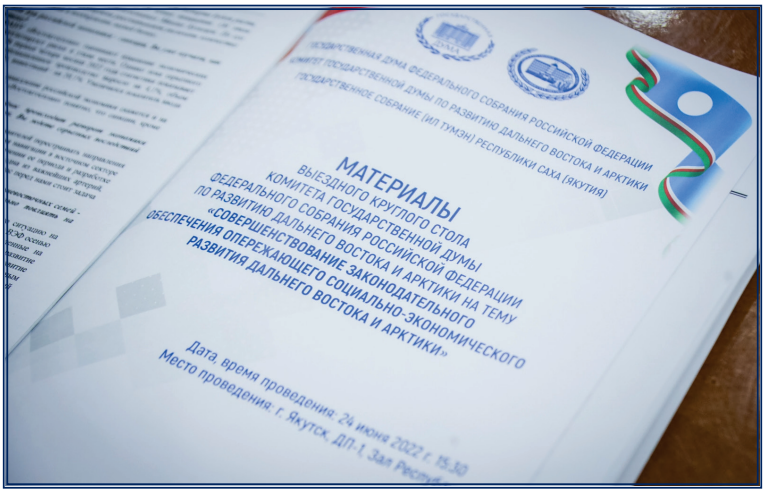
27. Shelomentsev, A.G., Voronina. L.V., Smirennikova, E.V., Uhanova, A.V. (2018), Migration Factors in the Arctic Zone of the Russian Federation. Ars Administrandi. Vol. 10. No. 3. pp. 396–418. DOI: 10.17072 /2218-9173-2018-3-396-418. (In Russian)
28. Ethnonational processes in the Arctic: tendencies, problems and perspectives: monograph (2017). I.F. Vereshagin, K.S. Zaykov, A.M. Tamitskiy, T.I. Troshina, F.Kh. Sokolova, N.K. Kharlampyeva and others; ed. by N.K. Kharlampyeva; Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. Arkhangelsk: SAFU. pp. 202–219. (In Russian)
29. Yurkova, M.V. (2018), Arctic Aspect of the Arkhangelsk Region Inhabitants Identity Formation. Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History. No. 29. pp. 163–171. DOI: 10.17223 /22220836 /29 /15. (In Russian)
30. Pyzhova, A. (2011), Identity and Regional Culture: The Case of the Pomor People in Arkhangel'sk Region, Russia. University of Tromsø. 86 p.

Информация об авторе

ПОДОПЛЁКИН Андрей Олегович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории динамики социокультурного развития регионов АЗРФ, заместитель директора Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова УрО РАН, член рабочей группы по социальным и гуманитарным наукам Международного арктического научного комитета, член сети российских экспертов для международного развития Программы развития ООН, Архангельск, Российская Федерация. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9939-6153. RSCI AuthorID 136161. WoS ResearcherID M-6321-2016. E-mail: podoplekin@mail.ru.

About the author

Andrey O. PODOPLEKIN, CandSc (Hist.), senior research fellow, Laboratory of the Regional Social-Cultural Development Dymanic in the Russian Arctic, Deputy Director, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, member of Social and Humanities working group of the International Arctic Science Committee; expert of the Russian Expert Network for UN Development Program, Arkhangelsk, Russian Federation. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9939-6153. RSCI AuthorID 136161. WoS ResearcherID M-6321-2016. E-mail: podoplekin@mail.ru.



Источник: Комитет Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики
URL: http://komitet2-1.km.duma.gov.ru/

24 июня 2022 г. Комитет Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики под председательством Харитонова Н.М. провел выездное заседание «круглого стола» в г. Якутске на тему «Совершенствование законодательного обеспечения опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока и Арктики».

Публикуем фоторепортаж «круглого стола», материалы которого размещены на сайте http://komitet2-1.km.duma.gov.ru/Novosti-Komiteta item/28485503/

ФОТОРЕПОРТАЖ

ВЫЕЗДНОГО «КРУГЛОГО СТОЛА» КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПО РАЗВИТИЮ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И АРКТИКИ

А.И. Еремеев – председатель Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)
Н.М. Харитонов – председатель Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики
П.М. Волков – статс-секретарь – заместитель Министра Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики

С.Г. Каргинов – первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики
В.Н. Пивненко – заместитель председателя Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики
А.А. Басанский – заместитель председателя Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики
А.Б. Веллер – член Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики
Н.В. Новичков – член Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики
П.В. Симигин – член Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики

 ISSN 2782-621X (Online)

А.К. Акимов – заместитель председателя Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера
А.В. Тарасенко – председатель Правительства Республики Саха (Якутия)

П.В. Симигин – член Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики
О.В. Гарин – член Комитета Государственной Думы по транспорту и развитию транспортной инфраструктуры
С.В. Авксентьева – заместитель руководителя фракции Политической партии «НОВЫЕ ЛЮДИ» в Государственной Думе

А.С. Николаев – глава Республики Саха (Якутия)

В.Н. Губарев – заместитель председателя Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)

 ISSN 2782-621X (Online)

В.И. Скоропупов – представитель Ассоциации полярников

Участники выездного «круглого стола» Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики

Волонтёры выездного «круглого стола» Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики

Работа выездного «круглого стола» Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики в Зале Республики Дома Правительства

ISSN 2782-621X (Online)

Творческий коллектив Республики Саха (Якутия) на выездном «круглом столе» Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики

Участники выездного «круглого стола» Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики

Макет и предпечатная подготовка
Издательство ООО «Институт региональных и международных исследований» (ИРМИ)
г. Москва, г. Московский, мкр 3, 11-345. 108819.

Подписано в печать 28.10.2022

Отпечатано
АО «Т8 Издательские технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, д.42, корп.5.

Тираж 500 экз.

Приглашаем к публикации авторов из России и зарубежных стран!

www.ru-society.com

ИРМИ
IRIR
Издатель: ООО «Институт региональных и международных исследований» (ИРМИ)